
3 1761 08820948 1

АЛЕКСѢЙ СМИРНОВЪ

СКЛИРЕНА

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА

АЛЕКСѢЙ СМИРНОВЪ

СКЛИРЕНА

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА

 Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

Юлии Михайловнѣ
Рогаткиной-Язиковой
на добрую память
отъ автора

Каиръ
24 февр 1908

I.

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой!..

А. Пушкинъ.

Склиренѣ не спится... Распустивъ свои длинные черные волосы, она неподвижно сидитъ у окна. Прохладный ночной воздухъ вѣетъ съ моря; сіяніе мѣсяца выдѣляетъ ея лицо на темной обивкѣ кресла и играетъ на позолотѣ двуглаваго орла, вѣнчающаго его высокую спинку.

Въ глубинѣ спальной, на столѣ у ложа, горитъ свѣтильникъ; невѣрнымъ свѣтомъ озаряетъ онъ причудливую мозаику въ полукуполѣ надъ ложемъ, тигровыя шкуры на полу изъ пестрыхъ мраморовъ и небрежно брошенныя пурпурныя ткани. Далѣе обширная спальня погружена въ полумракъ; видны лишь колонны, поддерживающія своды потолка; лунный свѣтъ широкими пятнами ложится на полу.

Все спитъ подъ покровомъ безмолвной апрѣльской ночи, въ блескѣ и переливахъ луннаго свѣта, въ мерцаніи безчисленныхъ звѣздъ. Ароматомъ розъ и жа-

сминовъ дышетъ дворцовый садъ; за узорною листвой его чинаръ, за темными стрѣлами его кипарисовъ видна неопредѣленно-сѣрая морская гладь, тонутъ въ голубой дали берегъ Азіи, Халкедонъ и неясныя очертанія далекихъ горъ.

Въ Халкедонѣ давно уже погасли огни, во дворцѣ также все погрузилось въ сонъ — потемнѣли окна въ покояхъ императора и на половинѣ императрицы Зои. Только стражи порой перекликаются вдали, только безсонная струя воды журчитъ и лепечетъ гдѣ-то въ саду, да соловьи заливаются въ темныхъ аллеяхъ.

Но не спится любимицѣ императора — августѣйшей Склиренѣ. Она приказала потушить огни, отпустила придворныхъ и прислугу; среди ночнаго безмолвія она осталась одна со своими думами. Ей невыносимо тяжело... она думаетъ о томъ, что произошло вечеромъ, и случившееся за послѣднее время снова воскресаетъ передъ нею со всѣми подробностями.

Послѣ вечерни, при выходѣ изъ церкви, императрица Зоя прислала сказать, что ей надо было видѣть Склирену. Императора въ церкви не было; онъ уѣхалъ на нѣсколько дней въ заповѣдные лѣса надъ водопроводами, на соколиную охоту. Ничего добраго не предвѣщало свиданіе съ императрицей: затаенное чувство взаимнаго нерасположенія часто прорывалось въ отношеніяхъ двухъ женщинъ. Зоя сама допустила переселеніе любимицы мужа во дворецъ, позволила вѣнчать ее августѣйшимъ титуломъ «Севасты» и создать ей невѣроятное и невиданное положеніе фаворитки, сидящей на престолѣ рядомъ съ нею, законною суп-

ругой и императрицей. Зоя обмѣнялась даже, по требованію мужа, клятвами дружбы со Склиреной и, въ силу всего этого, ненавидѣла ее. Не смотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, императрица еще жаждала радостей жизни, и ей невыносимо было встрѣчать соперницу, молодую и прекрасную, окруженную тѣмъ же почетомъ и блескомъ, какъ она сама.

Въ сопровожденіи двухъ служанокъ, неторопливо шла Склирена по безконечнымъ переходамъ дворца, слабо освѣщеннымъ рѣдкими свѣтильниками. Порой, какъ темное пятно, показывалась съ боку дверь, открытая на террасы сада, и свѣжій ночной воздухъ дышалъ въ лицо; порой, сквозь узорную рѣшетку входа, виднѣлся озаренный мерцающею лампадой иконостасъ церкви. Шаги гулко раздавались по мраморному полу. Изрѣдка попадавшіеся на встрѣчу тѣлохранители въ латахъ и шлемахъ почтительно уступали дорогу.

Зоя не тотчасъ приняла Склирену, и ей пришлось ждать въ той комнатѣ, которая предшествовала опочивальнѣ императрицы и за искусный подборъ мозаикъ на полу, стѣнахъ и потолкѣ получила названіе Гармоніи.

«Она нарочно заставляетъ меня дожидаться»... думала Склирена, разсѣянно глядя на пестрый мраморный полъ.

Въ Гармоніи царила тишина; нѣсколько придворныхъ разговаривали между собою потихоньку въ противоположномъ концѣ комнаты, и шопотъ ихъ неуловимо жужжалъ.

Наконецъ, дверь въ опочивальню распахнулась, и

дежурный евнухъ съ поклономъ пригласилъ Склирену войти. Зоя, безъ повязки, въ одной туникѣ, сидѣла въ креслѣ съ высокою спинкой. Крашеные волосы и нарумяненное лицо придавали ей сходство съ муміей и, благодаря этимъ ухищреніямъ, еще сильнѣе выступали морщины на утомленномъ лицѣ императрицы, ея безжизненныя, холодныя черты. Только небольшіе каріе глаза, быстрые, какъ мыши, показывали, что она еще живой человѣкъ.

Зоя не пошевелилась и только окинула вошедшую быстрымъ взглядомъ.

— Подойди, августѣйшая, — сказала она и прибавила, указывая на стулъ около себя: — садись.

Склирена сѣла. Взглядъ старухи еще разъ скользнулъ по ея лицу.

— Я хотѣла тебя видѣть; — начала Зоя, — скажи мнѣ: правда ли, что ты обѣщала Алексѣю Вурцѣ послать его стратигомъ Иверіи на мѣсто Михаила Ясита?

— Да, — смѣло отвѣтила Склирена, — я обѣщала его женѣ попросить за него императора.

Царица нетерпѣливо махнула рукой.

— Знай же, что царевна Евпрепія хлопочетъ объ этомъ назначеніи для Льва Торника, и, вѣроятно, онъ и будетъ назначенъ. Я думаю, — помолчавъ прибавила Зоя, — что прежде, чѣмъ обѣщать, ты могла спросить меня, не имѣю ли я кого-нибудь въ виду на это мѣсто.

Она впилась глазами въ лицо своей собесѣдницы, но та молчала, и это молчаніе, кажется, еще болѣе раздражало старуху.

— Что же ты молчишь? — спросила она наконецъ.

— Ты знаешь сама;—отвѣтила Склирена,— когда могла я спросить тебя? Мы встрѣчаемся лишь въ церкви, да на торжественныхъ пріемахъ. Ты не часто дѣлаешь мнѣ честь говорить со мною.

Зоя перебила ее съ раздраженіемъ:

— Оттого-то ты и рѣшила, что верховныя права принадлежатъ августѣйшей Склиренѣ? Не пожелаетъ ли Севаста смѣнить всѣхъ высшихъ сановниковъ? Не прикажетъ ли и мнѣ переѣхать въ монастырь на островѣ Принкипо, чтобы оттуда издали смотрѣть на Константинополь, гдѣ она будетъ распоряжаться?

Яркій румянецъ разлился по смуглому лицу Склирены; очевидно, ее призвали лишь затѣмъ, чтобы оскорбить... Однако, она овладѣла собой и спокойно замѣтила:

— Быть можетъ, императоръ найдетъ Вурцу достойнымъ...

— Оставайся красивою игрушкой,— рѣзко перебила ее царица,— и предоставь намъ рѣшать, кто на что способенъ.

Склирена снова вспыхнула.

— Я знаю,—колко замѣтила она,—достойнымъ окажется тотъ, кто дастъ тебѣ тысячу червонцевъ за свое назначеніе.

— А еслибы и такъ,—возразила Зоя—и голосъ ея возвысился до крика.—Мономаху нужны деньги, чтобы дарить направо и налѣво самоцвѣтные камни или полные червонцевъ кувшины. Когда въ казну всасываются голодною піявкой...

— Я уйду,— твердо сказала Склирена, поднимаясь съ мѣста, — ты призвала меня лишь затѣмъ, чтобы оскорбить. Ты жалишь, пользуясь отсутствіемъ императора, но я не боюсь тебя: ты ничего не можешь мнѣ сдѣлать.

— Какъ ты смѣешь такъ говорить со мною? также поднимаясь съ мѣста, закричала Зоя. — Думаешь ли ты, что я не сумѣю заставить тебя молчать?! Знай, что всѣ вооружены противъ тебя: мы — императрицы, царевны; патріархъ... онъ не сегодня-завтра отлучитъ тебя отъ церкви... Помни, что ты держишься лишь благодаря моей добротѣ, ничтожное созданіе!..

Кровь бросилась въ голову Склирены.

— Августѣйшая, я стану слушать тебя, когда ты будешь говорить, какъ подобаетъ императрицѣ...

Гордо повернувшись, она пошла къ дверямъ. Гнѣвнымъ взглядомъ провожала ее взбѣшенная старуха.

— Смотри, августѣйшая,—крикнула Зоя, когда она выходила уже въ сосѣднюю комнату.

Всѣ бывшіе въ Гармоніи поднялись при появленіи любимицы императора и невольно слышали рѣзкій, раздраженный голосъ старухи.

— Смотри, августѣйшая, не опоздай завтра къ обѣднѣ, какъ сегодня опоздала къ вечернѣ.

Прикусивъ губу, быстро прошла Склирена въ свои покои.

«Не увидишь ты меня завтра у обѣдни»,—вся дрожа отъ волненія, думала она, снимая повязку, дорогія запястья и перстни. — «Пусть ждетъ меня въ церкви и злится, старая ханжа».

— Евфимія! обратилась она къ одной изъ служанокъ, безмолвно помогавшихъ ей раздѣваться,—чтобы на разсвѣтѣ была подана лодка къ дворцовой пристани. Ты и Херимонъ поѣдете со мною на Принкипо. Приготовь все нужное.

Глубокое изумленіе, даже страхъ, отразились на лицѣ Евфиміи.

— На разсвѣтѣ!?.. но, вѣдь, двери Священнаго дворца еще заперты...—пробормотала она,—и ключи хранятся у папіи (главнаго ключаря)...

— Херимонъ съ вечера сходитъ къ папіи и скажетъ ему, что я на разсвѣтѣ хочу выѣхать на прогулку. Если папія попробуетъ помѣшать мнѣ — онъ отвѣтитъ передъ самимъ царемъ. Вѣдь не въ тюрьмѣ же я, наконецъ...

— Но,— попробовала еще возразить Евфимія, — ты забыла, Севаста,— завтра воскресеніе... выходъ августѣйшихъ къ обѣднѣ.

— Пускай Зоя и Евпрепія молятся, сколько хотятъ. Я буду отсутствовать.

— О, Господи, что скажутъ!.. растерянно произнесла Евфимія.

Лицо Склирены вспыхнуло гнѣвомъ.

— Слушай, что приказано! строго крикнула она.

Отпустивъ служанокъ, она сѣла у окна. Тишина стояла вокругъ, все объято было мирнымъ сномъ, но не было тишины въ сердцѣ красавицы.

Мысли ея невольно обратились назадъ — къ длинному ряду прожитыхъ годовъ. Вся жизнь ея вспоминалась ей съ мелкими подробностями, точно въ дале-

комъ прошломъ хотѣла она найти отвѣтъ на вопросъ что ей дѣлать?

Она видитъ себя дѣвочкой, послѣ смерти родителей привезенною къ брату Василію Склиру. Онъ былъ почти на двадцать лѣтъ старше сестры; женатый на племянницѣ царствовавшаго въ то время императора Романа III Аргира (перваго мужа Зои), онъ занималъ высокую придворную должность протостратора. Василій Склиръ былъ слѣпъ; еще царь Константинъ VIII (отецъ Зои) велѣлъ выколоть ему глаза за попытку убѣжать изъ заключенія, куда онъ попалъ за поединокъ. Дѣвочка помнитъ, какое впечатлѣніе произвели на нее огромныя залы и галлереи дворца, его тѣнистые сады, какъ ее удивляла слѣпота брата... Красиваго ребенка скоро всѣ узнали и полюбили во дворцѣ; самъ императоръ — высокій, худощавый старикъ — не разъ ласкалъ малютку и гладилъ ея шелковистые черные волосы; только императрица Зоя, тогда еще моложавая пятидесятилѣтняя женщина, внушала дѣвочкѣ невольную боязнь — она никогда не любила дѣтей.

Склирена росла среди роскоши дворцовой обстановки; лучшіе учителя занимались съ нею грамматикой, риторикой и философіей. На пятнадцатомъ году ея необыкновенная красота привлекала общее вниманіе. Одному изъ богатѣйшихъ вельможъ Византіи удалось получить ея руку. Онъ увезъ Склирену въ свои имѣнія. Но не прошло и двухъ лѣтъ, какъ скоротечная чахотка унесла его въ могилу. Потерявъ супруга семнадцатилѣтняя вдова вернулась къ брату, подъ кровлю священнаго дворца.

Никто не могъ соперничать со Склиреной: правильныя черты ея лица, глубокіе черные глаза, стройность и грація движеній невольно останавливали взоры. Она знала, что Склиры — одинъ изъ знатнѣйшихъ родовъ Византіи, что родной ея дѣдъ — знаменитый полководецъ Варда Склиръ, долго оспаривалъ престолъ у Василія II Болгаробойцы. Это сознаніе проглядывало во взорѣ ея, въ сдержанной улыбкѣ, въ величавомъ поворотѣ головы. Она привыкла къ роскоши и почестямъ; ея свободный разговоръ дышалъ увѣренностью и спокойствіемъ, искрился блестками остроумія и смѣлостью мысли.

За два года отсутствія ея, дворъ совершенно измѣнилъ свой характеръ. Еще при ней умеръ императоръ Романъ III,—какъ говорили, отравленный своею супругой. Онъ скончался въ ночь на Великій Четвертокъ, и Зоя въ ту́ же ночь обвѣнчалась съ Михаиломъ Пафлогоняниномъ, который и взошелъ на престолъ подъ именемъ Михаила IV. Молодой и красивый императоръ годился своей супругѣ въ сыновья; онъ страдалъ падучею болѣзнью, а потому всѣ дѣла перешли мало-по-малу къ его брату, монаху Іоанну—евнуху. Для Зои настали невеселые дни; деверь держалъ ее какъ въ темницѣ; она не могла безъ его позволенія выйти изъ своихъ покоевъ, принять у себя гостя. Михаилъ IV показывался рѣдко: припадки падучей болѣзни все чаще и чаще мучили его. Когда необходимо было появиться передъ народомъ, то вокругъ трона вѣшали занавѣсъ, который быстро задергивали, чуть лицо императора искажалось приближе-

ніемъ припадка. Онъ проводилъ время съ отшельниками и монахами, странниками и юродивыми, омывалъ имъ ноги, укладывалъ ихъ спать на свое царское ложе, а самъ проводилъ ночи на голыхъ камняхъ. Имперіей полновластно распоряжался Іоаннъ; казни, ссылки и пытки тянулись безконечною чередой.

У своего брата Василія Склирена снова встрѣтила Константина Мономаха, одного изъ самыхъ блестящихъ царедворцевъ того времени. Онъ недавно овдовѣлъ послѣ второй жены, которая приходилась родственницей женѣ Василія; ему было уже пятьдесятъ лѣтъ, но онъ еще вполнѣ сохранилъ свою красоту и особенный отпечатокъ доброты и мягкосердечія. Склирену онъ помнилъ ребенкомъ, и теперь, вмѣсто малютки, онъ увидѣлъ прекрасную молодую женщину. Все, что сохранилось въ его душѣ способнаго къ горячему чувству, вспыхнуло внезапною страстью къ молодой вдовѣ. Долго онъ хлопоталъ безуспѣшно, чтобы законъ отмѣнилъ для него запрещеніе вступать въ третій бракъ. Въ это время какъ громъ обрушилась немилость Іоанна на Мономаха, пользовавшагося когда-то особымъ расположеніемъ Зои. Ему велѣно было отправиться въ ссылку на островъ Мителену. Къ общему удивленію, Склирена объявила, что она поѣдетъ съ нимъ. Тронуло ли ее глубокое чувство Мономаха и его безграничная привязанность? Привлекла ли ее покорность, съ которою онъ принялъ упавшій на него ударъ судьбы? Полюбила ли она его? Кто знаетъ?.. Она послѣдовала за нимъ въ изгнаніе, она не жалѣла своихъ богатствъ, чтобы смягчить для него суровость

ссылки и утѣшала его своими ласками и заботами. Кажется, самые лучшіе, самые свѣтлые годы провела она съ Мономахомъ въ его изгнаніи. Константинъ опасался, чтобъ за нимъ опять не прислали изъ столицы; онъ полагалъ, что ему грозитъ казнь или ослѣпленіе, и не разъ подумывалъ постричься въ монахи. Всѣ эти опасенія и лишенія тѣснѣе сближали ихъ, и онъ становился дорогъ Склиренѣ, можетъ быть изъ-за тѣхъ жертвъ, которыя она же ему приносила.

Въ это время умеръ Михаилъ IV, пронеслось бурное и короткое царствованіе Михаила V Калафата. Наконецъ, престолъ снова перешелъ во власть Зои и Ѳеодоры.

Несмотря на свой шестидесятилѣтній возрастъ, Зоя въ третій разъ захотѣла выйти замужъ. Для императрицы, конечно, не могъ служить препятствіемъ законъ, запрещавшій третій бракъ. Послѣ долгихъ колебаній, она предложила царскій вѣнецъ и свою руку Мономаху. Склирена первая посовѣтовала ему не отказываться, и Константинъ IX Мономахъ взошелъ на престолъ. Вслѣдъ за нимъ вернулась въ Византію и его подруга. Ее поселили сперва въ роскошномъ домѣ въ Манганахъ, ближайшемъ ко дворцу кварталѣ города. Потомъ, по желанію императора, съ согласія Зои и въ силу особаго указа сената, она переселилась въ Богомъ хранимый дворецъ, торжественно была вѣнчана титуломъ «Августѣйшей» или «Севасты» и стала появляться въ процессіяхъ и на престолѣ рядомъ съ Константиномъ и Зоей. Мысль о необычайности такого неслыханнаго положенія, повидимому, не смущала ея.

*

Между тѣмъ, какъ ни испорчены были жители Византіи, но смѣлая мысль Мономаха возвести на ступени престола свою возлюбленную — поразила даже и ихъ. Императрица Зоя и особенно царевна Евпрепія, сестра Мономаха, не могли скрыть своихъ враждебныхъ чувствъ къ ней; недовольство росло также среди народа и среди духовенства; его поддерживалъ еще болѣе образъ жизни Склирены, которая, не зная заботъ правленія, щедро разсыпала вокругъ себя царскія милости и блистала сказочною роскошью.

Тогда-то разыгралась страшная драма, которая внезапно открыла ей глаза, одно воспоминаніе о которой, какъ тяжелый сонъ, встаетъ и теперь передъ нею въ тишинѣ весенней ночи... Это случилось всего годъ съ небольшимъ тому назадъ — 9 марта 1044 г.— въ день сорока мучениковъ. Когда императоръ торжественною процессіей выходилъ изъ воротъ священнаго дворца, направляясь въ храмъ Двѣнадцати Апостоловъ, среди народа раздались голоса: «Не хотимъ Склирену царицей!.. не хотимъ, чтобы изъ-за нея умерли наши матери, порфирородныя Зоя и Ѳеодора!..» Камни и стрѣлы полетѣли въ придворныхъ и тѣлохранителей, тѣсно обступившихъ царя. Взволнованная толпа отрѣзала имъ обратный путь ко дворцу. Защищаясь отъ натиска, тѣлохранители обнажили оружіе, свалка закипѣла; крики, проклятія, стоны — смѣшались въ одинъ зловѣщій гулъ...

Блѣдная, какъ полотно, сидѣла Склирена у высокаго окна дворца, откуда она собиралась смотрѣть на процессію. Она не замѣтила обращавшихся къ ней

порой, полныхъ непріязни, взглядовъ Зои и Евпрепіи, сидѣвшихъ у сосѣднихъ оконъ. Изъ-за нея теперь льется кровь на площади, изъ-за нея жизнь Мономаха въ опасности. Она не разъ видѣла кровь, видѣла изуродованныхъ жертвъ пытки, которыхъ развозили иногда по улицамъ города; она не боялась лицомъ къ лицу столкнуться съ опасностью, но никогда сердце ея не сжималось съ такою жгучею болью и сознаніемъ своей виновности, какъ въ этотъ памятный день.

Среди гула мятежа, изъ окна дворца не было слышно пытавшейся говорить съ народомъ Зои. Нѣсколько разъ начинала она; наконецъ, услышали ее два-три человѣка, они подошли ближе, и черезъ минуту уже цѣлая толпа тѣснилась подъ окномъ. Царица убѣждала народъ разойтись; увѣряла, что ни ей, ни сестрѣ ея, императрицѣ Ѳеодорѣ, уединившейся въ монастырь, нечего опасаться. Слова Зои рѣшили участь возстанія. Свалка прекратилась, императоръ безпрепятственно возвратился во дворецъ, и высокія ворота захлопнулись за нимъ и его стражей. Зоя съ Евпрепіей удалились, не взглянувъ на Склирену; она осталась одна со своими приближенными. Площадь пустѣла; лишь вокругъ убитыхъ и раненыхъ тѣснились еще отдѣльныя группы.

Въ тотъ же день Склирена просила у императора позволенія покинуть дворецъ; она хотѣла уѣхать въ свои имѣнія. Мономахъ, сложившій всѣ заботы по управленію государствомъ на своихъ министровъ и думавшій лишь объ удовольствіяхъ, болѣе всего боялся измѣнять разъ принятый порядокъ жизни. Онъ

горячо возсталъ противъ намѣренія своей подруги и заявилъ, что онъ не позволитъ ей уѣхать. Она осталась во дворцѣ, но жизнь для нея стала пыткой; она поняла и мучительно стала чувствовать свое ложное положеніе. Безконечный церемоніалъ и этикетъ двора казались ей тяжелыми цѣпями. Она невольно ловила косые взгляды Зои и Евпрепіи; при каждомъ шумѣ она вздрагивала: ей чудилось, что она снова слышитъ гулъ мятежа...

Какая радость ей въ томъ, что императорская повязка украшаетъ ея чело, что золотые орлы вышиты на ея пурпурныхъ туфляхъ, если весь этотъ блескъ и почетъ куплены цѣной мелкихъ оскорбленій, рабствомъ передъ неумолимымъ этикетомъ...

Среди этихъ мучительныхъ думъ поблѣднѣло для нея обаяніе, долго окружавшее Мономаха; она стала замѣчать, какъ онъ постарѣлъ, какъ мало осталось отъ блестящаго царедворца въ безхарактерномъ до слабости, разбитомъ подагрой старикѣ. Только воспоминаніе тихихъ и ясныхъ годовъ, проведенныхъ на Митиленѣ, связывало ее съ нимъ. Не разъ говорилъ онъ ей, что, въ случаѣ смерти Зои, она будетъ императрицей, но, если прежде Склирену и плѣняли эти честолюбивыя мечты, то теперь, послѣ того, что случилось 9 марта, измученная происками и непріятностями, она охотно бросила бы все и ушла, лишь бы не видѣть никого, лишь бы не имѣть, какъ сегодня, тяжелыхъ сценъ съ Зоей... Въ новомъ столкновеніи съ царицей, молодую женщину особенно поразили вскользь брошенныя старухой слова о патріархѣ. Она

знаетъ, что суровый Михаилъ Керулларій далеко не другъ ея; она знаетъ, что дѣятельная и энергичная личность патріарха имѣетъ особое обаяніе и при дворѣ, и въ народѣ. Склирена съ дѣтства сохранила робость передъ однимъ именемъ патріарха, и этой робости не убило въ ней изученіе Аристотеля и Платона.

Она должна оставить дворецъ... она покинетъ его теперь же, пока императоръ не вернулся съ охоты. Она уѣдетъ въ монастырь на Принкипо; за нимъ признано право убѣжища, Мономахъ не рѣшится нарушить его. Тамъ она все обдумаетъ и придетъ къ окончательному рѣшенію.

Она вслушивалась въ тишину весенней ночи, вглядывалась въ далекія звѣзды, словно спрашивая ихъ о томъ, что ждетъ ее. Ей вдругъ страстно захотѣлось вырваться изъ этихъ стѣнъ, безцѣльна и пуста показалась въ нихъ жизнь, глубоко и больно сдавило грудь сожалѣніемъ о чемъ-то минувшемъ, о чемъ-то невозвратномъ...

Жила ли она до сихъ поръ? Ей двадцать пять лѣтъ, и за всю ея жизнь только годы съ Мономахомъ на Митиленѣ вспоминаются ей съ отрадой. Гдѣ же тѣ огненныя страницы, гдѣ то счастіе, котораго смѣло ждетъ, въ которое горячо вѣритъ молодость? Вспоминаются ей пиры и оргіи въ Жемчужинѣ—(часть дворца, занимаемая Склиреной); она старалась заглушить ими пустоту жизни, но ничего, кромѣ еще большей тоски и утомленія, не оставляли они въ ея душѣ...

Она встала, бросилась на ложе и въ глубокомъ отчаяніи сжала руками свою голову. Ей надо жизни—

настоящей, просторной и кипучей; ее сковалъ бездушный этикетъ, ее давятъ золотые своды потолковъ, тяжелая парча одеждъ...

Долго сухіе, горящіе глаза съ неизъяснимою грустью глядѣли въ полумракъ комнаты; долго высоко и неровно колыхалась грудь.

Понемногу мысли ея начали путаться; куда-то назадъ отступило волновавшее душу горе, сонъ подкрался незамѣтно и охватилъ ее своимъ покоемъ.

Ночь стояла тихая, лунная. Все спало, — только безсонная струя воды журчала гдѣ-то въ саду, да соловьи заливались въ темныхъ аллеяхъ...

II.

Все — горы, острова — все утренняго
пара
Покрыто дымкою... Какъ будто слад-
кій сонъ,
Какъ будто свѣтлая, серебряная чара
На міръ наведена — и счастьемъ гре-
зитъ онъ...
И, съ небомъ слитое въ одномъ сіяньи,
море
Чуть плещетъ жемчугомъ отяжелѣв-
шихъ волнъ.
И этой грезою упиться на просторѣ
Съ тоской зоветъ тебя нетерпѣливый
челнъ...

А. Н. Майковъ («У Мраморнаго моря»).

Заря едва занималась, когда отъ бѣлой мраморной пристани отчалила лодка, осѣненная златотканнымъ балдахиномъ. Десять гребцовъ дружно налегали на весла; дорогой коверъ покрывалъ сидѣніе и свѣшивался до самой воды. Завернувшись въ голубой, затканный золотомъ гиматій, сидѣла въ лодкѣ Склирена; въ нѣкоторомъ отдаленіи помѣщалась Евфимія и вѣрный евнухъ Херимонъ.

Было прохладно. Уходящая ночь сказывалась еще

въ странномъ, непривычномъ освѣщеніи, въ сѣроватыхъ тонахъ, уже пронизанныхъ золотыми отблесками восхода. Заря все ярче пылала за сѣро-лиловыми очертаніями горъ, словно огнемъ охвативъ легкія облака на небосклонѣ. Впереди, въ утреннемъ туманѣ рисовались гористые острова Пропонтиды; сливаясь съ облаками, алѣли снѣга далекаго Виѳинскаго Олимпа. Все дальше уходили назадъ Византія и Халкедонъ, съ ихъ мраморными дворцами и куполами церквей. Морской просторъ все шире охватывалъ лодку.

Солнце появилось наконецъ и, какъ брызгами золота, осыпало все своими лучами; звѣздой вспыхнулъ крестъ на Св. Софіи, ярко загорѣлись золотые купола новой церкви Василія Македонскаго.

Все словно ожило съ проснувшимся днемъ: быстро развѣялась золотистая дымка тумана, и морская гладь затрепетала отливами перламутра. Дельфины играли на поверхности; то тамъ, то сямъ внезапно поднималась изъ воды круглая спина таинственнаго чудовища и, кувыркаясь, снова пропадала въ глубинѣ. Причудливо раскинувъ паруса, едва подвигались при безвѣтріи тяжело нагруженныя суда, несшія изъ дальнихъ странъ заморскіе товары въ столицу міра. Но чѣмъ дальше, тѣмъ менѣе попадалось имъ на встрѣчу судовъ и лодокъ, пустыннѣе дѣлалось кругомъ, шире развертывалась даль моря и туманнѣе становился отступающій назадъ Константинополь.

Склирена полною грудью вдыхала утренній воздухъ, еще пропитанный ароматомъ и свѣжестью ночнаго моря. Она опустила руку въ прозрачную воду, и ее тѣшила

пѣна, бѣлою полосой бѣжавшая за длинными красивыми пальцами ея. Чайка, трепеща бѣлоснѣжными крыльями, кружилась надъ водой, и Склиренѣ казалось, что ровные взмахи веселъ, какъ крылья, уносятъ и ее въ невѣдомую даль. Она покинула дворецъ, и теперь ей не хотѣлось думать о томъ, что оставалось назади; она даже позабыла, кажется, что императрица станетъ негодовать на ея отсутствіе въ церкви. Снова весело и радостно было у нея на душѣ; точно это сіяющее, полное свѣта и жизни раннее утро заглянуло ей въ сердце и разогнало тамъ ночной сумракъ.

Они поравнялись съ лодкой, въ которой три рыбака собирались забрасывать въ море неводъ.

— Брось имъ золота, Херимонъ,—сказала молодая женщина евнуху, — и вели гребцамъ остановиться; пусть рыбаки забросятъ сѣть на мое счастіе.

Съ любопытствомъ смотрѣла она, какъ, объѣзжая большой кругъ, рыбаки спускали на дно узкую, длинную сѣть, какъ потомъ они поѣхали вокругъ захваченнаго ею пространства, шумно загребая веслами, а одинъ изъ нихъ, вставъ на носу лодки, бросалъ въ воду камни, чтобы испугать рыбу и загнать ее въ сѣти. Громко звучали короткіе всплески падающихъ камней. Темныя очертанія ладьи необычайно красиво рисовались въ косыхъ лучахъ утренняго солнца на золотисто-сѣромъ морѣ.

Дворцовая лодка приблизилась къ рыбакамъ, когда они стали вытягивать неводъ. Склирена видѣла, какъ въ появлявшейся изъ невѣдомой глубины сѣти бились и трепетали серебристыя рыбы. Бросавшій камни ры-

*

бакъ теперь вынималъ рыбъ изъ невода. Взглядъ Склирены скользнулъ по его лицу и невольно остановился на немъ. Она никогда еще не видывала такой красоты.

Ему было около двадцати лѣтъ; сѣро-голубые задумчивые глаза его, казалось, отражали небо; бѣлокурыя кудри разсыпались золотыми кольцами изъ подъ шляпы, золотистый пушокъ пробивался надъ губою; разстегнутый воротъ рубашки обнажалъ стройную шею и широкую, загорѣвшую грудь.

— Твое счастіе, госпожа,— сказалъ старый рыбакъ, помогавшій ему вынимать изъ сѣтей рыбу. — Смотри, сколько попалось.

Юноша также поднялъ на нее свой ясный и кроткій взоръ.

— Да, твое счастіе,—звучнымъ молодымъ голосомъ повторилъ онъ,—много рыбы.

Выговоръ его былъ не совсѣмъ правиленъ и изобличалъ чужеземца.

Склирена приказала подъѣхать ближе къ рыбачьей ладьѣ и глядѣла на пойманную рыбу, любясь радуж-уными отливами ея чешуи.

— А вотъ морская звѣзда,—прозвучалъ надъ ея ухомъ голосъ молодаго рыбака.

Она быстро подняла голову; онъ протягивалъ ей только что вынутую изъ невода морскую звѣзду и улыбался тихою улыбкой, обнаружившею ровные, какъ жемчугъ, зубы. Въ этой улыбкѣ было что-то открытое, дѣтски простодушное и такъ странно гармонировавшее съ его могучею внѣшностью.

Она не рѣшилась взять морское животное своими нѣжными руками. Онъ засмѣялся.

— Не бойся, она не кусается,—замѣтилъ онъ и положилъ звѣзду на коверъ подлѣ Склирены.

Никто не глядѣлъ на нихъ; общее вниманіе было привлечено споромъ стараго рыбака съ Херимономъ о названіи большой рыбы, только что вынутой изъ невода.

— Какъ зовутъ тебя и гдѣ твоя родина?—быстро спросила Склирена. Яркимъ пламенемъ блеснули ея черные, какъ ночь, глаза и прикрылись длинными рѣсницами; румянецъ охватилъ смуглое лицо ея.

— Мое имя—Глѣбъ,—тихо молвилъ онъ,—моя родина—далекіе берега Борисѳена, который мы зовемъ Днѣпромъ.

— Ты христіанинъ?

— Да.

— Ты рыбакъ?

— Теперь рыбакъ... я рабъ.

Онъ опустилъ голову надъ своимъ неводомъ и нетерпѣливо дернулъ запутавшуюся въ его нитяхъ рыбу. Безмолвно сидѣла Склирена: полный довѣрія и грусти звукъ послѣднихъ словъ его еще раздавался въ ея ушахъ.

Черезъ мгновеніе смолкъ разговоръ Херимона съ рыбаками.

— Госпожа,—обратилась къ своей повелительницѣ Евфимія,—этотъ рыбакъ говоритъ, что давно въ его неводъ не попадало столько рыбы.

Склирена слабо улыбнулась.

— Дай имъ еще золота,—сказала она Херимону.— Дай каждому изъ нихъ. И пора намъ въ путь. Прощайте, добрые люди.

— Прощай, госпожа; да благословитъ тебя Богъ за твою щедрость,—говорили рыбаки.

Удары веселъ заглушили ихъ пожеланія. Лодка двинулась въ путь, и долго, прикрывая глаза руками, глядѣли ей вслѣдъ рыбаки.

Недалеко отъ выхода изъ Босфора въ Мраморное море раскинулся цѣлый архипелагъ небольшихъ островов, издавна получившихъ названіе «Принцевыхъ». Отовсюду, гдѣ въ Константинополѣ открываются виды на море, можно разглядѣть прихотливыя очертанія этихъ гористыхъ острововъ, которые точно плаваютъ на блестящей поверхности Пропонтиды, выдѣляясь впереди туманныхъ азіатскихъ горъ.

Гораздо сильнѣе, чѣмъ на берегахъ Босфора, чувствуется на этихъ островахъ близость юга: синѣе надъ ними небо, голубѣе разстилавшееся вокругъ море, даже солнце на нихъ кажется болѣе яркимъ и знойнымъ. По крутымъ склонамъ ихъ горъ растутъ цѣлые лѣса низкорослыхъ южныхъ сосенъ; сѣроватая зелень оливковыхъ рощъ мелькаетъ порой среди темныхъ бархатистыхъ отливовъ сосноваго бора; виноградники стелются по холмамъ, кусты желтаго дрока и плющъ лѣпятся по крутымъ скаламъ, живописно свѣсившимся надъ моремъ. Ярко-красная, глинистая почва въ бору едва прикрыта выгорающею отъ жара травой, но до-

лины и прибрежье, оживленныя рощами лавровъ и кипарисовъ, благоухаютъ розами и жасминомъ. Виды на голубую Пропонтиду, на зубчатую линію далекихъ горъ такъ ярки красками, такъ гармоничны въ ихъ сочетаніи, что, казалось бы, эти прекрасныя мѣста могутъ навѣять лишь думы о счастіи, такомъ же свѣтломъ и яркомъ, какъ это небо, такомъ же чистомъ, какъ этотъ воздухъ.

А между тѣмъ, одни тяжелыя, грустныя воспоминанія связаны въ византійской исторіи съ Принцевыми островами. Въ скромныхъ монастыряхъ, тамъ и сямъ ютящихся на вершинахъ горъ или у берега, одинъ за другимъ появлялись и сходили въ могилу низверженные императоры, изуродованные самозванцы, министры-измѣнники, неволей постриженныя царицы и царевны — жертвы политическихъ заговоровъ и переворотовъ.—Императрица Ирина, не задумавшаяся выколоть глаза собственному сыну; св. Меѳодій, который во время иконоборческихъ гоненій восемь лѣтъ просидѣлъ въ ужасной темницѣ на островѣ Антигонѣ — множество другихъ грустныхъ воспоминаній и образовъ возникаютъ въ памяти при имени Принцевыхъ островов.

Къ этимъ мрачнымъ воспоминаніямъ исторіи невольно возвращались думы Склирены, когда она бродила по Принкипо.

Въ женскомъ монастырѣ, гдѣ она поселилась, свобода ея ничѣмъ не была стѣсняема: она гуляла одна, выходя и возвращаясь, когда ей было угодно. Игуменья, лишь съ немногими сестрами, знавшая имя своей вы-

сокой гостьи, щадя ее, не спрашивала, надолго ли она пожаловала къ нимъ. Склирена жила день за днемъ, наслаждаясь тишиной и спокойствіемъ.

На другой же день послѣ пріѣзда ея на Принкипо, императрица прислала двухъ своихъ приближенныхъ съ порученіемъ уговорить Склирену вернуться. Зоя готова была, повидимому, извиниться за свои рѣзкія слова, лишь бы бѣглянка до возвращенія императора снова была во дворцѣ. Склирена холодно приняла посланныхъ и отвѣтила имъ, что она не помнитъ рѣзкихъ словъ царицы, и что отнюдь не они заставили ее уѣхать, но что возвращаться она пока не намѣрена. Посланные уѣхали, но Склирена знала, что лишь вернется съ охоты Мономахъ, онъ также будетъ настаивать, чтобы она возвратилась во дворецъ. Правда, царь лишенъ возможности дѣйствовать силой; онъ не рѣшится нарушить право убѣжища, испоконъ вѣковъ принадлежащаго монастырю. Но какъ ей поступить дальше? Можетъ ли она запереться въ обители, надѣть монашеское покрывало и умереть для міра?

Вотъ вопросъ, неотступно преслѣдовавшій Склирену, когда она, уйдя изъ монастыря, бродила по острову. Она заставляла себя простаивать длинныя монастырскія службы. Она видѣла, какъ горячо молились нѣкоторыя изъ монахинь; ея вниманіе особенно часто привлекала одна изъ сестеръ, молодая болѣзненная женщина, приходившая въ храмъ къ каждой службѣ. Забывая свои немощи, монахиня эта часами оставалась въ церкви,—и надо было видѣть ея восторженное лицо, ея горящіе глаза, когда она опускалась

на холодныя плиты и припадала къ нимъ пылающимъ лбомъ. Весь міръ забывала она; она молилась— и въ выраженіи ея лица отражалась безконечная сладость молитвы. При взглядѣ на эту монахиню, что-то вродѣ зависти шевелилось въ душѣ Склирены. Вотъ кто счастливъ, вотъ кто находитъ забвеніе въ молитвѣ,—но доступны ли Склиренѣ эти радости?

И она старалась не пропускать ни одной службы, она и у себя занималась чтеніемъ священныхъ книгъ. Но нерѣдко непослушная мысль отрывалась отъ книги и требовала живой жизни, рисовала картины прошлаго, роскошную обстановку Жемчужины. Въ ужасѣ вставала затворница съ мѣста, торопливо шептала молитву, начинала класть земные поклоны до изнеможенія, почти до потери сознанія. Въ такой мучительной борьбѣ прошло нѣсколько дней.

Однажды, рано по утру, Склирена сидѣла за чтеніемъ псалтири, когда ей пришли сказать, что пріѣхалъ протостраторъ Василій Склиръ.

Драгоцѣнная, украшенная миніатюрами рукопись, въ переплетѣ изъ барельефовъ по слоновой кости, выпала изъ рукъ ея; она быстро поднялась съ мѣста и пошла на встрѣчу брату, который входилъ въ комнату, опираясь на плечо шедшаго передъ нимъ слуги.

Василій Склиръ былъ высокаго роста моложавый мужчина, лѣтъ сорока двухъ. Черная борода окаймляла его тонкое лицо, схожее съ лицомъ сестры. Только вѣки, безсильно опущенныя надъ пустыми глазными впадинами, придавали ему странное и грустное выраженіе. Онъ гордо держалъ свою голову съ густыми

черными волосами; увѣренность и сознаніе достоинства сквозили въ его движеніяхъ,—это былъ достойный внукъ знаменитаго Варды Склира.

Онъ приказалъ слугѣ удалиться и подалъ руку сестрѣ; она довела его до кресла, бережно усадила слѣпаго, подвинула табуретъ и сѣла у самыхъ ногъ брата.

— Сестра, сестра,—говорилъ онъ, обнимая ее,—зачѣмъ ты покинула насъ?

Пальцы его торопливо коснулись ея лица, и недоумѣніе отразилось въ чертахъ слѣпаго.

— Что съ тобою? Ты больна?—быстро спросилъ онъ.

— Нѣтъ,—отвѣтила она,—я похудѣла лишь отъ непривычки къ строгой монастырской жизни.

— Такъ стало-быть это правда!—съ горечью воскликнулъ Склиръ,—ты хочешь отказаться отъ міра?

И его пальцы пробѣжали по головѣ сестры, по ея плечу, съ тайною боязнью найти на ней монашеское покрывало.

— Богъ поможетъ мнѣ въ этомъ,—тихо и твердо сказала Склирена.

— Но это невозможно,—горячо возразилъ Василій;—вѣдь я пріѣхалъ за тобою, императоръ сильно боленъ и хочетъ видѣть тебя. Ты не можешь отказать ему...

Если бы Склиръ могъ видѣть волненіе, которое охватило лицо его сестры, онъ понялъ бы, какимъ гнетомъ ложится на нее борьба съ вновь набѣгающею волной жизни; но онъ почувствовалъ лишь, какъ дрогнула ея рука, и понялъ, что еще не все потеряно.

— У Мономаха опять тяжелый припадокъ подагры. Ты не должна отказывать ему въ свиданіи. Кто внушилъ тебѣ такія странныя мысли? Царь боготворитъ тебя; ты имѣешь вліяніе на дѣла, ты окружена почетомъ и блескомъ... Старуха не долго проживетъ... можетъ быть, мнѣ суждено сдѣлаться братомъ императрицы...

— Меня не прельщаетъ это,—сказала Склирена,—вспомни 9 марта; народъ не любитъ меня.

— Народъ нашъ—ребенокъ. Онъ любитъ всѣхъ, кто даетъ ему хлѣба и денегъ. Посмотри, онъ привязанъ даже къ этой безпутной старухѣ,—а за что ее любить? Во всю жизнь она ни о чемъ, кромѣ своихъ удовольствій, не думала.

— Василій, не будемъ говорить объ этомъ. Только здѣсь, на свободѣ, я поняла вполнѣ, въ какой тюрьмѣ я жила.

— Проси теперь, чего хочешь. Мономахъ предоставитъ тебѣ полную свободу, онъ сдѣлаетъ все, что тебѣ вздумается; онъ такъ увѣренъ, что одно твое присутствіе приноситъ ему здоровіе и счастіе. И потомъ, сестра, ты еще такъ молода; тебѣ жизнь сулитъ столько радостей.

Ближе сдвинулись ея черныя брови, мрачнѣе стало ея чело.

— Братъ,—рѣшительно сказала она,—я жила двадцать пять лѣтъ и много грѣшила. Пора уйти отъ всего этого.

Склиръ внезапно приподнялся со своего кресла и опустился передъ сестрой на колѣни.

*

— Я умоляю тебя,—проговорилъ онъ, прижимаясь головой къ ея рукѣ,—вернись... Если не для себя, то для того имени, которое ты носишь, или хоть для твоего бѣднаго слѣпаго брата. Прошли тѣ времена, когда нашъ дѣдъ боролся изъ-за престола... сломили насъ. Теперь при дворѣ я силенъ лишь тобою; уйди ты — и меня постигнетъ немилость, можетъ быть ссылка, потеря имущества... Всѣ рады будутъ повредить Склирамъ. Пожалѣй твоихъ племянниковъ; судьба лишила ихъ матери, не отнимай же у нихъ отца. Молю тебя, августѣйшая!..

Въ сильномъ волненіи поднялась Склирена съ мѣста.

— Зачѣмъ ты мучишь меня?—съ глубокою горестью произнесла она.

— Вернись,—повторялъ Склиръ,—завтра, на зарѣ я увезу тебя.

Она молчала.

— Завтра, передъ своимъ отъѣздомъ, ты узнаешь мое рѣшеніе,—молвила она наконецъ.—Прошу тебя, оставь меня; теперь я должна прочесть молитвы.

Протостраторъ кликнулъ своего раба и удалился, оставя сестру надъ книгой, въ глубокой задумчивости.

Но она не могла читать; въ ея утомленной головѣ, гдѣ, какъ ей казалось, уже начиналъ просыпаться восторгъ и пониманіе сладости молитвы,—снова, какъ волны, забродили думы о мірѣ, о земномъ счастіи...

Она начала творить земные поклоны, но думы назойливо преслѣдовали ее. Ясное солнечное утро заглядывало въ маленькія окна; природа вѣяла спокой-

ствіемъ и свѣжестью; она словно манила къ себѣ, словно хотѣла заставить забыть человѣческое горе. Какъ бы повинуясь ея призыву, Склирена оставила священную книгу, спустилась во дворъ монастыря и вышла за его ограду.

Море было въ нѣсколькихъ шагахъ отъ воротъ. Она приблизилась къ самому берегу и пошла по песчанной отмели, внемля ласковому шуму лѣниво подбѣгавшей къ ея ногамъ волны. Скоро монастырь скрылся за выступомъ берега. Воздухъ, пропитанный смолистымъ ароматомъ сосенъ, дышалъ утреннею прохладой; длинныя тѣни ложились еще отъ прибрежныхъ скалъ и низкорослыхъ сосенъ. Кругомъ было полное безлюдіе, только трещали кузнечики и птицы чирикали въ кустахъ. Въ глубинѣ залива, вытащивъ лодку на отмель, какой-то человѣкъ вычерпывалъ изъ нея воду.

Склирена подвигалась къ нему, огибая заливъ, и онъ нѣсколько разъ поднималъ голову, вглядываясь въ приближавшуюся женщину.

— Добраго утра!—сказалъ онъ ей, когда она подошла ближе.

Она уже узнала его по бѣлокурымъ кудрямъ, по взгляду сѣро-голубыхъ глазъ: это былъ Глѣбъ—молодой рыбакъ, встрѣченный ею по пути на Принкипо.

— Здравствуй,—вымолвила она.

— Я издали узналъ тебя,—говорилъ рыбакъ. Онъ наклонился, зачерпнулъ воды и далеко выплеснулъ ее въ море; мелкія брызги сморщили на минуту зеркальную поверхность. Развѣ ты здѣсь живешь? Я ду-

малъ, ты изъ городскихъ...—продолжалъ онъ, переставая черпать и поднимая на нее взглядъ.—Но что съ тобою, ты измѣнилась... ты нездорова?

— Нѣтъ, я здорова,—отвѣтила она и прибавила, помолчавъ,—а ты какъ сюда попалъ?

— Я привезъ своего хозяина. Онъ отсюда родомъ и ежегодно въ этотъ день пріѣзжаетъ къ обѣднѣ вонъ въ тотъ монастырь, что бѣлѣетъ на горѣ,—онъ указалъ на бѣлѣвшія на вершинѣ стѣны мужскаго монастыря.—Сегодня день святаго Георгія.

— Давно ли ты служишь этому хозяину?—сама не зная зачѣмъ, спросила она.

— Давно. Уже два года... съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ рабомъ.

— Какимъ образомъ очутился ты въ Византіи?

Онъ бросилъ свою черпалку и облокотился на бортъ лодки.

— Мы сами пришли. Мы приплыли по Черному морю со своимъ княземъ Владиміромъ Ярославичемъ и съ воеводой Вышатой. Мы хотѣли взять вашъ Царь-градъ.

Она вспомнила о смѣломъ набѣгѣ россовъ и о кровавой битвѣ на берегахъ Босфора.

— Ты былъ взятъ въ плѣнъ во время битвы?—тихо спросила она, и ласка, и глубокое участіе звучали въ ея словахъ.

Онъ утвердительно кивнулъ головой, и при этомъ воспоминаніи глаза его сверкнули и губы дрогнули. Отгоняя навязчивыя думы, онъ тряхнулъ золотистыми кудрями и выпрямился. Такъ молодой орелъ расправляетъ крылья, собираясь летѣть вдаль.

— Я уйду... я уже пробовалъ, но хозяинъ поймалъ меня и посадилъ въ темницу. Да это ничего... Дай время—я опять уйду...

Непоколебимою увѣренностью звучали слова его. Онъ говорилъ торопливо, словно спѣшилъ оправдаться; точно отъ одного ласковаго взгляда этой прекрасной женщины въ немъ снова проснулась безотчетная жажда жизни и свободы, жгучій стыдъ за свое позорное рабство...

И она поняла это, и такимъ близкимъ показалось ей вдругъ горе его, что у гордой дочери Склировъ сочувственно дрогнуло сердце, когда она поймала довѣрчивый и благодарный взглядъ простаго плѣннаго рыбака.

Они стояли молча; кругомъ говорило за нихъ ясное апрѣльское утро, со всѣмъ обаяніемъ просыпающейся весенней жизни.

Но Глѣбъ вдругъ словно очнулся отъ сна.

— Товарищи сказывали,—уже совсѣмъ другимъ голосомъ сказалъ онъ,—что ты очень знатна и богата.

— Развѣ они меня знаютъ?—живо спросила она.

— Нѣтъ. Но у тебя была такая красивая лодка, твой рабъ доставалъ столько золота и сама ты была вся въ золотѣ, какъ царица.

— Ты каждый день выѣзжаешь за рыбой?

— Каждый день. На зарѣ мы оставляемъ городъ. Мы живемъ у самаго Мраморнаго моря; моего хозяина Алипія, всѣ знаютъ въ Византіи.

— Мнѣ сдается, что мы еще увидимся съ тобою... я буду теперь чаще кататься по морю. Ну, а пока прощай, Глѣбъ.

— До свиданія, вѣдь мы еще увидимся,—поправилъ онъ.

Она пошла по тропинкѣ среди сосенъ, и рыбакъ съ его лодкой, ярко освѣщенные солнцемъ, казались ей все меньше и меньше по мѣрѣ того, какъ она поднималась по склону горы.

III.

Но и въ монашеской одеждѣ,
Какъ подъ узорною парчей,
Все беззаконною мечтой
Въ ней сердце билося, какъ прежде...

М. Ю. Лермонтовъ («Демонъ»).

Возвратясь изъ города въ монастырь, двѣ монахини привезли къ вечеру извѣстіе, что царь сильно боленъ. Хотя вѣсть эта была лишь подтвержденіемъ того, что говорилъ Склиръ, но тѣмъ не менѣе она произвела на недавнюю гостью обители самое тяжелое впечатлѣніе. Вернувшись съ прогулки, Склирена осталась у себя въ кельѣ. Два раза присылалъ Склиръ спросить, не можетъ ли онъ видѣть августѣйшую, но она упорно отказывала брату въ свиданіи и отвѣчала ему только, что завтра утромъ, передъ его отъѣздомъ, она сообщитъ ему, поѣдетъ ли съ нимъ.

Она сидѣла за своими священными книгами и съ ужасомъ замѣчала, что лишь глаза ея слѣдятъ за крупными буквами рукописи, а мысли витаютъ далеко. Она вставала на молитву, клала земные поклоны и

вдругъ останавливалась въ глубокой задумчивости... всѣ впечатлѣнія этого дня, словно нарочно, стремились оторвать ее отъ тихаго созерцательнаго настроенія, въ которое, ей казалось, она начинала погружаться.

«Императоръ разстроенъ моимъ отъѣздомъ... я виной его болѣзни...» думалось ей, и въ душѣ ея пробуждалась жалость къ больному старику.

Ей вспоминалось, какъ въ дѣтствѣ она проснулась однажды ночью, тою страшною ночью, когда скончался Романъ III. Въ окнахъ мелькали огни, по корридорамъ проходили какіе-то люди. «Императоръ кончается...» шепотомъ раздавалось во всѣхъ углахъ дворца. Что-то зловѣщее и таинственное чудилось въ этомъ ночномъ оживленіи...

Неужели и теперь во дворцѣ такое же смятеніе?.. Склирена силится оторваться отъ тяжелыхъ думъ, отъ разныхъ воспоминаній; она переворачиваетъ листы священныхъ книгъ, она хочетъ забыться въ чтеніи, но назойливыя мысли преслѣдуютъ ее и дразнятъ, и манятъ куда-то...

Послѣ заката Склирена вышла за ограду и сѣла на мраморной скамьѣ у стѣны обители. Глубокая тишина стояла кругомъ. Солнце уже сѣло; розовыя дали меркли. Только черные кипарисы рисовались на погасавшемъ заревѣ заката. Съ востока надвигалась ночь, предметы теряли свои очертанія; поблѣднѣвшее море спокойною гладью лежало вокругъ. Южныя сумерки

быстро сгущались; все окружающее сливалось въ одну темную массу.

Раздались шаги. Склирена разглядѣла приближавшуюся къ ней монахиню. Молча подошла она и сѣла съ нею рядомъ на скамьѣ.

— Какой тихій вечеръ посылаетъ Господь,—сказала она вполголоса и долго вглядывалась въ сумракъ наступающей ночи. Потомъ она подняла глаза на Склирену, видимо пытаясь разсмотрѣть ее.

— Я приняла тебя за одну изъ сестеръ,—вымолвила она, наконецъ узнавъ ее.—Меня удивило, что такъ поздно сидятъ за оградой... Сейчасъ будутъ запирать ворота. Но для тебя привратница, конечно, подождетъ; вѣдь ты, говорятъ, родственница вельможи, пріѣхавшаго утромъ.

Звѣзды загорались на небѣ; сумракъ ночи, какъ дымкой, окутывалъ окрестности.

— Тишь какая,—помолчавъ, продолжала монахиня,—не то, что у васъ въ городѣ. Вѣдь ты живешь въ самомъ городѣ?

— Да,—отвѣтила Склирена и сейчасъ же прибавила: но не совсѣмъ въ городѣ; я живу во дворцѣ.

— Во дворцѣ?.. Впрочемъ, сразу можно догадаться, что ты изъ придворныхъ. Теперь я понимаю, почему ты удалилась оттуда, отъ этого разврата, отъ этой грязи,—непритворное озлобленіе послышалось въ голосѣ монахини.—Я не говорю про царя; онъ, какъ слышно, святой человѣкъ; вонъ какой выстроилъ монастырь въ Манганахъ. Но онъ окруженъ дурными

людьми, алчностью, интригами, угожденіемъ низкимъ страстямъ, распутствомъ и лестью...

Склирена вздрогнула; каждое слово неизвѣстной казалось ей упрекомъ и оскорбленіемъ.

— О, Панагія, Пресвятая Дѣва! Все это прахъ и суета. Ты сотворила благо, уйдя отъ зла... Здѣсь въ тишинѣ ты помолишься за всѣхъ жертвъ этихъ честолюбцевъ: за ослѣпленныхъ, раззоренныхъ и изувѣченныхъ, за гніющихъ въ страшныхъ темницахъ... Здѣсь ты забудешь суету жизни, здѣсь ты спасешь свою душу.

— Я не рѣшила еще, останусь ли я въ монастырѣ,— робко молвила Склирена.

— Ты хочешь вернуться въ міръ?..— съ неподдѣльнымъ ужасомъ воскликнула монахиня.— Ты не знаешь, спасти ли тебѣ свою душу или погубить?.. О, слѣпая, слѣпая...

Склиренѣ становилось жутко.

— Я не знаю, какъ зовутъ тебя,— съ жаромъ продолжала неизвѣстная,— но ты знатна, ты богата. Знай же, что и я была, можетъ быть, не хуже тебя, что и мнѣ жизнь сулила лишь веселье да радости. Но меня силой оторвали отъ міра, и, повѣрь мнѣ, я теперь благословляю эту минуту. Здѣсь спасеніе, а тамъ — нечестіе и развратъ... Я ненавижу твой міръ...

Лихорадочная дрожь все сильнѣе охватывала Склирену; глаза ея собесѣдницы горѣли негодованіемъ изъ подъ нависшаго чернаго покрывала, голосъ рѣзко и безпощадно нарушалъ ночное безмолвіе.

— Я ненавижу твой міръ... если бы однимъ уда-

ромъ ноги я могла раздавить его, я не помедлила бы ни мгновенія. Проклятіе, анаѳема его нечистымъ радостямъ. Иди туда, безумная, губи себя... или вѣчныя терзанія и муки тебѣ не страшны? или ты думаешь, что ты уйдешь отъ смерти, благо ты молода и красива? Напрасно: пріидетъ и твой смертный часъ, сгніетъ тѣло, которому ты угождаешь, — могильные черви съѣдятъ его; истлѣетъ твоя красота, погибнетъ душа въ адскихъ мученіяхъ...

Холодъ пробѣжалъ по спинѣ Склирены: она боялась смерти, ей хотѣлось бѣжать отъ страшнаго чернаго призрака и отъ его рѣчей.

Вдругъ въ дремлющемъ воздухѣ неожиданно и рѣзко раздался ударъ въ било (металлическую доску), возвѣщавшій начало всенощнаго бдѣнія. Испуганная, вскочила Склирена съ мѣста. Монахиня медленно поднялась и взяла ее за руку.

— Одумайся, безумная, — сказала она ей, — еще есть время. Брось тлѣнъ, прахъ и суету; прими чинъ ангельскій... Я пойду молиться, чтобъ ты прозрѣла...

Она двинулась къ воротамъ обители; вышедшій изъ мрака призракъ безслѣдно исчезъ во мракѣ. Дрожа отъ волненія, провожала его глазами Склирена. Мысли, какъ испуганныя птицы, неслись одна за другою; сердце неровно билось...

Мало-по-малу ее успокоила тишина ночи и яркія звѣзды, разсыпанныя по темному куполу небесъ. Свѣжій морской воздухъ доносилъ порой запахъ весны — зелени и цвѣтовъ; казалось, засыпающее море чуть слышно шептало что-то у берега. Природа не спала

подъ темнымъ покровомъ — она лишь дремала, и сквозь чуткую дремоту слышалось могучіе біеніе жизни, набѣгала волна упоенія южной весны.

Развѣ о смерти, развѣ объ отреченіи отъ счастія и радостей шептала эта весенняя ночь?

Позже всѣхъ пришла Склирена въ церковь. Она встала въ свою стасидію (родъ сидѣнія, съ откидною доской и высокими ручками и спинкой), у лѣваго клироса, близъ открытаго окна.

Душно было въ церкви; восковыя свѣчи у иконъ тускло мерцали подъ невысокими сводами, покрытыми потемнѣвшею живописью. Вдоль стѣнъ, неподвижныя въ своихъ стасидіяхъ, стояли черныя безстрастныя тѣни въ монашескихъ одѣяніяхъ. Но напрасно было бы искать среди нихъ ту, которая такъ горячо говорила сейчасъ за воротами обители; ни движеніемъ, ни взглядомъ не выдавала она себя.

Долго и горячо молилась Склирена, но мало-по-малу усталость начала овладѣвать ею. Дремота туманила ей глаза, и тщетно напрягала она силы, стараясь слѣдить за ходомъ безконечной монастырской службы.

Склиренѣ невольно думается о томъ, что происходитъ теперь во дворцѣ; ей вспоминаются подробности ея прежней жизни... Она оглядывается вокругъ. Какъ странно все окружающее ее: огни въ дыму кадилъ; черныя, неподвижныя тѣни монахинь вдоль стѣнъ... и снова дремота туманитъ ея мысли. Но она дѣлаетъ усиліе и отгоняетъ налетающій сонъ — она достоитъ

службу до конца. Бодрѣе облокотясь на потемнѣвшее дерево рѣзныхъ ручекъ стасидіи, она опять слѣдитъ за священнодѣйствіемъ. Свѣжій ночной воздухъ врывается въ окно и колеблетъ пламя свѣчей.

Вотъ уже гасятъ свѣчи и свѣтильники; храмъ погружается въ полумракъ. Слышенъ шумъ опускаемыхъ въ стасидіяхъ сидѣній; Склирена тоже садится. Чтица выходитъ на середину храма, и начинается чтеніе изъ Житія Святыхъ. Долго тянется разсказъ о жизни святого... Наконецъ, снова зажигаются свѣчи. Торжественный возгласъ: «Слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ» и пѣніе: «Слава въ вышнихъ Богу...» радостно встрѣчаетъ рождающуюся зарю.

Но Склирена уже не слушаетъ службы... она глядитъ въ окно. Тамъ ярко горитъ небосклонъ и просыпающееся море трепещетъ отливами перламутра Сердце ея усиленно бьется, и высоко вздымается ея грудь... ей чудится — она видитъ ласковый и довѣрчивый взглядъ сѣро-голубыхъ глазъ, и молодой голосъ, звучащій безысходною грустью, тихо говоритъ ей:

— Теперь рыбакъ, я рабъ...

Уже совсѣмъ разсвѣло, когда Склирена, утомленная и разбитая, возвратилась въ свою келью. Ей хотѣлось спать, и въ то же время ее тревожила мысль, что Склиръ скоро пришлетъ къ ней за отвѣтомъ. Склонясь на ручку кресла, въ которое она сѣла возвратясь изъ церкви, она уснула, и странный сонъ приснился ей.

Она была въ лѣсу въ ненастную, дождливую ночь; черные стволы деревьевъ, точно какія-то чудовища, стояли вокругъ; вѣтеръ стоналъ въ ихъ вѣтвяхъ, обрывая пожелтѣвшіе листья. Холодный дождь рѣзалъ лицо Склирены; ползучія растенія и терновникъ растрепали въ лохмотья ея одежду, исцарапали ей тѣло. Ей страшно было одной среди завываній бури, треска стволовъ и шума дождя. Она приглядѣлась къ темнотѣ, ей казалось, что впереди видно просвѣтъ, что она сейчасъ выйдетъ на открытое мѣсто. Иззябшая и измокшая, почти безъ силъ пробиралась она сквозь кустарникъ, но просвѣта не было: деревья тянулись безконечными вереницами; казалось — нѣтъ конца этому страшному лѣсу. Въ отчаяніи, изнемогая, она все шла дальше и дальше. Вдругъ ей показалось, что кто-то пошелъ рядомъ съ нею, и она не испугалась страннаго спутника, хотя и не могла разглядѣть его въ темнотѣ. Между тѣмъ путь становился все затруднительнѣе: повалившіяся деревья, камни и рытвины мѣшали пройти. Ноги Склирены подкашивались отъ усталости. Наконецъ, она поскользнулась и упала на колѣни.

— Что мнѣ дѣлать?—съ отчаяніемъ воскликнула она.

Невѣдомый спутникъ ея остановился и съ участіемъ помогъ ей встать.

— Вернись домой,—тихо сказалъ онъ ей, и звукъ его старческаго, рѣшительнаго голоса глубоко проникъ въ душу Склирены.—Не уходи отъ людей, какъ бы тебѣ ни было тяжело. Тебѣ ли, слабой женщинѣ, бродить одной въ лѣсу? Въ людяхъ ищи подпоры, по-

мощи и сочувствія; пользуйся жизнью и вѣрь, что иногда одинъ мигъ истиннаго счастія искупаетъ годы страданій. Когда будетъ тебѣ тяжело, когда постигнутъ тебя испытанія — я снова приду и подкрѣплю и научу тебя...

Съ довѣріемъ опираясь на руку неизвѣстнаго старца, смѣлѣе пошла она впередъ: чѣмъ-то такимъ знакомымъ и привѣтнымъ вѣяло отъ словъ ея спутника; сердце такъ охотно вѣрило, что она больше не одна, что въ трудную минуту онъ опять явится ей на помощь. А изъ-за кустовъ мелькнули огни, — она узнала дворецъ, и мысль, что она сейчасъ очутится среди свѣта, тепла и уютной обстановки своей Жемчужины, наполнила ея душу искреннею радостью.

Взошедшее солнце заглядывало въ окна, когда Евфимія разбудила свою повелительницу.

— Августѣйшая, протостраторъ ждетъ твоего отвѣта, — говорила она.

Въ ушахъ Склирены еще раздавался тихій голосъ старика.

— Скорѣе объяви брату, что я ѣду вмѣстѣ съ нимъ, — рѣшительно сказала она.

IV.

Покорны ей земные боги,
Полны чудесъ ея чертоги.
Въ златыхъ кадилахъ вѣчно тамъ
Сирійскій дышетъ ѳиміамъ...

А. С. Пушкинъ («Египетскія ночи»).

Солнце высоко стояло на небѣ и сильно пекло, когда лодка, въ которой плыла Склирена съ братомъ, приближалась къ городу. На голубомъ небѣ, надъ голубымъ моремъ все ярче и шире развертывался передъ ними царственный городъ съ его бѣломраморными дворцами.

Быстро, какъ птица, летѣла лодка; только вода пѣнилась подъ смѣлыми ударами веселъ. Они обогнали рыбачій челнъ; два рыбака возвращались на немъ съ рыбной ловли.

Склирена узнала челнъ, узнала двухъ товарищей Глѣба и замѣтила, что его не было съ ними. Она почувствовала, какъ румянецъ вспыхнулъ на ея щекахъ, и ей стало досадно на себя, и отъ этой досады ярче и ярче разгоралось ея лицо...

Она сдѣлала гребцамъ знакъ остановиться.

— Мы встрѣтили рыбаковъ, которые прошлый разъ забрасывали сѣти на мое счастье,—сказала она брату, въ объясненіе остановки, и крикнула, обращаясь къ старому рыболову: — ну, что, старикъ, каковъ былъ уловъ?

Онъ узналъ ее и привѣтливо улыбнулся.

— Спасибо, дорогая госпожа; сегодня много поймали... вотъ веземъ домой.

— А гдѣ же вашъ иноземный товарищъ?—какъ бы вскользь спросила она.

— Съ нимъ случилось несчастіе, — отвѣчалъ рыбакъ.

Лицо Склирены снова заалѣло.

— Какое?—быстро спросила она.

— Вчера онъ ѣздилъ съ хозяиномъ на Принкипо, и, когда они вернулись, хозяинъ за что-то разсердился и сильно ударилъ его. Глѣбъ не вытерпѣлъ, онъ забылъ, что онъ рыбакъ; кровь въ немъ закипѣла, онъ бросился на хозяина и смялъ его... мы едва ихъ розняли.

Опустивъ глаза, слушала она этотъ разсказъ; невольное одобреніе промелькнуло въ выраженіи ея лица.

— Хозяинъ посадилъ его въ подвалъ, гдѣ бѣдняга провелъ ночь и сидитъ до сихъ поръ. Кажется, хозяинъ намѣренъ вовсе отъ него отдѣлаться.

— Что ты хочешь сказать?—съ испугомъ спросила Склирена.

— Кажется, продать его хочетъ.

Она приказала дать золота этимъ «бѣднымъ людямъ», — и лодка пустилась въ дальнѣйшій путь.

---

*

Когда Склиръ со своею сестрой вошелъ въ царскіе покои, Константинъ Мономахъ дремалъ на своемъ ложѣ. Больные ноги его были прикрыты мѣховымъ покрываломъ. Лицо царя, окаймленное сѣдою бородой, значительно осунулось за послѣдніе дни. Онъ уже нѣсколько дней вовсе не могъ ходить.

— А? кто тутъ?—спросилъ онъ спросонокъ, поднимая голову и окидывая вошедшихъ мутнымъ взглядомъ.

— Прости, всесвѣтлый, что я нарушилъ твой покой,—проговорилъ Склиръ, кланяясь въ землю.—Согласно твоему же священному приказанію, я велѣлъ Севастѣ, мимо дежурныхъ тѣлохранителей, безъ доклада вести меня прямо къ тебѣ.

— Склирена!—радостно воскликнулъ Мономахъ,—наконецъ-то ты вернулась.

Она почтительно наклонилась къ его рукѣ, онъ же по-отечески поцѣловалъ ее въ лобъ.

— Какъ я радъ!—прошепталъ старикъ.

— Видишь, государь, я исполнилъ твое порученіе. Но утѣшь же и ты раба своего и скажи: лучше ли твое здоровье, солнце наше?—говорилъ Склиръ.

— Лучше, Василій, конечно лучше... я такъ благодаренъ тебѣ. Послѣ я поговорю съ тобой.

— Я подожду въ пріемной, государь.

Хорошо зная расположеніе комнатъ дворца, слѣпой, съ низкимъ поклономъ, одинъ направился къ дверямъ и вышелъ изъ опочивальни.

— Какое счастье, что ты вернулась!.. теперь снова

все пойдетъ попрежнему, ты снова будешь здѣсь въ Жемчужинѣ...—говорилъ Мономахъ, цѣлуя ея руки.— И зачѣмъ ты уѣзжала? Да, я знаю, мнѣ говорили,— императрица обидѣла тебя. Не бойся, она больше не станетъ, она мнѣ обѣщала.

— Богъ съ нею, съ императрицей; ея нападки— это послѣднее изъ-за чего я оставила бы дворецъ. Множество обстоятельствъ заставили меня уѣхать...

Императоръ растерянно вслушивался въ ея слова.

— Я хотѣла просить тебя, чтобы ты разрѣшилъ мнѣ совсѣмъ оставить дворецъ,—заключила она.

— Я зналъ, что опять этимъ кончится,—съ отчаяніемъ воскликнулъ Мономахъ.—Да, я сталъ совсѣмъ старикомъ, ты не можешь болѣе любить меня...

— Государь,—горячо возразила она,—ты знаешь, какъ ты дорогъ мнѣ, какъ я уважаю тебя. Самые счастливые годы провела я съ тобой... повѣрь же, что мое желаніе — не пустая прихоть.

— Да чего же тебѣ не достаетъ?—перебилъ онъ.

Она горько улыбнулась.

— Чего нѣтъ у августѣйшей Склирены?!—Золото, самоцвѣтные камни... Она сидитъ на престолѣ рядомъ съ тобой и Зоей; ея покои блещутъ роскошью... И, не смотря на это, моя жизнь невыносима, — вдругъ мѣняя голосъ, продолжала она. — Положеніе мое при дворѣ самое ложное, всякая свобода у меня отнята. Меня замучили пріемами, выходами, бездушнымъ этикетомъ. Жемчужина — это моя тюрьма...

Она закрыла глаза рукой и опустила голову. Молчаніе воцарилось.

— Молодость, молодость... — задумчиво сказалъ императоръ.

Она вдругъ подняла голову, и глаза ея сверкнули.

— О, если бы я могла хоть не надолго очутиться на свободѣ, могла бы пожить одна и для себя...

— Да кто же тебѣ мѣшаетъ, дитя мое?—спросилъ Константинъ.—Развѣ кто-нибудь изъ носящихъ пурпуръ пользуется такою свободой, какъ ты? Зоя, Евпрепія, матроны и опоясанныя дамы хоромъ осуждаютъ тебя, сидя въ своихъ гинекеяхъ... Имъ кажется преступленіемъ та независимость, которую ты себѣ завоевала; онѣ не могутъ простить, что ты пренебрегаешь этикетомъ и обычаями двора. Сколько разъ сыпались на меня упреки... но мнѣ это все равно, и стѣснять тебя я не стану. Чего же еще тебѣ надо?

Мономахъ остановился, вопросительно глядя въ лицо своей подруги.

— Пожалуй,—прибавилъ онъ, не дождавшись ея отвѣта,—если ты непремѣнно желаешь, я сегодня же отдамъ приказаніе рѣшительно ни въ чемъ тебя не стѣснять; живи, веселись — ты будешь совсѣмъ свободна... но только молю тебя, не покидай дворца.

Радость блеснула въ ея глазахъ и сейчасъ же смѣнилась сомнѣніемъ. Она прямо смотрѣла на царя и, казалось, хотѣла что-то спросить его.

— А если...—начала она и остановилась въ нерѣшимости,—если я полюблю?

Лицо Мономаха поблѣднѣло, нервно дрогнули углы губъ. Снова воцарилось молчаніе.

— Ты видишь, —робко молвила она,—было бы лучше, если бы я не возвращалась.

Онъ молчалъ.

— Мнѣ давно слѣдовало ожидать, что ты это спросишь... — чуть слышно проговорилъ онъ наконецъ.— Я уже старикъ, я взялъ свое отъ жизни, а ты еще такъ молода... Давно умерло, давно похоронено мое счастье...

Онъ откинулъ голову на подушки и закрылъ прослезившіеся глаза. Оба молчали. Наконецъ, Мономахъ выпрямился; черты его были спокойнѣе.

— Поступай, какъ знаешь, дитя мое,—сказалъ онъ,—наслаждайся жизнью, какъ хочешь. Знай: ты совершенно свободна. Но я молю тебя объ одномъ: оставайся во дворцѣ, чтобы я могъ чувствовать твое присутствіе, какъ лучомъ солнца любоваться твоею красотой... Въ память этихъ счастливыхъ лѣтъ, которыя ты сейчасъ вспоминала — не оставляй меня.

Она поднялась съ мѣста и обѣими руками охватила его шею.

— Золотое сердце...—шептала она, пряча свое лицо въ его сѣдую бороду.—Я не покину тебя; моя преданность, мое уваженіе всегда останутся при тебѣ.

Онъ цѣловалъ ея лобъ, ея красивыя руки, и слезы—слезы объ оторвавшемся дорогомъ прошломъ катились изъ глазъ его.

— Ну, а теперь,—заговорилъ царь, освобождаясь изъ ея объятій, — теперь я хочу видѣть тебя какъ прежде веселою, какъ прежде беззаботною. Прикажи вечеромъ устроить пиръ въ Жемчужинѣ. Меня при-

несутъ на носилкахъ, и мы отпразднуемъ твое возвращеніе... отпразднуемъ начало нашей дружбы...

Между колоннъ, на террасахъ Жемчужины была устроена обширная палатка изъ шелковыхъ тканей; безчисленные огни освѣщали пиръ; темная ночь и звѣздное небо заглядывали за подобраныя занавѣсы. На массивныхъ серебряныхъ треножникахъ тянулись ряды курильницъ, разливавшихъ тонкій ароматъ; полъ былъ усыпанъ лепестками розъ.

Вѣрная духу античной Греціи, Склирена любила, чтобы ея гости возлежали за пирами. По правую руку ея помѣщался императоръ въ своихъ роскошныхъ носилкахъ. Гостей было всего человѣкъ двѣнадцать, но въ ихъ числѣ собрался весь цвѣтъ Византіи. Налѣво отъ хозяйки помѣщался первый министръ, всесильный Константинъ Лихудъ — среднихъ лѣтъ статный мужчина; когда онъ говорилъ, всѣ невольно прислушивались къ его звучному голосу, увлекались аттическою красотой его рѣчи. Тутъ же былъ и слѣпой протостраторъ Василій Склиръ, братъ хозяйки, и начальникъ тѣлохранителей, этеріархъ Романъ Боила, косноязычный, живой и забавный, небольшого роста человѣкъ, любимецъ царя, и молодой философъ, поэтъ и историкъ — Пселлъ.

Слуги въ роскошныхъ одеждахъ разносили угощенія и наливали гостямъ дорогого кипрскаго вина. Слышались оживленные разговоры, звонъ золотыхъ кубковъ; порой раздавался смѣхъ надъ удачною остротой, забавнымъ разсказомъ.

Императоръ былъ веселъ; онъ много разговаривалъ и смѣялся.

— Я сегодня совсѣмъ ожилъ,—говорилъ онъ Роману Боилѣ,—кого не оживитъ присутствіе этой волшебницы? Взгляни на нее, Романъ; видалъ ли ты, хоть во снѣ, другую такую красавицу?

Маленькій человѣкъ забавно прищурился и, словно боясь ослѣпнуть, прикрылъ глаза рукой, глядя на Склирену.

Она дѣйствительно была сказочно хороша въ этотъ вечеръ: одѣтая въ шитую жемчугомъ, серебристо-розовую парчу, съ блистающею при огняхъ алмазною діадемой на головѣ, съ гирляндой бѣлыхъ розъ черезъ плечо, какъ богиня, предсѣдала она на пиру. Облокотясь на парчевыя подушки своего ложа, она полусидѣла, и всякое ея движеніе полно было неизъяснимой граціи, а глаза горѣли блескомъ и оживленіемъ. Она снова отдалась обстановкѣ; среди подобострастія, роскоши и лести, — она чувствовала себя царицей, никто не могъ соперничать съ нею въ изяществѣ и остроуміи, и всѣ безотчетно подчинялись власти ея молодости и красоты.

— Странное существо—человѣкъ, сказала она Лихуду: вчера въ монастырѣ я серьезно думала, что могу умереть для міра, а сегодня мнѣ опять такъ хочется жить, мнѣ такъ хорошо здѣсь.

— Во дворцѣ было пусто безъ тебя, августѣйшая,—отвѣтилъ Лихудъ, — вынь изъ живой твари сердце, и она становится трупомъ, а вѣдь Жемчужина — сердце дворца. Всѣ рады, что ты вернулась; вотъ послушай,

какія строфы написалъ въ честь твоего возвращенія мой другъ Пселлъ.

Услыхавъ свое имя, философъ повернулся въ ихъ сторону.

— Я хочу слышать твои новые стихи,— сказала ему Склирена.

— Когда говоритъ богиня, смертный долженъ повиноваться, — покорно отвѣтилъ Пселлъ.

Онъ всталъ и обратился къ Мономаху.

— Божественный самодержецъ! Какой земной богъ можетъ сравняться съ тобою, моимъ царемъ и богомъ? Со всѣхъ концовъ земли летятъ хваленія къ твоему престолу, и, какъ праведное солнце, свѣтишь ты намъ съ его высоты. Но, при всемъ нашемъ счастіи, въ послѣдніе дни намъ словно недоставало чего-то И теперь я вижу, что недоставало свѣтлаго сіянія очей августѣйшей госпожи нашей, севасты Склирены. Только нынѣ, съ ея возвращеніемъ, вполнѣ ожилъ я и, какъ пчела, полетѣлъ по лугамъ собирать душистый медъ поэзіи. Разрѣши же, великій царь вселенной, гордость и слава Ромэевъ, положить къ твоимъ стопамъ этотъ ничтожный даръ музы.

Царь одобрительно кивнулъ головой, и Пселлъ развернулъ лежавшій рядомъ съ нимъ свитокъ. Раздались цвѣтистыя и льстивыя строфы стиховъ его. Онъ сравнивалъ хозяйку съ подругой солнца — луной, которая озаряетъ темноту ночи.

Одобренія и рукоплесканія долго не смолкали, когда онъ окончилъ чтеніе. Подойдя къ Склиренѣ, онъ, съ низкимъ поклономъ, вручилъ ей свитокъ. Она проворно

сняла съ себя гирлянду бѣлыхъ розъ и увѣнчала ею голову поэта.

— Владычица, вѣнчанная госпожа наша,— сказалъ онъ ей при этомъ,— если ты дѣйствительно обратила благосклонный взоръ на недостойные стихи мои, то, чтобы день этотъ навсегда жилъ въ моей памяти, заверши свои милости — спой намъ что-нибудь.

— Да,— горячо подхватилъ Лихудъ,— пожалуйста, доставь намъ эту отраду.

— Спой, спой,— подтвердилъ и царь,— мы такъ давно не слыхали твоего пѣнія.

Склирена, выучившаяся у рабыни-арабки пѣть и играть на лютнѣ, не заставила долго просить себя. Лютня была принесена; струны дрогнули и зазвенѣли подъ бѣлыми перстами. Все замерло, всѣ взоры обратились къ ней.

— Я не знаю ничего новаго,— сказала она,— я спою вамъ также про луну.

И она запѣла старинную пѣсню, которую и прежде не разъ пѣвала, но для всѣхъ эта пѣсня прозвучала какъ что-то новое и незнакомое.

Какъ я тебя ждала, красавица — луна!
Чуть вспыхнетъ небосклонъ, тобою озаренный,
Въ прозрачной полумглѣ изъ утлаго челна
На берегъ выйдетъ онъ — любимый и смущенный.
Нѣмая ночи мгла тобой оживлена;
Вотъ рокотъ соловья разсыпался влюбленный;
Блеснула серебромъ лѣнивая волна,
Лишь воздухъ недвижимъ, цвѣтами напоенный.
Онъ будетъ ждать меня, въ раздумье погруженъ...
Не знатенъ, не богатъ, совсѣмъ безвѣстенъ онъ,—

*

Но я люблю его — и властью никакою
Не удержать меня, когда, огня полна,
Я къ берегу сойду, озарена луною...
Какъ я ждала тебя, красавица — луна!

Она кончила, и послѣдній звонъ струнъ замеръ... Мгновенно наступившая тишина вдругъ прервалась громкими, восторженными криками, несмолкающими рукоплесканіями. Все заволновалось, всѣ поднялись съ мѣстъ и окружили пѣвицу. Но, не смотря на горячія просьбы, она не стала больше пѣть. Подозвавъ къ себѣ этеріарха Бонлу, она заговорила съ нимъ вполголоса.

Мало-по-малу опять завязались оживленныя бесѣды между гостями. Склирена встала и оставила пиръ, но долго еще не смолкалъ его веселый шумъ. Вино рѣкой лилось въ золотые кубки; звѣздное небо виднѣлось между занавѣсами, и ароматный дымъ изъ курильницъ на серебряныхъ треножникахъ легкимъ облакомъ висѣлъ въ воздухѣ.

Послѣ ярко-освѣщенной палатки пира очутившись на темной террасѣ, Склирена долго вглядывалась въ сумракъ ночи. Потомъ она спустилась по широкой лѣстницѣ въ садъ и пошла по мощенной мраморными плитами дорожкѣ.

Ярко горѣли звѣзды; воздухъ благоухалъ цвѣтами; неподвижно стояли черные кипарисы. Склирена шла торопливо, но не отъ одной быстрой ходьбы неровно стучало ея сердце.

Кто-то стоялъ у поворота дорожки; Склирена узнала одного изъ своихъ управителей.

— Это ты, Прокопій?—спросила она.

— Я, августѣйшая,—отвѣчалъ управитель.

Сердце ея упало.

— Ты одинъ?—вырвалось у нея.

— Нѣтъ. Онъ здѣсь — вонъ на той скамьѣ. Я купилъ его.

Она вздохнула свободнѣе и быстро пошла впередъ.

— Встань; августѣйшая госпожа идетъ,—сказалъ Прокопій, вслѣдъ за ней подходя къ бѣлой мраморной скамьѣ. Стройная тѣнь Глѣба поднялась и выпрямилась передъ подошедшими.

— Здоровъ ли ты? Хозяинъ ничего не сдѣлалъ тебѣ? — быстро спросила Склирена.—Ты—мой рабъ теперь. Я купила тебя.

Онъ съ изумленіемъ всматривался въ лицо стоявшей передъ нимъ новой госпожи; онъ зналъ этотъ голосъ.

— Боже мой!—всплеснувъ руками, воскликнулъ онъ наконецъ.—Это ты «августѣйшая»! ты—моя госпожа!

Удивленіемъ звучали слова его, но Склирена не замѣтила въ нихъ той радости, которую она ожидала встрѣтить.

— Развѣ ты не радъ?

— Нѣтъ... я радъ. Мнѣ легче работать для тебя, чѣмъ для того...

— Твоя работа будетъ не тяжелая. Ты поступишь въ отрядъ тѣлохранителей. Тебя сейчасъ отведутъ въ твое помѣщеніе, а завтра ты получишь новыя одежды, шлемъ, латы, оружіе и начнешь учиться своимъ обязанностямъ... Я буду иногда видѣть тебя.

Будущее казалось ей свѣтлымъ и сіяющимъ. Легкій вѣтерокъ шелестѣлъ листвой, издали доносился ласковый ропотъ волнъ Пропонтиды.

— Ну, теперь можешь идти, Прокопій! — обратилась она къ стоявшему въ почтительномъ отдаленіи управителю, — отведи его къ этеріарху.

Она опустилась на скамью, гдѣ Глѣбъ сидѣлъ до ея прихода, прислушивалась къ удаляющемуся звуку ихъ шаговъ, и никогда, кажется, не дышалось ей такъ легко и свободно. Дворецъ болѣе не казался ей тюрьмой; напротивъ, ей чудилось теперь, что весь міръ заключенъ въ его стѣнахъ, подъ его куполами, что каждый листъ дремлющихъ подъ звѣзднымъ шатромъ деревьевъ шепчетъ что-то новое.

На другой день Глѣбъ былъ зачисленъ въ дружину варяговъ и облекся въ установленную одежду. Глядя на него, трудно было подумать, что лишь день назадъ онъ былъ простымъ рыбакомъ и впервые облачился въ блестящій нарядъ царскаго тѣлохранителя. Къ нему необычайно шелъ и яркій плащъ, красивыми складками наброшенный поверхъ латъ, и шлемъ, придававшій мужественное выраженіе его юношескому свѣжему лицу; ремни сандалій ловко охватывали его ноги. Можно было подумать, судя по непринужденности, по врожденной граціи его движеній, что онъ съ дѣтства носилъ этотъ нарядъ. Только иногда имъ овладѣвало смущеніе, и природная застѣнчивость сказывалась въ чертахъ его, въ румянцѣ, ярко вспыхивавшемъ на щекахъ.

Блескъ и роскошь царскаго жилища поразили бывшаго рыбака. Новые товарищи водили его по дворцу, показывая разныя диковины, и изумленію Глѣба не было границъ передъ безконечными рядами залъ, пестротой и яркостью мраморовъ и мозаикъ на ихъ стѣнахъ, красотой галлерей и колоннадъ.

Священный, Богомъ хранимый дворецъ, окруженный какъ крѣпость стѣнами, находился — близь св. Софіи и отдѣлялся отъ нея лишь внутреннею площадью, форумомъ Августеономъ. Дворецъ состоялъ изъ множества отдѣльныхъ зданій, соединенныхъ колоннадами, внутренними дворами-атріумами, террасами и переходами. Каждый императоръ пристраивалъ новую церковь, залу или внутренніе покои; это былъ цѣлый лабиринтъ построекъ, лишенный однообразія и фасада, заключенный въ неприступныхъ стѣнахъ, какъ кремль русскихъ царей, какъ сераль султановъ. Надъ массой построекъ возвышались золотые купола церквей, башни, порталы и колоннады, смѣло выступавшіе къ верху.

Помѣщеніе тѣлохранителей находилось на первомъ внутреннемъ дворѣ, на который гордо выступала знаменитая Сигма—главный порталъ священнаго дворца, украшенный колоннами фригійскаго мрамора. Дворъ этотъ носилъ названіе таинственнаго фіала Сигмы; весь окруженный колоннадой, онъ былъ мощенъ мраморомъ, и фонтанъ посреди его билъ изъ массивной золотой раковины въ серебряную чашу бассейна.

Направо отъ таинственнаго фіала Сигмы находились дворцы Дафнейскій и Халкейскій, съ примыкавшею къ нимъ церковью Св. Стефана и Каѳизмою,

дворцомъ императорской трибуны, откуда монархи, не выходя изъ стѣнъ укрѣпленнаго дворца, въ виду всего народа присутствовали на играхъ въ ипподромѣ.

Цѣлый рядъ залъ тянулся за Сигмой; тамъ, къ длинной галлереѣ сорока мучениковъ примыкала Жемчужина, помѣщеніе Склирены, и Кенургъ, внутренніе покои царя; тамъ же, среди множества церквей и моленъ, высился Хризотриклинъ или Золотая палата съ ея смѣлымъ куполомъ, съ мозаичнымъ образомъ Спасителя, проходя мимо котораго изъ своихъ покоевъ, всегда, согласно обычаю, останавливались на молитву многія поколѣнія императоровъ

Кругомъ по террасамъ спускались къ морю тѣнистые сады, съ бассейнами, фонтанами, статуями, часовнями и бесѣдками, съ дивными видами, тамъ и сямъ развертывающимися на Пропонтиду.

Глѣбъ скоро познакомился со всѣми уголками царскаго жилища; онъ пригдядѣлся къ его сказочной обстановкѣ; его перестали удивлять массивные троны изъ литаго золота, двери съ серебрянными барельефами, оклады иконъ, блистающіе дорогими каменьями, мозаики, шелковыя и пурпурныя занавѣсы, пушистые восточные ковры.

Но не легко было привыкнуть къ складу придворной жизни. Особый и странный міръ представлялъ этотъ огромный блестящій дворъ, съ его шутами и евнухами, съ безконечными интригами и вѣчнымъ страхомъ ссылки, темницы и пытокъ,—вся эта смѣсь золота съ грязью и развратомъ, утонченной образованности съ грубымъ невѣжествомъ и суевѣріями...

V.

У орла гордый взглядъ загорается,
Заиграло, знать, сердце орлиное.

Я. П. Полонскій («Орелъ и Змѣя»).

Почти мѣсяцъ жилъ уже Глѣбъ во дворцѣ, когда наканунѣ Троицына дня начальникъ отряда тѣлохранителей, отдавъ различныя приказанія по случаю предстоящаго на завтра большого выхода царя въ св. Софію, отозвалъ въ сторону Глѣба и еще одного совсѣмъ молодого тѣлохранителя — Михаила Аліата.

— А васъ двоихъ, — сказалъ онъ имъ, — этеріархъ велѣлъ отправить къ Хризотриклину на выходъ императора. Поздравляю васъ, — вполголоса прибавилъ онъ.

— Съ чѣмъ ты поздравляешь насъ? — спросилъ Аліатъ.

— Какъ съ чѣмъ!? — это большая честь быть позваннымъ къ Золотой палатѣ со всѣмъ синклитомъ. Притомъ я полагаю, что васъ ожидаетъ царская милость: можетъ быть, дадутъ назначеніе или произведутъ въ чинъ.

— Въ чинъ... въ какой чинъ? — снова спросилъ Аліатъ.

— Въ какой — право не знаю; вѣроятно, въ какой-нибудь не слишкомъ большой. Едва ли тебя сдѣлаютъ завтра же кесаремъ или севастомъ. Впрочемъ,— махнувъ рукой, присовокупилъ начальникъ, — нынче все возможно, тѣмъ болѣе, что у тебя не мало знатной родни, а твой товарищъ,—кивнувъ головой на Глѣба, прибавилъ онъ, — опредѣленъ къ намъ самою августѣйшею Склиреной.

И начальникъ тѣлохранителей отошелъ отъ нихъ, продолжая отдавать приказанія.

— Завидуетъ... — шепнулъ Аліатъ Глѣбу, — вѣдь его-то самого не часто приглашаютъ къ Хризотриклину. А мнѣ уже давно обѣщана награда: только что это будетъ?

Почти на разсвѣтѣ папія (ключарь), въ сопровожденіи этеріарха и дежурныхъ, открылъ одну изъ трехъ дверей священнаго дворца, выходившихъ на Сигму, главный его порталъ. Былъ еще первый часъ утра (по нашему счету — около шести часовъ утра), и заутреня только-что отошла въ церквахъ. Но, не смотря на раннее время, цѣлая толпа придворныхъ ожидала уже открытія дверей. Тутъ же, между колоннъ Сигмы, равнялись тѣлохранители и этеріи (дружинники), которымъ предстояло размѣститься по внутреннимъ заламъ или сопровождать царя на выходѣ.

Когда открылись двери, Глѣбъ и Михаилъ Аліатъ

обратились къ одному изъ дежурныхъ съ просьбой провести ихъ къ Золотой палатѣ. Вслѣдъ за нимъ вошли они въ Богомъ хранимый дворецъ, вмѣстѣ со всею толпой придворныхъ. Большинство ихъ размѣщалось на пути по заламъ, и до Хризотриклина имѣли право дойти сравнительно немногіе. Стоя на внутреннемъ караулѣ во дворцѣ, Глѣбъ не разъ уже проходилъ подъ высокимъ куполомъ этой обширной залы, украшенной мозаиками по золотому полю; но теперь всѣ пришедшіе остановились передъ затворенными дверьми Золотой палаты, въ такъ называемомъ иліакѣ. Иліаки въ императорскомъ дворцѣ предшествовали почти всякой залѣ, составляя какъ бы ея преддверіе: это были обширныя террасы на уровнѣ залы, частью подъ открытымъ небомъ, частью окруженныя портиками и колоннадами. Къ иліаку Хризотриклина, также окруженному колоннадой, примыкала слѣва церковь Богородицы Фара, а съ другой стороны — галлерея Сорока мучениковъ, съ Жемчужиной, помѣщеніемъ Склирены.

Здѣсь, на скамейкахъ иліака, стали собираться по немногу всѣ царедворцы; Глѣбъ увидѣлъ тутъ и Лихуда, и Пселла. Другихъ онъ не зналъ, но предполагалъ, что и они — важные сановники, судя по тому, какъ всѣ поднимались съ мѣстъ и привѣтствовали ихъ при входѣ. Слышался сдержанный гулъ разговора; толпа блистала разноцвѣтною парчей, золотомъ и драгоцѣнными каменьями; по случаю Троицына дня въ одеждахъ преобладалъ бѣлый цвѣтъ.

Только папія съ этеріархомъ, въ сопровожденіи

чиновъ кувуклія (спальниковъ) и препозитовъ (придворное званіе), вошли въ Золотую палату, поставя у дверей ея въ иліакѣ часовыхъ съ топориками на длинныхъ древкахъ. Войдя изъ иліака, полнаго народа, въ огромный, безлюдный Хризотриклинъ, чины кувуклія прежде всего достали и приготовили на бархатной скамьѣ царскія одежды — бѣлыя, затканныя серебромъ и отороченныя драгоцѣнными каменьями; малую корону—золотую, тоже съ каменьями, съ длинными подвѣсками изъ жемчуга съ обѣихъ сторонъ.

Этеріархъ и папія, съ большою связкой ключей, пошли далѣе открывать всѣ необходимыя для царскаго выхода двери.

На исходѣ перваго часа начался выходъ царя въ Золотую палату, гдѣ присутствовали лишь чины кувуклія, папія и этеріахъ. Сначала дежурный препозитъ подошелъ къ серебряной двери во внутренніе царскіе покои и три раза постучался въ нее. Служитель открылъ двери, и препозитъ, сопровождаемый нѣсколькими кувикуларіями, взявшими на руки царскія одежды, вошли къ императору. Вскорѣ Константинъ, одѣтый уже въ парадное и тяжелое облаченіе, показался въ дверяхъ Золотой палаты. Опираясь на плечо одного изъ спальниковъ, онъ прошелъ между двумя рядами чиновъ кувуклія, падавшихъ передъ нимъ ницъ. Это былъ первый выходъ царя послѣ болѣзни; Константинъ сильно поблѣднѣлъ и осунулся, но привычка дѣлать каждый шагъ по установленному церемоніалу, казалось, поддерживала его. Онъ подошелъ къ помѣщающемуся въ нишѣ мозаичному об-

разу Спасителя и, согласно обычаю, поднявшись передъ нимъ на возвышеніе, всталъ на молитву.

Толпа безбородыхъ (въ большинствѣ — евнуховъ) чиновъ кувуклія безмолвно стояла внизу, пока царь не кончилъ молитву. Перекрестившись въ послѣдній разъ, Мономахъ перешелъ къ стоявшему на возвышеніи трону, опустился въ золоченое бархатное кресло, стоявшее направо отъ трона, и приказалъ позвать логоѳета (канцлера). Папія вышелъ за нимъ въ иліакъ.

Вскорѣ раздвинулась завѣса надъ входною дверью, и логоѳетъ вошелъ. Онъ прежде всего сдѣлалъ земной поклонъ, потомъ приблизился къ престолу и началъ свой докладъ царю.

Выслушавъ логоѳета, Константинъ велѣлъ позвать по очереди сановниковъ, удостоившихся наградъ и отличій. Одного за другимъ вводили ихъ, и изъ собственныхъ устъ царя узнавали они о царской милости, а провожавшій ихъ назадъ въ иліакъ препозитъ громко объявлялъ о ней всѣмъ собравшимся тамъ.

Глѣбъ и его товарищъ были позваны послѣдними. Сердце Глѣба сильно забилось, когда раздвинулся надъ ними завѣтный занавѣсъ у входныхъ дверей. Войдя, они разомъ упали ницъ; потомъ, вставъ, приблизились къ царю и остановились у ступеней трона.

— Во имя Господа, — сказалъ императоръ, — жалуетъ мое отъ Бога царское Величество тѣлохранителей Михаила Аліата и Глѣба Росса въ чинъ царскихъ спаѳаріевъ.

Вновь пожалованные спаѳаріи (оруженосцы) поднялись, по указанію препозита, на ступень и, снова

упавъ ницъ передъ Мономахомъ, приложились къ золотому орлу, вышитому на его туфляхъ.

Затѣмъ препозитъ вывелъ ихъ въ иліакъ.

— Нашъ святой царь, Богомъ руководимый, — возгласилъ онъ,—также какъ возглашалъ и о предшествовавшихъ наградахъ, — пожаловалъ тѣлохранителей Михаила Аліата и Глѣба Росса въ царскіе спаѳаріи.

Толпа совершенно незнакомыхъ придворныхъ окружила спаѳаріевъ съ поздравленіями, и они смущенно смотрѣли на улыбающіяся лица, на заискивающіе взгляды царедворцевъ. Пселлъ также подошелъ поздравить Глѣба, хотя до тѣхъ поръ, встрѣчаясь съ нимъ въ Жемчужинѣ, онъ вовсе не обращалъ на него вниманія.

Но вдругъ все задвигалось, придворные бросились занимать свои мѣста. Знаменосцы со знаменами гвардіи на высокихъ древкахъ размѣстились по обѣимъ сторонамъ дверей Золотой палаты. Начался большой выходъ въ Великую церковь св. Софіи.

Широко распахнулась дверь, занавѣсъ раздвинулся, и шествіе чиновъ кувуклія показалось въ стройномъ порядкѣ. За безконечными ихъ рядами потянулись ряды препозитовъ. Потомъ въ дверяхъ блеснулъ большой золотой крестъ и зажженныя восковыя свѣчи, и наконецъ самъ царь, сопровождаемый этеріархомъ, папіей и другими сановниками, появился на порогѣ.

Остановясь на мгновеніе въ дверяхъ, онъ вошелъ въ иліакъ и всталъ на вдѣланную въ полъ, невдалекѣ отъ входа въ Золотую палату, порфировую плиту,

обозначавшую царское мѣсто. Высоко поднявъ руку, онъ благословилъ толпу придворныхъ, и громкій, долго не смолкавшій крикъ привѣтствія раздался въ отвѣтъ. Послышались привѣтственныя пѣснопѣнія димовъ—партій цирка. Два димарха — начальника партій — выступили впередъ, одинъ съ голубою, другой съ зеленою перевязью черезъ плечо, и, повергшись ницъ передъ царемъ, подали ему, согласно обычаю, рукой, обернутою краемъ хламиды, два длинныхъ рукописныхъ свертка, называемые либеларіями, которые Мономахъ передалъ дежурному препозиту.

Потомъ хоры запѣли многолѣтіе и славословіе, и подъ ихъ пѣніе шествіе двинулось далѣе. Заколыхались золотыя знамена, высоко поднялся тяжелый золотой крестъ, заколебалось пламя свѣчей, и по пути, усыпанному, по случаю праздника Святой Троицы, цвѣтами, все медленно зсдвигалось впередъ. Еще не вышли изъ иліака попарно шедшіе за царемъ сановники, а уже изъ слѣдующихъ залъ доносились крики привѣтствій императору отъ ожидавшихъ тамъ его выхода чиновъ.

Иліакъ Хризотриклина пустѣлъ, большинство сановниковъ, въ установленномъ порядкѣ, присоединилось къ царскому шествію. Глѣбъ съ Аліатомъ тоже вышли, направляясь въ спаѳарикій, гдѣ имъ надлежало получить мечи и золоченные шлемы — знаки ихъ новаго достоинства.

Подъ вечеръ слѣдующаго дня, проходя по саду, Михаилъ Аліатъ увидѣлъ Глѣба, безпечно лежавшаго

въ травѣ и смотрѣвшаго въ даль Мраморнаго моря. Съ полудня поднялся вѣтеръ; море шумѣло, и его шумъ, не смотря на разстояніе, достигалъ дворцоваго сада.

— Что ты дѣлаешь!?—въ испугѣ сказалъ Аліатъ своему товарищу, — вставай, вставай скорѣе... Если тебя увидятъ садовники или смотритель садовъ...

— А что же?— отозвался Глѣбъ,— нельзя ужъ и прилечь въ тѣни... Тутъ прохладно, и вѣтеръ такой свѣжій съ моря.

— Такъ садись же на скамью, а мять траву и цвѣты строго запрещено.

Глѣбъ, хотя и неохотно, но все же поднялся съ мѣста. Вечеръ уже приближался, и при его освѣщеніи такъ красивъ былъ видъ на море, что и самъ Аліатъ присѣлъ на скамью рядомъ съ Глѣбомъ.

— Въ твоей далекой странѣ навѣрно нѣтъ такого красиваго моря и такого чуднаго города, — съ гордостью кровнаго византійца сказалъ Михаилъ.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Глѣбъ, — но у насъ за то лѣса... лѣса безковечные, дремучіе. А рѣки наши — почти какъ ваше море. Ахъ, если бы только я могъ вернуться...

— Перестань,—покровительственно замѣтилъ Аліатъ,—ты бы увидѣлъ теперь, что послѣ нашего семихолмнаго города все это никуда не годится. Тебѣ все кажется прекраснымъ, потому что ты покинулъ родину почти ребенкомъ и ничего не помнишь.

— Я-то не помню?! — горячо возразилъ Глѣбъ.— Я все, все помню... умирать стану — не забуду. Пѣсни

наши всѣ помню. Вотъ я когда нибудь спою тебѣ— до слезъ доводятъ наши заунывныя пѣсни. Помню я себя еще отрокомъ... набѣги съ княжескою дружиной, битвы...

Лицо его разгорѣлось, глаза блестѣли.

— Да, братъ, — тамъ удаль, жизнь... а здѣсь у васъ что? У насъ князья — первые бойцы; а здѣсь царь—старикъ въ парчѣ и каменьяхъ, которому кадятъ какъ Богу и передъ которымъ ницъ падаютъ безбородые евнухи... Эхъ! — съ досадой прибавилъ онъ — знай кисни въ этой роскошной клѣткѣ, да утѣшайся вотъ такими игрушками...

Онъ указалъ на лежавшій рядомъ съ нимъ на скамьѣ золоченный шлемъ спаѳарія и глубоко задумался. Аліатъ молча смотрѣлъ на товарища своими быстрыми черными глазами. Необыкновенною мощью и свѣжестью вѣяло на него отъ немногихъ словъ этого русскаго богатыря. Но нелегко было убѣдить кровнаго византійца.

— Посмотрѣлъ бы ты на Константина, когда онъ былъ молодъ: по красотѣ, ловкости и силѣ, говорятъ не было ему равнаго; не даромъ прозвали его «Мономахомъ»—единоборцемъ... Да что съ тобой толковать; все это ты говоришь потому, что не знаешь еще нашего города... Все здѣсь есть: тысячи храмовъ и монастырей—для людей богомольныхъ, школы и библіотеки—для ученыхъ, а для гулякъ—театры, игры, зрѣлища, цирки, бани... нигдѣ въ мірѣ невозможно жить такъ весело. Однако—солнце садится... Знаешь, пойдемъ въ городъ, погуляемъ, выпьемъ по доброму

стакану вина... надо же отпраздновать наше производство въ спаоаріи.

Глѣбъ согласился, и черезъ нѣсколько минутъ товарищи были уже на улицѣ.

Обычное оживленіе вечера царило въ городѣ. Пестрая, празднично одѣтая толпа двигалась по улицамъ, примыкавшимъ къ дворцу, банямъ Зевксиппа и ипподрому. Верхнія галлереи послѣдняго, украшенныя статуями, были полны гуляющими. Съ этого любимаго мѣста прогулки византійцевъ открывался чудный видъ на море и на городъ, а въ часы заката, въ розовыхъ нѣжныхъ краскамъ его, видъ этотъ казался чѣмъ-то волшебнымъ.

Пройдя нѣсколько вдоль по главной улицѣ, гдѣ съ обѣихъ сторонъ пути тянулись красивыя колонны портиковъ, спаѳаріи вошли въ большую кофейню. За нею, въ саду, среди лавровыхъ деревьевъ горѣли уже разноцвѣтные фонари и сидѣла за столами цѣлая толпа разнородныхъ посѣтителей. Виднѣлись тутъ и жители далекаго сѣвера, съ привѣшанными за плечами звѣриными шкурами, и смуглые египтяне въ широкихъ бѣлыхъ плащахъ, но всего больше было византійцевъ, жадныхъ до развлеченій, игръ и зрѣлищъ. Скромный ремесленникъ, проведшій день за работой, пришелъ сюда отдохнуть по случаю праздника и за стаканомъ вина поглядѣть на представленіе акробатовъ и плясуновъ, приготовляемое на деревянномъ помостѣ среди сада; пришелъ и суровый воинъ изъ далекаго лагеря, гдѣ онъ давно не видѣлъ никакихъ зрѣлищъ; важно развалился на скамьѣ, завернувшись въ дорогую хла-

миду, разжирѣвшій богачъ, только что взявшій ароматную ванну и умастившій тѣло свое благовонными маслами; собрались сюда и богатые юноши, покровители плясуней, шутовъ и возницъ-эніоховъ, женоподобные, увѣшанные золотыми украшеніями и дорогими каменьями, съ длинными раздушенными кудрями и съ дорогими перстнями на холеныхъ рукахъ. Это была обыкновенная византійская толпа, которую легко увлечь внѣшностью и подкупить блескомъ, толпа беззаботная и веселая, подвижная и остроумная.

Короткія южныя сумерки быстро догорали въ темнѣющемъ небѣ. На помостѣ возились уже мимы, шуты и канатные плясуны, готовясь начать представленіе.

Спаѳаріи, съ трудомъ найдя свободный столъ, спросили себѣ вина.

Представленіе началось, когда совсѣмъ стемнѣло. Глѣбъ съ живымъ интересомъ смотрѣлъ на кривлянья акробатовъ и скомороховъ, но Аліатъ вскорѣ покинулъ своего товарища и подсѣлъ къ сосѣднему столу, гдѣ шла крупная игра въ кости. Подъ вліяніемъ выпиваемаго вина, Глѣбъ становился все веселѣе; ему чрезвычайно нравился и этотъ садъ, полный народа, и фонари въ зелени, и заглядывающія сверху звѣзды, и музыка, и ярко освѣщенный помостъ, гдѣ происходило представленіе. Вотъ на помостъ этотъ вышли четыре араба въ широкихъ, полосатыхъ абаяхъ, съ пестрыми тюрбанами на головахъ; въ рукахъ ихъ были различные музыкальные инструменты. Они усѣлись на полъ въ рядъ, заиграли и запѣли однообразную арабскую пѣсню. Изъ-за раздвинувшейся занавѣски

*

выступили двѣ танцорки,—смуглыя, словно бронзовыя. Медленно и плавно, закрываясь прозрачною фатой, проходили онѣ по сценѣ въ своихъ широкихъ шелковыхъ шальварахъ, съ длинными черными волосами, заплетенными въ безчисленныя тоненькія косички, перепутанныя съ золотыми монетами. Музыка постепенно играла быстрѣе и быстрѣе; плясуньи откинули покрывала, открывъ свои красивыя кофейнаго цвѣта лица, съ огромными черными глазами и сверкающимъ при улыбкѣ рядомъ жемчужныхъ зубовъ. Закинувъ кверху голыя руки, онѣ изгибались, — и ихъ плечи страстно вздрагивали, и подъ прозрачною тканью трепетали ихъ бронзовыя перси.

Не отрывая глазъ, слѣдилъ Глѣбъ за этою дикою пляской, полною увлеченія и сладострастія. Только зовъ Аліата заставилъ его оглянуться.

— Послушай, Глѣбъ,—говорилъ ему спаѳарій: поди сюда. Мнѣ необходимо отъиграться, а у меня нѣтъ уже больше денегъ; одолжи мнѣ хоть что-нибудь.

Глѣбъ всталъ и пошелъ къ играющимъ въ кости. По столу, рядомъ со стаканами вина, двигались и переходили изъ рукъ въ руки кучки золотыхъ монетъ. Кругомъ тѣснились любопытные зрители. — Глѣбъ досталъ двѣ некрупныя золотыя монеты — весь остатокъ своего тѣлохранительскаго жалованія и отдалъ ихъ Аліату. Кости, брошенныя Михаиломъ, легли счастливо, и онъ, взявъ нѣсколько монетъ, сейчасъ же возвратилъ долгъ товарищу. Тогда и Глѣбъ захотѣлъ попытать счастія; онъ не безъ труда продвинулся къ самому столу и тоже началъ играть. Удача была на

его сторонѣ: онъ сразу взялъ довольно много и, увлекаясь успѣхомъ, болѣе уже не въ силахъ былъ отойти отъ стола. Черезъ полчаса передъ нимъ лежала цѣлая куча выиграннаго золота, а кости продолжали выбрасываться съ поразительною удачей. Зрители тѣснѣе сдвигались вокругъ, заглядывая на столъ, а Глѣбъ загребалъ все новыя и новыя груды золота.

Почти рядомъ съ нимъ стояла арабская плясунья, окончившая свой танецъ; запахомъ мускуса и какихъ-то восточныхъ ароматовъ вѣяло отъ ея бронзовой кожи. Какъ звѣрекъ, смотрѣла она своими быстрыми черными глазами на счастливца спаѳарія, которому такъ явно покровительствовала судьба.

Вдругъ одинъ изъ игроковъ, съ пьянымъ, раздувшимся лицомъ и подбитымъ глазомъ, протянулъ руку и задержалъ Глѣба, готовившагося выбросить кости.

— Довольно, спаѳарій,—нагло выговорилъ онъ,— ты, кажется, хочешь обобрать насъ до нитки; но вѣдь и мы не совсѣмъ дураки. Или ты думаешь — мы слѣпы?

Глѣбъ съ удивленіемъ поглядѣлъ на него.

— Нечего притворяться, — продолжалъ игрокъ: я могу таки отличить честную игру отъ воровской. А ты, какъ видно, плутъ изъ бывалыхъ...

Глѣбъ не былъ пьянъ, но и то легкое опьяненіе, которое онъ чувствовалъ, соскочило съ него мгновенно. Краска оскорбленія залила его лицо. Онъ вскочилъ на ноги, бросился на обидчика, могучею рукой схватилъ его за плечо и замахнулся тяжелымъ табуре-

томъ... Толпа разступилась съ криками; но расходившійся игрокъ не унимался.

— Заступитесь, братцы, — просилъ онъ толпу, — вяжите его... онъ думаетъ, что онъ—спаѳарій, такъ...

Аліатъ подбѣжалъ къ товарищу.

— Оставь его, братецъ, — убѣдительно говорилъ онъ,—оставь... право не стоитъ связываться. Прошу тебя — оставь.

Тяжелый табуретъ со всего размаху ударился о каменныя плиты и разлетѣлся въ дребезги. Игрокъ вырвался и въ страхѣ отскочилъ.

— Благодари Бога,—дрогнувшимъ голосомъ сказалъ Глѣбъ, — благодари Бога, что ты пьянъ, негодяй!... вотъ что съ тобой было бы...

Обидчикъ уже шмыгнулъ въ толпу. Глѣбъ тряхнулъ плечами, какъ бы желая отогнать непріятный сонъ, и, снова повернувшись къ столу, положилъ руку на груду выигранныхъ имъ денегъ.

— Не надо мнѣ вашего проклятаго золота, — смѣло продолжалъ онъ, послѣ минутнаго раздумья. — Я не для того игралъ, чтобы выиграть. Эй, хозяинъ, получи за вино и за табуретъ—и онъ кинулъ золотой хозяину кофейни;—вотъ тебѣ, за твою пляску, — горсть монетъ полетѣла арабской плясуньѣ; — а остальное дѣлите вы, кто играетъ, чтобы выиграть....

И онъ съ презрѣніемъ толкнулъ столъ ногой. Столъ опрокинулся, золото покатилось по камнямъ. Многіе бросились поднимать его, и впереди всѣхъ игрокъ съ подбитымъ глазомъ: свалка закипѣла надъ опрокинутымъ столомъ.

— Пойдемъ изъ этого вертепа, — сказалъ Глѣбъ товарищу, и они вышли на улицу. Одобрительные возгласы дружно раздавались имъ вслѣдъ.

Съ той поры, какъ Глѣбъ произведенъ былъ въ спаѳаріи, его стали иногда приглашать въ Жемчужину, вмѣстѣ съ другими придворными чинами. Онъ встрѣчалъ тамъ протостратора Склира, Пселла, Константина Лихуда. Склирена и ея придворныя дамы развлекались порою пляской невольницъ, ихъ пѣніемъ. Случалось, что Склирена сама брала лютню и пѣла. Иногда она заставляла Пселла разсказывать древне-греческіе миѳы, и сладкорѣчивый философъ старался отличиться красивыми оборотами или неожиданными реторическими фигурами. Нерѣдко также между гостями завязывался философскій споръ, въ которомъ сама хозяйка и Пселлъ блистали ученостью. Тогда Глѣбъ издали прислушивался къ разговору, не понимая этихъ отвлеченныхъ бесѣдъ, и ему становилось скучно...

Но каждый разъ Склирена находила минуту, чтобы хоть немного поговорить съ нимъ. Она спрашивала, всѣмъ-ли онъ доволенъ, не нуждается-ли въ чемъ. Спаѳарій отвѣчалъ коротко, словно торопясь окончить разговоръ; онъ смущался, да и что могло быть общаго между нимъ и этою женщиной, окруженною подобострастнымъ дворомъ? Она казалась ему теперь чуждою и недосягаемою, она была «августѣйшею госпожей».

Склирена пытливо глядѣла на него. Что же онъ за человѣкъ? Почему онъ сторонится отъ нея? Какъ

смѣетъ онъ, этотъ вчерашній рабъ, этотъ красивый варваръ, такъ холодно отвѣчать на ея ласковыя слова, которыя, какъ небесную манну, ловятъ всѣ окружающіе? Онъ скроменъ, онъ знаетъ свое мѣсто; приходя, онъ остается въ отдаленіи, чуть не рядомъ съ Херимономъ. Откуда же этотъ холодный тонъ, этотъ невозмутимо спокойный взоръ?

Она купила его не изъ пустой прихоти избалованной женщины: ее тронуло тяжелое положеніе его, она хотѣла дать ему свободу. Теперь, конечно, новое положеніе спаѳарія и роскошь дворца заставятъ его позабыть далекую родину.

— Начинаешь-ли ты привыкать? Или ты все еще стремишься домой? спросила она его однажды.

— Конечно, стремлюсь всею душой... Развѣ можно привыкнуть къ тюрьмѣ? отвѣчалъ онъ тихо.

Склирена была поражена. Дворецъ, это восьмое чудо свѣта для него тюрьма? Онъ предпочитаетъ дикую, варварскую страну всему другому—блеску и роскоши, открытой дорогѣ къ славѣ и почестямъ, вниманію первой красавицы Византіи?

Гнѣвомъ вспыхнуло ея лицо.

— Что же,—сдавленнымъ голосомъ, холодно и рѣзко сказала она,—ты—свободенъ... ты спаѳарій; ты, уже не рабъ больше. Просись, быть можетъ императоръ отпуститъ. Уѣзжай въ свой варварскій край,—прибавила она, и глубокимъ презрѣніемъ, почти ненавистью вѣяло отъ ея словъ.

Разговоръ этотъ начался, когда гости уже расходились изъ триклина Жемчужины. Залъ пустѣлъ;

лишь нѣсколько человѣкъ изъ свиты Склирены оставались еще въ отдаленіи. Глѣбъ, пораженный рѣзкимъ и холоднымъ тономъ ея словъ, съ изумленіемъ поднялъ на нее глаза, — въ нихъ сверкнули и возмущеніе, и готовность постоять за то, что дорого; но она, не глядя на него, круто повернулась и пошла къ дверямъ своихъ внутренныхъ покоевъ.

Смущенный неожиданнымъ и незаслуженнымъ ея гнѣвомъ, не понимая, чѣмъ онъ вызванъ, въ раздумьѣ пошелъ къ себѣ спаѳарій. Эта женщина, такъ участливо отнесшаяся къ нему сначала, была ему теперь чужда и даже враждебна... Склирена, оставшись одна съ Евфиміей, горько разрыдалась, и вѣрная служанка не могла угадать причину слезъ ея.

VI.

Is it the tender star of love?
The star of love and dreams?
Oh, no! from that blue tent above
A hero's armour gleams...

Longfellow. («The light of stars»).

Въ концѣ мая императоръ опять страдалъ припадками подагры.

Однажды подъ вечеръ Склирена пошла навѣстить его. Лучи склонявшагося къ закату солнца заглядывали въ небольшія окна царскихъ покоевъ. Мономахъ сидѣлъ въ задумчивости, накрывъ ноги дорогимъ мѣхомъ. Онъ, видимо, былъ встревоженъ; забота непривычными морщинами легла на его лицѣ. Онъ указалъ вошедшей кресло около самой постели; она сѣла и не сразу рѣшилась заговорить; такъ странно было видѣть безпечнаго Константина озабоченнымъ и встревоженнымъ.

— Я радъ, что ты пришла, — сказалъ онъ ей; я успокаиваюсь, когда ты подлѣ меня.

— Что случилось? — спросила она, — ты чѣмъ-то встревоженъ...

Онъ съ грустью покачалъ головой.

— Если бы ты знала, какъ мнѣ тяжело. Я не могу быть спокоенъ ни на минуту; я окруженъ измѣнниками. Родные, близкіе всѣ противъ меня злоумышляютъ...

Слезы дрожали въ его глазахъ.

— Ты, одна ты, никогда не шла противъ меня. Ты щадишь своего больнаго старика.

— Да что же случилось?—съ нетерпѣніемъ спросила она.

— Случилось то, что императрица перехватила письмо Григорія Докіана къ сестрѣ моей, къ Евпрепіи. Изъ этого письма можно понять, что противъ меня составленъ заговоръ.

— Заговоръ!..—повторила Склирена,—широко раскрывая глаза.

— Я не знаю, кого хотятъ возвести на престолъ; да и не все-ли мнѣ равно, будетъ-ли это Константинъ Делассинъ, Багратъ-ли, царь Грузіи, или Левъ Торникъ. Я долженъ раздавить крамолу въ самой семьѣ своей. За Евпрепіей уже учрежденъ строгій надзоръ... Но могу-ли я безусловно довѣрять и Зоѣ?—вдругъ, понизивъ голосъ, прибавилъ онъ:—вѣдь ею былъ отравленъ Романъ III...

Онъ задумался, и тишина возстановилась на нѣсколько мгновеній.

— Императрица должна сейчасъ прійти сюда,—продолжалъ царь,—ей обѣщали доставить свѣдѣнія о подробностяхъ. Мнѣ кажется, въ этомъ дѣлѣ Зоя искренне на моей сторонѣ. Это ужасно, ужасно... приходится

бояться всѣхъ, въ каждомъ человѣкѣ видѣть врага... Помнишь-ли ты, съ какими мыслями я взошелъ на престолъ? Какъ горячо желалъ я дать отдыхъ имперіи, какъ обѣщалъ стоять на стражѣ мира и тишины?

Она съ грустнымъ сочувствіемъ кивнула ему головой.

— И вотъ, началось: измѣны, заговоры, бунтъ Эротика, возстаніе Маніака, набѣгъ Россовъ, вѣроятность войны съ турками...

— Что же такое?—возразила Склирена,—развѣ ты не вышелъ побѣдителемъ изо всѣхъ этихъ испытаній? Константинъ, тебѣ нельзя унывать: ты—глава восточной и западной Римской имперіи, ты—владыка міра; нѣтъ страны, гдѣ не прошли со славой наши легіоны, гдѣ незнакомо обаяніе твоего имени, твоей силы и власти.

Онъ ласково поглядѣлъ на нее и пожалъ ей руку.

— Ты умѣешь говорить; тебя можно заслушаться. Но не думай, что я забочусь лишь о себѣ. Мнѣ больно за государство; всѣ эти обстоятельства губятъ его.

— Ты сегодня мрачно настроенъ,—сказала Склирена,—но я твердо вѣрю, что Византія—царица міра, что она съумѣетъ для него сберечь свѣтъ вѣры, познаній и искусства...

Дежурный спальникъ—кубикуларій—распахнулъ дверь опочивальни.

— Императрица идетъ!—проговорилъ онъ.

Склирена быстро поднялась съ мѣста.

— Я уйду,—сказала она.

За исключеніемъ офиціальныхъ случаевъ, эти

двѣ женщины избѣгали встрѣчи. Царь за руку удержалъ ее.

— Прошу тебя, останься,—молвилъ онъ,—мнѣ легче, когда ты со мною.

Зоя, оставя въ сосѣдней комнатѣ сопровождавшихъ ее, была уже на порогѣ. Склирена почтительно и низко ей поклонилась. Кубикуларій пододвинулъ царицѣ кресло и потихоньку вышелъ. Зоя сѣла.

— Мнѣ надо поговорить съ тобою, произнесла она.

— Говори, я слушаю,—сказалъ Мономахъ.

Императрица обратила взглядъ на Склирену.

— Севаста все знаетъ,—продолжалъ царь, поймавъ этотъ взглядъ,—ты можешь говорить, не стѣсняясь.

— А, тѣмъ лучше,—сказала Зоя,—пускай августѣйшая видитъ, что, кромѣ пировъ и любовныхъ забавъ, у носящихъ пурпурныя туфли бываютъ и другія заботы.

Склирена вспыхнула, но промолчала, опустивъ глаза на свою красную обувь, украшенную золотыми орлами. Мономахъ сдвинулъ сѣдыя брови.

— Ты хотѣла говорить о дѣлѣ,—замѣтилъ онъ женѣ.

— Да... я узнала имена двухъ сообщниковъ Григорія Докіана; это: Иверъ Аоинянинъ и монахъ Никифоръ евнухъ. Сегодня, подъ предлогомъ охоты, эти три заговорщика должны съѣхаться въ загородномъ домѣ Докіана, на берегу Пропонтиды. Вотъ прекрасный случай захватить ихъ и заблаговременно пресѣчь ихъ планы.

— Но какъ же это сдѣлать?—растерянно сказалъ Мономахъ.

— Чего же легче! Надо отправить солдатъ къ дому Докіана и велѣть захватить измѣнниковъ. Главное, не слѣдуетъ терять времени.

Но Константинъ медлилъ.

— О, великій царь!—съ насмѣшкой воскликнула Зоя,—если бы дѣло шло объ устройствѣ пира или охоты, ты, конечно, не медлилъ бы... Дай же скорѣе приказаніе этеріарху.

И царица сама хлопнула въ ладоши. Кубикулярій показался въ дверяхъ.

— Сейчасъ позвать къ императору этеріарха Боилу,—распорядилась она.

— Этеріархъ ожидаетъ въ пріемной,—замѣтилъ спальникъ.

Черезъ минуту маленькій человѣкъ, войдя въ комнату и поклонясь въ землю, приблизился къ ложу государя, поцѣловалъ его руку и отвѣсилъ поясные поклоны августѣйшимъ.

Царь въ двухъ словахъ разсказалъ ему, въ чемъ дѣло.

— Возьми сейчасъ же взводъ этеріи (дружины), поѣзжай съ ними за городъ и живыми или мертвыми захвати измѣнниковъ. Сослужи мнѣ эту службу: я знаю, это дѣло нелегкое и опасное. Они станутъ защищаться. Людей выбери вѣрныхъ; всего лучше изъ молодыхъ или изъ иноземцевъ, чтобы они не вздумали перейти къ крамольникамъ. Да возьми еще двухъ или трехъ спаѳаріевъ; они съумѣютъ распорядиться солдатами.

Злая усмѣшка скользнула по лицу Зои.

— Можно будетъ также захватить этого иноземца, спаѳарія Глѣба,—сказала она.

Руки Склирены похолодѣли.

— Глѣбъ... онъ, кажется, недавно служитъ,—пробормоталъ Бонла, припоминая.

— Да, но онъ уже получилъ повышеніе. Дай же ему случай доказать, что почести сыплются на него не даромъ.

Императоръ былъ сильно взволнованъ.

— Да, конечно... пускай и этотъ Глѣбъ ѣдетъ...—сказалъ онъ.—Приходи ко мнѣ съ докладомъ, какъ бы поздно ты ни вернулся. Ну, а теперь оставьте меня одного: у меня нѣтъ болѣе силъ.

Ни жива, ни мертва шла Склирена вслѣдъ за Зоей по галлереѣ Орологія; дыханіе у нея захватывало, ноги дрожали.

— Я полагаю,—обратилась Зоя къ своей спутницѣ,—твой бывшій рабъ очень радъ будетъ случаю отличиться. Какъ ты думаешь, августѣйшая?

Склирена призвала на помощь всѣ свои силы и, повидимому, спокойно вымолвила:

— Да... вѣроятно.

Ледяное безстрастіе этого отвѣта поразило Зою она невольно оглянулась, думая уловить въ ея чертахъ слѣды тревоги и волненія, но ничего, кромѣ безпредѣльной ненависти, не прочитала она въ ея сосредоточенномъ лицѣ.

— Притворщица... кукла мраморная!—со злобой отвертываясь, прошипѣла старуха.

Солнце только что сѣло, когда Глѣбъ, вмѣстѣ съ цѣлымъ взводомъ этеріевъ, выѣхалъ изъ дворца. Они поскакали, съ Боилой во главѣ, по большому тріумфальному пути къ Золотымъ Воротамъ. Колонны портиковъ мелькали по бокамъ доороги; порой, въ прорѣзѣ улицъ, сбѣгавшихъ къ морю, виднѣлась еще трепещущая блескомъ заката Пропонтида, лиловыя горы, розовый горизонтъ. Прохожіе сторонились, заслыша лошадинный топотъ; ноги коней скользили порой по гладкимъ камнямъ, и искры летѣли изъ подъ копытъ. Отъ быстраго бѣга струя свѣжаго воздуха налетала имъ навстрѣчу. Сумерки сгущались въ узкихъ улицахъ; быстрыя, разорванныя облака пробѣгали надъ городомъ. Одинъ за другимъ развертывались пять форумовъ тріумфальнаго пути; рѣзко выдѣлялись на меркнущемъ небѣ ихъ колонны и обелиски.

Чѣмъ дальше отъ центра, тѣмъ безлюднѣе становился городъ; они проѣхали по кварталу Ксеролофа. Портики давно кончились; по сторонамъ пути тянулись кладбища, тюрьмы, мѣста казни, лагерныя стоянки. День погасалъ и небо хмурилось все сильнѣе. Внезапный дождь крупными каплями зашумѣлъ вокругъ

Было уже совсѣмъ темно и огни зажигались въ домахъ, когда этеріи доскакали до Золотыхъ Воротъ и остановили подъ ихъ сводами взмыленныхъ коней. Разсмотрѣвъ при тускломъ свѣтѣ фонаря документъ о пропускѣ, старшій по караулу приказалъ отпереть ворота. Поднята была на тяжелыхъ цѣпяхъ

наружная рѣшетка, щелкнулъ замокъ, застучали засовы, и медленно, съ жалобнымъ скрипомъ, распахнулись тяжелыя ворота, открывъ путникамъ зіяющую бездну мрака. Ни одного огня не свѣтилось внѣ стѣнъ, едва замѣтною полосой убѣгала вдаль сѣрая дорога. Крупный дождь шумѣлъ вокругъ... Холодно, непріютно и жутко было въ этой тьмѣ.....

— Ну, братцы,— сказалъ одинъ изъ часовыхъ,— не хорошо теперь въ полѣ.

Этеріи выѣхали за ворота и скоро пропали во мракѣ. Только топотъ копытъ раздавался еще подъ шумъ дождя.

Ворота снова затворились. Дождь вскорѣ прошелъ, и глубокая тишина возстановилась надъ предмѣстіемъ. Лишь по временамъ издали, постепенно приближаясь и переходя отъ солдата къ солдату, раздавался протяжный и однообразный окликъ часовыхъ вдоль стѣнъ.

Узнавъ около полуночи, что Романъ Боила возвратился и пошелъ съ докладомъ къ императору, Склирена послала просить его зайти на обратномъ пути въ Жемчужину.

Усталый и запыленный вошелъ онъ къ ней.

— Прости меня, августѣйшая: я прямо съ дороги,—проговорилъ онъ,—ты хотѣла меня видѣть.

Онъ не выговаривалъ многихъ буквъ; его косноязычіе и малый ростъ обыкновенно вызывали улыбку собесѣдника, но на этотъ разъ Склирена глядѣла на него съ серьезнымъ безпокойствомъ.

— Я очень тревожилась объ исходѣ даннаго тебѣ порученія. Садись и разскажи, какъ все это вышло.

Боила сѣлъ на конецъ скамьи.

— Они арестованы всѣ трое и нѣсколько человѣкъ ихъ прислуги. Одинъ изъ заговорщиковъ раненъ. Дѣло вышло очень серьезное: они защищались отчаянно.

Склирена испугано на него поглядѣла.

— Но вы остались невредимы?— быстро спросила она.

— Я потерялъ трехъ солдатъ убитыми, да человѣкъ семь ранено.

— О, Боже!— со стономъ вырвалось у ней.

Молчаніе воцарилось въ комнатѣ.

— Тамъ былъ одинъ иноземецъ,котораго я знаю...— начала она.

— Да — спаѳарій Глѣбъ,— перебилъ ее этеріархъ. Онъ молодецъ, этотъ юноша. Я видѣлъ — онъ бился, какъ левъ.

Она подняла голову.

— Кажется, онъ остался живъ,— добавилъ Боила.

Это «кажется» острою болью прошло по ея сердцу.

— Я прискакалъ сюда во весь махъ; часть солдатъ отправилась съ преступниками въ Анемадскую тюрьму, другіе везутъ раненыхъ товарищей. Извини, августѣйшая, я долженъ еще сдѣлать нѣкоторыя распоряженія.

Онъ всталъ. Она его не удерживала.

Склиренѣ было не до сна въ эту ночь. Едва ушелъ Боила, она тихонько вышла на галлерею Сорока мучениковъ. По галлереѣ взадъ и впередъ ходилъ часовой; онъ окликнулъ ее; но, узнавъ любимицу императора, вытянулся и почтительно пропустилъ ее. Она отворила небольшую дверь и вошла въ Триконхъ, триклинъ императора Ѳеофила. Слабый свѣтъ полумѣсяца, взошедшаго послѣ полуночи, едва проникалъ въ круглыя окна, прорѣзанныя въ высокихъ позолоченныхъ сводахъ; смутно выступали колонны и мозаичный полъ; стѣны, казалось, широко раздвинулись. Склирена направилась къ парадным дверямъ; ихъ было три, всѣ онѣ выходили на Сигму, порталъ Богомъ хранимаго дворца. Средняя изъ дверей, массивнаго серебра съ барельефами, открывалась лишь въ торжественныхъ случаяхъ, но Херимонъ успѣлъ для своей госпожи достать отъ папіи ключъ отъ одного изъ боковыхъ входовъ. Она смѣло повернула его въ замкѣ, бронзовая дверь тихо отворилась; Склирена была на парадномъ крыльцѣ священнаго дворца. Длинные ряды колоннъ тянулись передъ нею; двѣ широкія лѣстницы сбѣгали во дворъ, — въ знаменитый таинственный фіалъ Сигмы. За фонтаномъ, у широкихъ входныхъ воротъ стояли на часахъ два стража, виднѣлись ихъ тѣни съ двойными топорами на длинныхъ древкахъ. Атріумъ былъ широкъ; часовые не могли слышать легкихъ шаговъ ея, заглушенныхъ еще шумомъ фонтана.. Налѣво широкая мраморная лѣстница поднималась на галлереи Дафнійскаго дворца; направо открытая дверь вела въ помѣщеніе спаѳаріевъ.

*

Серпъ луны, сквозь туманную дымку облаковъ, тускло освѣщалъ атріумъ, фонтанъ посреди его и мелкія бѣлыя струи, съ однообразнымъ плескомъ бѣжавшія изъ его золотой раковины. Тѣни тучъ, то темнѣе, то свѣтлѣе, пробѣгали по еще мокрымъ отъ недавняго дождя плитамъ двора.

Склирена остановилась у колонны и стала ждать.

«Кажется, остался въ живыхъ»—думалось ей—«но можетъ быть раненъ, опасно раненъ...»

Она должна увидѣть его, должна узнать... И она напряженно вглядывалась въ темное пространство за воротами. При измѣнчивомъ, невѣрномъ освѣщеніи таинственный фіалъ Сигмы казался зачарованнымъ. Неподвижно стояли у входа двое дремлющихъ часовыхъ. Время шло.

«Дрался, какъ левъ...»—вспомнились ей слова Романа Воилы, и гордость сверкнула въ ея глазахъ. Конечно, она всегда знала, что Глѣбъ также храбръ, какъ красивъ.

Вдругъ она вздрогнула: среди плеска воды къ ней издали донесся конскій топотъ. Она прислушалась... сомнѣнія нѣтъ: это этеріи возвращаются съ ночной поѣздки. Одинъ изъ нихъ, опередивъ товарищей, подскакалъ къ воротамъ. Стражи встрепенулись, послышался ихъ окликъ. Нѣсколько человѣкъ выбѣжало изъ тѣлохранительской встрѣтить пріѣхавшихъ и принять коней. Вотъ еще подъѣхало нѣсколько человѣкъ. За воротами послышались голоса, движеніе, ржаніе уводимыхъ лошадей.

Одинъ изъ воиновъ быстро прошелъ черезъ атрі-

умъ къ дверямъ тѣлохранительской. Склирена подняла голову, вглядываясь... нѣтъ, это не онъ...

Вдругъ тихій стонъ раненаго раздался у воротъ среди общаго говора. Болѣзненно отозвался онъ въ ея сердцѣ; она не отрывала глазъ отъ чернѣвшихъ у воротъ тѣней.

— Осторожнѣе... иди въ ногу... — слышалось оттуда.

Медленно колыхаясь, показались носилки. Съ боковъ шли люди съ факелами.

Похолодѣвъ отъ ужаса, издали глядѣла Склирена на неловко покачивавшуюся, странно освѣщенную голову раненаго. У нея отлегло отъ сердца—это не былъ Глѣбъ.

А въ воротахъ показались еще носилки, и еще, и еще... и вся замирая, смотрѣла она на печальное шествіе и съ новымъ вздохомъ облегченія обращала взоръ опять къ воротамъ.

Вотъ еще двоихъ товарищи провели подъ руки, прошло еще нѣсколько человѣкъ, но напрасно всматривалась въ нихъ Склирена: Глѣба не было въ ихъ числѣ.

Боль и отчаяніе сдавили ей грудь. Убитъ!.. неужели убитъ?!. Надо идти туда, на берегъ Мраморнаго моря, найти его... быть можетъ жизнь еще теплится!..

И вдругъ сердце ея радостно дрогнуло: среди голосовъ у входа она ясно разслышала звуки его голоса. Забывъ всякую осторожность, она быстро сбѣжала во дворъ и остановилась у фонтана. Водяная пыль обдавала ее холодомъ и сыростью, но Склирена

ее не замѣчала: облокотясь на серебро бассейна, она не отрывала глазъ отъ входившаго.

«Какъ онъ блѣденъ, какъ странно идетъ онъ...»— Снова отчаяніе охватило ее; она хотѣла броситься ему на встрѣчу и, не помня себя, отчетливо и ясно выговорила:—«Глѣбъ!»

Услыхавъ свое имя, спаѳарій остановился и оглянулся. Онъ замѣтилъ тѣнь у фонтана и сдѣлалъ къ ней движеніе, но она быстро приложила палецъ къ устамъ. Глѣбъ замеръ на мѣстѣ. Тѣнь указала ему на полумракъ опоясывавшей дворъ колоннады и сама неслышно скользнула къ Сигмѣ, поднялась на ступени и скрылась среди колоннъ.

Стражи ничего не слыхали; Глѣбъ приближался, огибая фіалъ въ тѣни колоннады.

Какъ безумная бросилась она ему на встрѣчу.

— Ты не раненъ? ты не раненъ?—спрашивала она, и слезы катились изъ глазъ ея.

Съ изумленіемъ глядѣлъ онъ на нее.

— Августѣйшая... это ты?!. здѣсь... одна, въ ночной часъ... что случилось?!.

Онъ стоялъ передъ нею стройный и красивый: золотистыя кудри выбивались изъ подъ сурово надвинутаго на лобъ шлема; тусклый свѣтъ мѣсяца игралъ на его блестящей поверхности, и голубыя очи юноши кротко и изумленно глядѣли на молодую женщину.

— Ты не раненъ?—настойчиво повторяла она.

— Нѣтъ,—молодецки тряхнувъ плечомъ, отвѣтилъ онъ,—эту царапину на ногѣ даже нельзя назвать раной. Она заживетъ черезъ три дня.

Склирена съ неподдѣльнымъ ужасомъ поглядѣла на его окровавленную ногу.

— Надо же перевязать рану!

— Я говорю тебѣ: пустяки...—презрительно сказалъ онъ.—Послѣ перевяжутъ. Я дешево отдѣлался.

И онъ разсказалъ ей, какъ солдаты окружили домъ Докіана, какъ мятежники выбѣжали съ вооруженными слугами и какая свалка закипѣла въ темнотѣ. Онъ говорилъ просто и безъ прикрасъ; онъ не былъ краснорѣчивъ, но по его правдивому разсказу такъ ясно представлялся весь ужасъ этой ночной битвы.

Положивъ ему руку на плечо, она съ гордостью слушала его.

— Да, мнѣ говорилъ Вопла, что ты бился хорошо,—сказала она, когда онъ замолкъ, и прибавила радостнымъ шепотомъ: — Но какое счастіе, что все кончилось благополучно!

— Почему же ты до сихъ поръ не ложилась? Кого ждала ты?—спросилъ Глѣбъ,—вѣдь ужъ скоро утро.

Она глядѣла своими горящими глазами прямо въ его очи.

— Да развѣ я могла спать, когда тебѣ угрожала смерть? Я чуть не умерла сегодня, когда эта злая старуха, Зоя, велѣла и тебя послать... но я не показала ей своего волненія... А ты еще спрашиваешь?!. Я тебя ждала, я для тебя пришла.

Очи ея блестѣли, горячее дыханіе жгло его лицо; вся она дрожала и трепетала, какъ струна подъ ударомъ руки.

Фонтаны шумѣли. Высокія, темныя колонны Сигмы, какъ безмолвные сторожа, стояли вокругъ. Внизу, какъ очарованный, спалъ таинственный фіалъ, и неясно рисовались при свѣтѣ мѣсяца колоннады Дафнійскаго дворца.

— Промолви же хоть слово!..—прилегая головой ему на грудь, шептала она.

— Я не могу опомниться,—тихо сказалъ онъ,—ты—августѣйшая... ты любишь меня... Нѣтъ, нѣтъ; это шутка.

— Шутка!.. повторила она и страстнымъ упрекомъ дрогнулъ ея голосъ. Опустивъ руки и неподвижно стоя передъ нимъ, она долго вглядывалась въ его лицо, потомъ круто повернулась, неровными шагами прошла въ глубь Сигмы и опустилась на ступени, закрывъ лицо руками.

Онъ подошелъ къ ней и стоялъ безмолвный и смущенный.

— Ты бы не сказалъ, что это шутка... если бы зналъ, какъ я измучилась...—упавшимъ голосомъ молвила она.

Ее душилъ воротъ одежды; она рвала его рукой, судорожно сжавъ губы, и рубиновыя застежки откидывались съ легкимъ звономъ, обнажая ея шею. Лицо ея исказилось страданіемъ.

Онъ съ участіемъ склонился къ ней.

— Перестань...—проговорилъ онъ,—зачѣмъ ты себя мучишь? Если бы ты знала, какъ мнѣ тяжело, какъ мнѣ жаль тебя...

Она слушала, съ недоумѣніемъ все шире и шире

раскрывая глаза. Вдругъ въ нихъ молніей сверкнула дикая, сумазбродная мысль. Голова нагнулась впередъ какъ у тигрицы, готовой броситься на жертву.

— Ты любишь другую!..—въ изступленіи прошептала она,—да, да... и я найду ее...

Ревностью, безпредѣльною, безумною ревностью горѣли глаза ея, и Глѣбъ, героемъ вышедшій изъ опаснаго ночного сраженія, съ невольною робостью посмотрѣлъ на свою собесѣдницу.

— Зачѣмъ ты такъ говоришь?—тихо молвилъ онъ,—я никого не люблю. Погляди на меня—я забрызганъ грязью, я весь въ пыли, въ крови... до любви ли мнѣ? Нѣтъ, я никогда еще не испытывалъ любви и не знаю этого несчастія.

Онъ не лгалъ, онъ не могъ лгать—его открытый, глубоко спокойный взоръ лучше словъ говорилъ тоже самое. Склирена молчала, словно устыдясь своей мгновенной вспышки. Тишина стояла кругомъ, только шумъ фонтановъ не умолкалъ. Небо блѣднѣло, разсвѣтъ разгонялъ ночной мракъ. Казалось—день, вмѣстѣ съ тѣнями ночи, безжалостно развѣявалъ послѣднія грезы Склирены.

— Ну, пора тебѣ домой... тебя могутъ увидѣть,—рѣшительно сказабъ Глѣбъ.

Онъ помогъ ей подняться, довелъ ее до двери, она шла послушно, какъ ребенокъ. На порогѣ она оглянулась, тихо вымолвила: «Прощай!»—и замокъ щелкнулъ за нею въ бронзовой двери.

Она была одна въ триклинѣ, только блѣдный разсвѣтъ заглядывалъ на нее въ окна. Прислоняясь пы-

лающимъ лбомъ къ холодному мрамору колонны, она сама словно окаменѣла: отчаяніе, стыдъ леденили ея душу, и она была бы рада, если бы золотые своды Триконха обрушились и задавили ее.

Послѣ обѣдни у св. Софіи въ великомъ триклинѣ Магнауры происходилъ пріемъ франкскихъ пословъ. Огромная зала была полна народа; отдѣльно, на опредѣленныхъ мѣстахъ помѣщались патриціи, сенаторы, проконсулы и спаѳаріи. Съ обѣихъ сторонъ опущеннаго надъ входомъ пурпурнаго занавѣса стояли протоэлаты (знаменосцы) съ золотыми императорскими знаменами на тонкихъ древкахъ. На возвышеніи, куда вели ступени зеленаго мрамора, помѣщались три трона изъ массивнаго золота; на среднемъ, украшенномъ драгоцѣнными каменьями, подъ сѣнью большаго золотаго креста, усыпаннаго яхонтами и рубинами, сидѣлъ царь; направо отъ него—Зоя, на лѣво—Склирена. Золотые львы лежали у подножія трона.

Солнце заливало все радостнымъ блескомъ, играя на яркихъ одеждахъ, на блистающихъ шлемахъ, на мягкихъ переливахъ шелковыхъ тканей.

— Многая лѣта! Многія вамъ времена, Константинъ и Зоя, самодержцы Римлянъ,— пѣли пѣвчіе.— «Святъ, святъ, святъ»,— подхватывала вся толпа.— «Многія вамъ времена, владыки съ царицами и багрянородными!»

И сидѣвшіе на престолахъ встали, и одинъ изъ старшихъ сановниковъ, выступивъ впередъ, осѣнялъ

ихъ крестнымъ знаменіемъ, закрывъ руку краемъ своей хламиды.

Но вотъ пѣніе смолкло; логоѳетъ подошелъ къ ступенямъ трона и, съ низкимъ поклономъ, приложивъ руки къ груди, возгласилъ:—«Повелите!»

Мономахъ далъ знакъ рукой. Заиграли серебряные духовые многотрубчатые органы, и изъ-за раздвинувшагося занавѣса препозиты ввели пословъ, которые, подойдя къ ступенямъ, повергли̇сь ницъ передъ царемъ.

Среди возстановившейся тишины раздались слова логоѳета, стоявшаго на ступеняхъ. Онъ передавалъ посламъ привѣтствіе императора, спрашивалъ объ ихъ здоровьѣ.

Но Глѣбъ не слушалъ логоѳета. Странное настроеніе охватило его. Хотя рана его оказалась легкою и была перевязана, но онъ чувствовалъ приступы лихорадки. Голова его пылала, очи искрились; въ мысляхъ путались воспоминанія. Онъ глядѣлъ туда, гдѣ надъ всею огромною толпой сановниковъ въ блестящихъ парадныхъ облаченіяхъ, высоко воздвигались три престола. Тамъ среди трепещущихъ знаменъ, копій и сверкающихъ шлемовъ тѣлохранителей и гвардейцевъ, подъ сѣнію креста, онъ видѣлъ ту, которая не далѣе, какъ въ эту ночь, до разсвѣта прождала его подъ колоннами Сигмы. Она сидѣла неподвижно, словно окаменѣвъ на массивномъ золотомъ тронѣ. Отороченный жемчугомъ парчевый плащъ, наброшенный на ея голубую, затканную золотомъ одежду, какъ риза, ложился вокругъ крупными, точно кованными склад-

*

ками. Императорская діадема изъ сафировъ, алмазовъ и жемчуга, свѣшиваясь длинными подвѣсками вдоль щекъ и соединяясь подъ подбородкомъ у алмазной застежки плаща, словно рамой изъ золота и самоцвѣтныхъ камней, окружала лицо красавицы.

Среди благоговѣйнаго безмолвія стоявшей у ея ногъ толпы, охваченная лучомъ горящаго солнца, который дробился и игралъ въ каменьяхъ ея убора, на золотѣ ея одеждъ,—августѣйшая сидѣла безстрастная и безучастная. Длинныя рѣсницы были опущены, ни одинъ мускулъ строгаго лица не шевелился.

Только въ странномъ снѣ, только въ бреду могли послышаться Глѣбу страстныя рѣчи, что говорила эта женщина, окружённая общимъ поклоненіемъ, стоящая на такой недосягаемой высотѣ почестей и блеска...

VII.

...и надеждъ, и отчаяній рой,—
Кочующей мысли прибой и отбой...
Гр. А. К. Толстой. («Колышется море»).

При самомъ выходѣ изъ Босфора въ Мраморное море, за Халкедономъ и заливомъ Евтропія, на длинномъ полуостровѣ, далеко выступившемъ въ море, утонулъ среди тѣнистаго сада дворецъ Гіерія. Извилистыя дорожки разбѣгаются среди кипарисовъ и развѣсистыхъ чинаръ; тамъ и сямъ изъ зелени поднимаются то церковь, то роскошныя термы, то уединенная часовня, то стройная колоннада портика.

Трудно отыскать уголокъ красивѣе Гіеріи. Вся обвѣянная лучами яркаго солнца, вся въ зелени и въ цвѣтахъ, далеко выплыла она въ обнявшее ее почти со всѣхъ сторонъ море. Тихо и ласково лепечутъ его воды, колыхаясь у мраморныхъ ступеней пристани. Лазурная, словно затканная золотыми искрами, ширь моря сливается въ туманной дали съ небосклономъ. Налѣво—Принцевы острова и далекія горы Виѳиніи, направо—Халкедонъ, цвѣтущіе берега Босфора и смѣло

выступившая впередъ, словно легкою дымкой одѣтая, Византія. Тамъ кипитъ жизнь; туда спѣшатъ скользящія по волнамъ лодки и живописныя парусныя суда, а здѣсь — тишь и спокойствіе; только вѣтерокъ вѣетъ съ моря, чуть слышно шепчутся волны съ листвой столѣтнихъ деревьевъ, да пестрыя бабочки порхаютъ надъ цвѣтами.

Склирена, вмѣстѣ съ императоромъ, покинувъ священный дворецъ, пріѣхала провести нѣсколько дней въ Гіеріи. Въ ихъ свитѣ находился и Глѣбъ, почти оправившійся отъ полученной имъ раны. Пользуясь лѣтнею свободой, они чаще могли встрѣчаться и бесѣдовать, но не на радость были имъ эти встрѣчи...

Зной спадалъ. Въ тѣни сада Гіеріи повѣяло прохладою и запахомъ моря.

Окончивъ дневныя занятія, Глѣбъ и Михаилъ Аліатъ сидѣли въ саду, когда мимо ихъ по дорогѣ прошла Склирена, въ сопровожденіи Евфиміи и двухъ рабынь. При видѣ ея, спаѳаріи встали и въ поясъ ей поклонились.

— Что съ нею?—спросилъ Аліатъ, когда прошедшія скрылись за поворотомъ пути.—Она съ каждымъ днемъ худѣетъ и блѣднѣетъ. Ты видѣлъ, какъ, точно двѣ молніи, сверкнули ея глаза? А какъ красиво это блѣдное, словно мраморное, лицо... Удивительно, что такая красота дана столь дурной женщинѣ.

— Отчего ты такъ про нее думаешь? — замѣтилъ Глѣбъ,—мнѣ кажется, она не дурная женщина.

— Она-то !? — горячо возразилъ Аліатъ. — Ты не былъ въ Константинополѣ 9-го марта прошлаго года, когда народъ возмутился противъ Склирены. Сколько было убитыхъ и раненыхъ изъ-за нея... Ты не слыхалъ объ ея блестящихъ пирахъ и безпутныхъ оргіяхъ, о цѣлыхъ рѣкахъ золота и драгоцѣнностей... А самое положеніе ея при дворѣ—вѣдь это позоръ... Нѣтъ, не будемъ говорить про это. Я былъ въ Студійскомъ монастырѣ, слышалъ тамъ проповѣди Никиты Стифата противъ Склирены; онъ хорошо говоритъ, Никита Стифатъ; его рѣчи дышатъ огнемъ... Мнѣ стало стыдно, что мы—Ромэи—терпимъ такое посрамленіе царскаго престола. Потомъ мнѣ пришлось быть въ провинціи, гдѣ нравы чище, чѣмъ здѣсь, и если бы ты только могъ послушать, какъ тамъ говорятъ про эту чаровницу...

— Не вѣрь всему, что говорятъ,— настойчиво продолжалъ Глѣбъ,—я знаю, она не дурная женщина!

— Я понимаю тебя,—отвѣтилъ Аліатъ,—ты не хочешь слышать дурное про Скрилену. Это благородно: она выкупила тебя изъ рабства, она возвратила тебѣ свободу...

— Свободу!..— съ горечью подхватилъ Глѣбъ.— Никогда ему не было такъ тяжело на чужбинѣ, какъ теперь. Когда, бывало, рабомъ еще, возвращаясь съ рыбной ловли, онъ засыпалъ мертвымъ сномъ, ему не оставалось времени грустить. А теперь, среди этой праздности, среди этой роскоши, онъ не спалъ ночей, и невольно думалъ о своей далекой отчизнѣ.

— Свобода!.. еще печальнѣе повторилъ онъ,— ка-

кая же это свобода, когда я даже уйти не могу; я связанъ волей Севасты, ея благодѣяніями...

Онъ замолкъ, грустно опустивъ голову.

— Знаешь,—осторожно началъ Аліатъ,— я давно хотѣлъ сказать тебѣ... Она теперь совершенно измѣнила образъ жизни: нѣтъ ни пировъ, ни прежней расточительности. Говорятъ, она все одна, сидитъ дома, читаетъ. Это не къ добру: она скучаетъ, она ищетъ новаго развлеченія. Ты строенъ и красивъ, ты лихой наѣздникъ и первый въ единоборствѣ; берегись, если вниманіе ея остановится на тебѣ... она опасная женщина.

— Какіе пустяки!—воскликнулъ Глѣбъ,—она такъ далека отъ насъ...

И онъ невольно смутился, вспомнивъ о разговорѣ на Сигмѣ, который казался ему страннымъ и непонятнымъ, который невольно мѣшался въ его памяти съ лихорадочнымъ бредомъ.

— Сегодня тебя превознесутъ почестями, осыплютъ золотомъ,— продолжалъ Аліатъ,— а завтра забудутъ, или, еще хуже, бросятъ въ темницу, гдѣ ты такъ и сгніешь... Прихоть безсердечной, избалованной женщины, игрушка—и ничего больше. Избѣгай ея и будь остороженъ,— прибавилъ онъ, вставая.

Оставшись одинъ, Глѣбъ задумчиво смотрѣлъ вдаль. Его сердили слова Аліата, и въ то же время онъ чувствовалъ, что въ нихъ есть правда. Аліатъ и не подозрѣвалъ, какъ близокъ къ истинѣ. Да... Она привыкла повелѣвать, играя сердцами и жизнью... И какъ Глѣбъ обманулся!? Тамъ на Принкипо — когда онъ

еще не зналъ — кто она, — какимъ глубокимъ и сердечнымъ показалось ему ея участіе; какъ горячо забилось сердце ему въ отвѣтъ... О, тогда онъ, не разсуждая, пошелъ бы за нее на всѣ жертвы; ни смерть, ни темница его бы не испугали... Но увы,— это все ему показалось, это было создано его мечтой, горячею жаждой сочувствія и ласки... безконечно далеко стоятъ они другъ отъ друга. Ея порывистыя вспышки страсти и гнѣва пугаютъ его, ей чуждо его горе, она ненавидитъ его отчизну, вдали отъ которой онъ не можетъ жить... Аліатъ говоритъ правду: Глѣбъ является лишь минутною забавой — игрушкой... Такъ нѣтъ же, онъ не попадется въ эту ловушку!.. Холодомъ и спокойствіемъ онъ съумѣетъ отклонить мимолетный капризъ ея...

Онъ всталъ съ мѣста и пошелъ по дорогѣ.

Солнце близилось къ закату; между деревьями сада виднѣлось море, и выступившій далеко впередъ полуостровъ Византіи съ его церквами и мраморными дворцами казался теперь розовымъ.

На поворотѣ дороги Склирена стояла одна и любовалась этимъ видомъ. За послѣдній мѣсяцъ она дѣйствительно сильно измѣнилась: лицо поблѣднѣло, взоръ сдѣлался грустнѣе, и глубокое, затаенное страданіе сказывалось порой въ общемъ выраженіи ея.

Услыша шаги, она оглянулась и сдѣлала спаѳарію знакъ подойти. Она знала, что, возвращаясь, онъ долженъ пройти мимо нея.

— Опять морщины, опять грусть на челѣ...— сказала она, — когда же наконецъ ты будешь веселѣе?

Она перевела взглядъ на далекій городъ, на гладь Мраморнаго моря и тихо прибавила:

— Посмотри вокругъ себя; неужели не хороша природа?

Онъ молчалъ. Да, эта природа прекрасна, какъ и сама Склирена, — но ему непонятна, ему чужда эта жгучая и знойная красота.

— Отчего ты не стараешься побороть свою тоску и развлечься? Когда я зову тебя къ себѣ и у меня пляшутъ рабы, ты не смотришь на нихъ; когда я пою и играю на лютнѣ, ты не слушаешь...

Онъ нетерпѣливо тряхнулъ плечомъ.

— Не могу я, какъ женщина, развлекаться пустыми забавами... Вотъ если бы война началась...

— О, ради Бога!.. — быстро произнесла она, — тебя могутъ ранить... убить...

Онъ поглядѣлъ на нее съ горькою усмѣшкой.

— Я твой рабъ, твой невольникъ... — съ отчаяніемъ выговорилъ онъ, — сдѣлай же изъ меня вторую Евфимію; засади за пряжу... заставь плести кружева...

Онъ не договорилъ и, съ досадой махнувъ рукой, пошелъ отъ нея по дорожкѣ.

Долго смотрѣла она ему вслѣдъ.

Все кончено! Онъ никогда не полюбитъ ее... Это ясно, какъ ясно то, что безъ этого не стоитъ жить, не стоитъ тянуть ежедневную пытку. Склирену измучили безсонныя ночи, полныя гнетущей тоски. Сколько она пережила, сколько перечувствовала въ безконечно длинные часы безсонницы, какими несбыточными грезами о взаимномъ и страстномъ чувствѣ дразнило ее

воображеніе, какъ жадно ждала она дня, зная, что онъ снова соединитъ ихъ для новыхъ грезъ счастія, для новой пытки... Чѣмъ ближе старалась она подойти къ Глѣбу, тѣмъ дальше, казалось, отодвигался онъ, точно какая-то бездна росла между ними.

А въ ней мучительно билось и трепетало одно безнадежное чувство, одна неотвязная мечта: заставить его полюбить ее и жить лишь ею, какъ она теперь живетъ только имъ.

Много разъ пыталась она заглушить въ себѣ это чувство, много разъ хотѣла побороть его силой разсудка; но, при первой встрѣчѣ съ Глѣбомъ, она снова чуяла что-то свѣжее и могучее въ его простыхъ, несложныхъ словахъ и вновь уступала чарующему обаянію его загадочной и чистой души.

Она считала свою красоту всевластною, она думала, что все въ мірѣ покорно ей. Она мечтала, что вдали отъ города, среди дивной природы Гіеріи вспыхнетъ наконецъ пламя, проснется дремлющее чувство...

Но нѣтъ... нѣтъ надежды! Отчужденіе и презрительное раздраженіе, а порой даже горькая иронія слышатся въ его рѣчахъ, какъ острый ножъ вонзающихся въ ея сердце...

Зачѣмъ же тянуть? Она должна помочь Глѣбу возвратиться на родину... вѣдь она затѣмъ и купила его. Пусть онъ благословитъ ее вернувшись къ себѣ, пусть хоть онъ будетъ счастливъ...

И сердце Склирены сжималось съ болью: отпустить его... знать, что ни сегодня, ни завтра — никогда больше она не увидитъ его... А кругомъ опять то же — тѣ же

интриги и погоня за милостями и почестями, тѣ же пиры и шумныя оргіи, которыя теперь чѣмъ-то чудовищнымъ кажутся ей, знающей иное чувство, иную жизнь... Нѣтъ, нѣтъ... Возвращеніе къ прежнему—немыслимо, разлука невозможна,—это смерть. Холодное отчаяніе леденитъ ея душу, высоко и неровно поднимается грудь.

Смерть... вотъ здѣсь и море близко; одно движеніе, одно мгновеніе борьбы съ жизнью,—и вѣчный, непробудный покой въ лазурной глубинѣ... покой... ни мукъ, ни отчаянія...

И, ухватясь за искривленный и перекрученный стволъ старой оливы, свѣсившейся надъ моремъ, Склирена робко заглядывала въ темнѣющую глубину...

День погасалъ, и дымкой тумана закутывался отдаленный городъ, и гладь Пропонтиды дышала прохладой, и чуть слышно трепетали серебристые листья оливы...

VIII.

> И звукъ его пѣсни въ душѣ
> молодой
> Остался безъ словъ, но живой.
>
> М. Ю. Лермонтовъ.

Когда Склирена, съ помощью Евфиміи, возвратилась къ себѣ, силы покинули ее. Евфимія почти донесла ее до ложа и тщетно старалась заставить ее проглотить воды. Судорожно сжавъ губы, безсильно опустивъ вѣки, блѣднѣе мертвеца лежала она.

— Кончено... все кончено!..—прошептала Склирена, когда сознаніе наконецъ вернулось къ ней, благодаря стараніямъ вѣрной служанки.

— Госпожа моя, солнце мое, что съ тобою? Я вижу, что ты страдаешь... съ искреннимъ участіемъ спросила ее Евфимія.

Страстнымъ, порывистымъ движеніемъ бросилась Склирена на шею доброй дѣвушки и разразилась рыданіями.

— Онъ не любитъ меня... не любитъ!..—повторяла она, рыдая.

— Кто смѣетъ не любить тебя?—утѣшала ее служанка,—тебя, нашу первую красавицу, нашу августѣйшую госпожу? Скажи одно слово, прикажи,—и все будетъ по твоему.

— Знаю...—отвѣчала Склирена,—но я не хочу такой любви. Мнѣ надо, чтобы онъ самъ полюбилъ меня...

И, стараясь заглушить рыданія, она приникнула къ подушкѣ своего ложа. Долго молчали обѣ женщины.

— Знаешь,—сказала наконецъ служанка,—я еще недавно слышала объ одномъ старикѣ, обладающемъ чудесною силой. Онъ видитъ насквозь всякое сердце, ему знакомы тайны природы.

Склирена съ любопытствомъ подняла голову и, облокотясь на подушку, слушала Евфимію.

— Много дѣвушекъ и влюбленныхъ обращаются къ нему: онъ обладаетъ тайной удивительныхъ чаръ... онъ умѣетъ привораживать сердца.

Склирена утерла слезы.

— И ты знаешь, гдѣ онъ живетъ? Ты можешь послать за нимъ?—торопливо спросила она.

— Я знаю, гдѣ онъ живетъ, но посылать за нимъ не къ чему: онъ все равно не явится. Онъ никуда не пойдетъ.

— Даже во дворецъ?

— Никуда,—рѣшительно подтвердила Евфимія.

— Ахъ, Боже мой! такъ стало быть нельзя его видѣть?

— Можно пойти къ нему.

Склирена помолчала немного.

— Кто же онъ такой?

— Никто не знаетъ. Онъ появился, говорятъ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ и поселился въ землянкѣ, среди виноградниковъ, далеко за Халкедономъ, почти у подножія вонъ той горы. Никто не знаетъ, кто онъ, изъ какого народа, какой вѣры...

— Евфимія, я хочу его видѣть.

Служанка задумалась.

— Это нелегко устроить: старика можно застать лишь вечеромъ; днемъ онъ уходитъ въ городъ,—замѣтила она.

— Устрой это,—просила Склирена, утирая слезы;—прошу тебя, устрой это поскорѣе... пойдемъ къ нему завтра же.

И онѣ вдвоемъ принялись обсуждать весь планъ этого смѣлаго предпріятія.

Въ Азіи, за Халкедономъ, до самаго подножія небольшаго хребта горъ, тянется холмистая мѣстность, покрытая садами и виноградниками. Бѣлые домики мелькаютъ посреди зелени, большая мощеная дорога изъ Халкедона въ Никомидію извивается между садами.

Заря догорала на западѣ и ночь надвигалась, когда Склирена съ Херимономъ и Евфиміей торопливо шли по этой дорогѣ. Самыя простыя, бѣдныя одежды были надѣты на пѣшеходахъ, въ рукахъ они держали посохи.

Далеко уже отошли они отъ Гіеріи, и уставшей

Склирен не привычно и страшно было идти въ сумерки незнакомою дорогой, мимо однообразныхъ стѣнъ виноградниковъ и пустынныхъ полей, но она бодро шагала впередъ по крупнымъ камнямъ, которыми мощена была дорога; ей казалось, что тамъ, впереди, ее ожидаетъ облегченіе...

Съ приближеніемъ ночи имъ все рѣже попадались встрѣчные; Склиренѣ представлялось страннымъ, что они не кланяются ей въ поясъ, а, какъ съ равными, обмѣниваются обычнымъ привѣтствіемъ. Она со страхомъ вглядывалась въ лица прохожихъ, и сердце ея тревожно билось въ опасеніи недоброй встрѣчи.

Яркія румяныя краски заката уже померкли на вершинахъ горъ; потухли вспыхнувшія было багрянцемъ облака; все сливалось въ тусклыхъ сѣрыхъ тонахъ. Сумерки сгущались, и невольный страхъ все сильнѣе и сильнѣе охватывалъ Склирену. Зашуршавъ въ травѣ, переползла ей дорогу змѣя, разбуженная ихъ приближеніемъ, и съ ужасомъ смотрѣла путница на торопливые извивы ускользнувшей въ траву гадины. Въ темномъ кустѣ лавра, около самой дороги, вдругъ зашевелился кто-то, и, вся похолодѣвъ, Склирена въ испугѣ схватила Херимона за руку. Огромная сова вылетѣла изъ зелени на ночную охоту.

Но вотъ впереди послышались тяжелые мѣрные шаги и позвякиваніе колокольчиковъ, какая-то чудовищная, гигантская тѣнь мелькнула на поворотѣ пути... Склирена хотѣла бѣжать назадъ, но ноги ея не слушались; она прижалась къ стѣнѣ и широко раскрытыми глазами, недоумѣвая, смотрѣла на цѣлый рядъ

такихъ же гигантскихъ, чудовищныхъ тѣней. Караванъ тяжело нагруженныхъ верблюдовъ, медленно колыхаясь, поднимая пыль, проходилъ передъ ними. Какъ звенья длинной таинственной цѣпи, мелькали одно за другимъ страннаго вида животныя, веревками привязанныя другъ къ другу и къ шедшему впереди ихъ ослу. Безмолвно покачиваясь на своихъ сѣдлахъ, дремали усталые погонщики, и, въ сумеркахъ, среди засыпающихъ полей, весь караванъ казался созданіемъ больнаго воображенія.

У агіазмы — небольшой часовни надъ освященнымъ источникомъ, гдѣ теплилась денно и нощно зажженная благочестивою рукой лампада, пѣшеходы свернули на боковую тропинку и, между двумя виноградниками, начали спускаться въ лощину. Сыростью и запахомъ травы пахнуло имъ на встрѣчу.

Тамъ, подъ огромнымъ, развѣсистымъ платаномъ, бѣлѣла каменная лачуга. У входа, озаренный послѣднимъ мерцаніемъ дня, сидѣлъ сѣдобородый старикъ въ бѣломъ одѣяніи.

— Вотъ онъ...—онъ дома,—прошептала Евфимія.

— Мы посидимъ здѣсь, Севаста,—сказалъ Хеpимонъ,—ты одна должна подойти къ нему. Если мы тебѣ понадобимся — позови.

Склирена остановилась въ нерѣшимости.

— Мнѣ страшно,—чуть слышно прошептала она, и дрожь пробѣжала по ея спинѣ.

— Неужели же, не поговоривъ съ нимъ, вернуться домой! воскликнула Евфимія.

Домой! это значитъ возвратиться къ безпросвѣт-

ному горю, къ ежедневнымъ страданіямъ... У Склирены нѣтъ болѣе силъ... она бодро шла сюда лишь потому, что ей свѣтилась смутная надежда...

— Я пойду къ нему, — рѣшительно сказала она и двинулась впередъ.

Въ одно мгновеніе прошла она сотню шаговъ, отдѣлявшую ее отъ лачуги. Старикъ поднялъ голову и спокойно смотрѣлъ на приближавшуюся къ нему женщину.

— Что тебѣ надо? — тихимъ голосомъ спросилъ онъ.

— Я хочу говорить съ тобой.

Онъ указалъ ей мѣсто рядомъ съ собой на скамьѣ. Она сѣла, и, странно, первый звукъ его ласковаго старческаго голоса придалъ ей смѣлости. Она старалась разглядѣть въ сумеркахъ его изрытое морщинами лицо, сѣдую бороду и шапку густыхъ бѣлыхъ волосъ. И этотъ голосъ, и это лицо казались ей знакомыми; она старалась припомнить, гдѣ встрѣчалась она съ нимъ... Она внезапно вспомнила приснившагося ей на Принкипо старца, и въ ея душѣ вдругъ создалось убѣжденіе, что его же видитъ она на яву.

— Старикъ, — смѣло начала она, — я слышала, что ты знаешь сердца людскія, что тебѣ вѣдомы сокровенныя тайны природы... Помоги моему горю — я осыплю тебя золотомъ, малѣйшее твое желаніе будетъ исполнено.

Старецъ погладилъ свою сѣдую бороду.

— Должно быть, у тебя много власти и много золота, хотя ты и въ простой одеждѣ. Но я не ищу ни того, ни другаго... Мнѣ не надо награды, но, если возможно, я помогу тебѣ. Какое же у тебя горе?

Слезы сверкнули на глазахъ ея. Она опустилась на траву, почти у ногъ старика, и закрыла лицо руками.

— Я люблю одного человѣка, — начала она; — онъ чужеземецъ... Онъ молодъ; у него едва начинаетъ пробиваться борода. Всѣмъ надѣлила его судьба: прямой и открытый нравъ, красота, ростъ, сила... Онъ сложенъ какъ Аполлонъ... на конѣ сидитъ, точно прикованный къ нему... въ опасности онъ впереди всѣхъ...

Рыданія прервали слова ея. Старецъ нагнулся къ ней, какъ къ ребенку, и взялъ, утѣшая, за руку.

— Онъ не любитъ меня!..— сквозь слезы продолжала она, — малѣйшій оттѣнокъ любви въ моихъ рѣчахъ пугаетъ его... Онъ избѣгаетъ встрѣчъ... Когда я пою ему и играю на лютнѣ — онъ не слушаетъ... Еслибъ онъ любилъ другую — я знала бы по крайней мѣрѣ, кто мѣшаетъ моему счастію, и съумѣла бы обойтись съ нею... но онъ никого не любитъ. Онъ въ моей власти, я могу его убить, заключить въ темницу; но я хочу, чтобъ онъ душой принадлежалъ мнѣ, чтобъ мною были полны мысли его, чтобъ онъ думалъ обо мнѣ и днемъ и ночью, чтобъ безъ меня ему не было жизни, какъ мнѣ безъ него...

Медленно кивая головой, старикъ слушалъ ея страстныя рѣчи. Кругомъ стояла тишина; только далеко въ поляхъ однообразно и грустно кричала какая-то птица. Въ потемнѣвшемъ небѣ загорались звѣзды, воздухъ полонъ былъ ароматомъ полевыхъ травъ, и вся эта душная ночь, не остывшая еще отъ дневного зноя, казалось, прислушивалась къ словамъ Склирены.

*

Долго молчалъ старикъ, выслушавъ ея исповѣдь.

— Я знаю средство помочь тебѣ, — сказалъ онъ наконецъ, — слушай и рѣши, согласна ли ты. Я могу надѣлить тебя дивнымъ даромъ. Ты умѣешь пѣть и играть на лютнѣ; необыкновенную силу придамъ я твоимъ пѣснямъ, чуденъ сдѣлается звукъ твоей лютни, но особенно звонка и пѣвуча станетъ главная, тонкая струна ея. Все страданіе твоего сердца перейдетъ въ звуки; каждый разъ, когда ты забудешь о себѣ для него, когда ты всю жизнь свою готова будешь разбить для его минутнаго счастія — пѣснь твоя получитъ чудесную силу и страшное могущество. Врядъ ли что устоитъ передъ такою пѣсней. Но чудная связь установится между тобою и лютней, всѣ волненія твоего сердца будутъ дрожать на ея струнахъ; каждый разъ послѣ вдохновенно-могучей пѣсни будетъ рваться тонкая струна, и, когда она оборвется въ третій разъ, съ нею вмѣстѣ оборвется и жизнь твоя... Вся твоя сила, все твое чувство уйдетъ въ эти пѣсни, и если только эта сила можетъ покорить его, то въ концѣ концовъ онъ будетъ твой, — беззавѣтно, безъ малѣйшей тѣни сомнѣній... но за то ты умрешь, потому что я вложу въ эту лютню твою душу...

Склирена вздрогнула; страхъ снова охватилъ ее. Она такъ боялась смерти... Старикъ замѣтилъ это.

— Не бойся, дитя мое, — сказалъ онъ ей, — вѣдь если ты не хочешь, то и не надо. Но другаго средства помочь твоему горю у меня нѣтъ. Знай, что въ мірѣ не существуетъ силы могучѣе звона послѣдней струны, передъ тѣмъ, какъ она обрывается вмѣстѣ съ

жизнью... больше своей жизни, больше своей души человѣкъ не можетъ дать...

Руки Склирены были холодны, какъ ледъ; голова горѣла, мысли путались... Она сдѣлала движеніе...

— Старикъ, не говори такъ, — съ мольбой сказала она, — мнѣ страшно... я боюсь смерти...

— Погоди, — кротко отвѣтилъ онъ, — я съиграю тебѣ.

И онъ взялъ лютню, которая лежала около него. Смѣло ударилъ онъ по струнамъ и запѣлъ. Онъ словно вдругъ помолодѣлъ; голосъ у него внезапно сталъ болѣе звонкимъ, и, казалось даже, пламенемъ жизни загорѣлись его старческія очи. Пѣлъ онъ на какомъ-то незнакомомъ языкѣ, и, съ первыхъ же звуковъ его пѣсни, Склирена довѣрчиво повернулась къ нему, и страхъ ея пропалъ безслѣдно. Она не понимала словъ, но эти звуки проникали въ ея душу и были ей понятнѣе всякихъ словъ. Легко и спокойно сдѣлалось вдругъ на душѣ ея. Чудилось ей, что въ свѣтлые годы дѣтства она уже видѣла и полюбила этого старика; она давно знаетъ, ей всегда слышалась, — она не могла только вспомнить и вложить въ звуки эту дивную пѣсню, которая тихо и торжественно льется во мракѣ теплой лѣтней ночи по уснувшимъ полямъ въ далекое, недосягаемое звѣздное небо.

Съ тихою радостью, съ тихою грустью встаютъ передъ Склиреной умчавшіеся счастливые дни дѣтства, — и ей не жаль ихъ, ей такъ легко и отрадно...

Словно издали прозвучалъ знакомый, любимый голосъ; милый образъ, казалось, склонялся надъ нею во мракѣ; сильнѣе и сильнѣе разгораясь, забилось

сердце... Она знаетъ, для кого оно бьется, чьимъ дыханіемъ дышетъ ночной вѣтерокъ, чьи очи горятъ далекими звѣздами, кѣмъ живетъ эта безмолвная ночь... И внезапно, съ необычайною силой проснулась въ ней надежда на счастіе, готовность отдать всю жизнь за мгновеніе...

Онъ смолкъ, склонясь надъ лютней. Зачарованная сидѣла Склирена, и звуки умолкнувшей пѣсни еще дрожали въ ея ушахъ...

— Какъ хорошо! — прошептала она наконецъ, — никогда никто не слыхалъ такого пѣнія.

— Ты могла бы пѣть такъ же, — замѣтилъ онъ.

Въ душѣ ея снова закипѣли надежды на счастіе, и снова холодная, леденящая мысль о смерти, какъ страшный призракъ, встала передъ ней.

— Ты не можешь рѣшиться, — сказалъ ей старикъ, — и я понимаю твою борьбу. Не легко отказаться отъ себя самой... но ты рѣшишься, ты поймешь, что иначе не стòитъ жить. И вотъ тогда, когда за недолгое счастіе тебѣ не жаль будетъ отдать всю свою жизнь, выйди подъ эти вѣчныя звѣзды, нѣмыя свидѣтельницы нашего разговора, взгляни на далекое небо и скажи: «Я рѣшилась!..» и мой духъ прилетитъ невидимый, легкій, какъ дуновеніе вѣтерка, — и я возьму твою душу и вселю ее въ лютню, и лютня оживетъ, и чудная сила окажется въ ней...

Молча встала Склирена, молча простилась она со старикомъ. Раздумье свѣтилось въ ея глазахъ, и во время долгаго обратнаго пути напрасно старалась разгадать Евфимія мысли своей госпожи.

XI.

Но покой и просторъ ты готова отдать
За безмѣрное счастье мгновенья...

Кн. Э. Э. Ухтомскій.

Уже звѣзды загорались на небѣ, когда придворные расходились отъ вечерней трапезы. На пути къ своему помѣщенію Глѣбъ встрѣтился съ Евфиміей.

— Куда ты спѣшишь, спаѳарій?—спросила его дѣвушка.

— Домой, красавица; пора спать,—отвѣтилъ онъ.

— Спать...—презрительно протянула она,—смотри, какая ночь звѣздная... какъ хорошо должно быть теперь въ саду...

— Да,—промолвилъ онъ,—особенно, если пойти гулять съ тобой.

— Перестань,—вполголоса шепнула ему Евфимія,—ты могъ бы выбрать кого-нибудь покрасивѣе меня и поважнѣе...

Лицо Глѣба вдругъ сдѣлалось серьезнымъ.

— Тебя послали поговорить со мною?—измѣнившимся голосомъ произнесъ онъ, и горькая усмѣшка мелькнула на его устахъ.

Евфимія испугалась.

— Какъ можно,—горячо возразила она,—никто не посылалъ меня и, клянусь тебѣ, никто не знаетъ, что я говорю съ тобою. Я сама хочу добра тебѣ, спаѳарій; подумай: почести, богатство, все доступно тебѣ.

Глѣбъ покраснѣлъ.

— Предлагай все это своимъ соотечественникамъ,—гордо сказалъ онъ.

Она замолчала въ смущеніи.

— У тебя нѣтъ сердца, чужеземецъ,—робко вымолвила она наконецъ,—тебѣ уже показали такъ много участія...

Онъ попытался смягчить рѣзкость своихъ словъ.

— Я благодаренъ... я никогда не забуду... Если ей нужна моя жизнь—пускай беретъ. Но лгать и притворяться я не буду.

— Да пойми же,—воскликнула она,—вѣдь тебя любятъ, страдаютъ...

— Ахъ, перестань,—съ отчаяніемъ возразилъ онъ;—развѣ это любовь? ей чуждо и враждебно все, что мнѣ дорого... Любитъ?!. Она—августѣйшая госпожа, я—вчерашній рабъ!.. что общаго?!.

И онъ, взволнованный, пошелъ къ себѣ, а Евфимія съ недоумѣніемъ смотрѣла ему вслѣдъ.

Когда, черезъ два дня, гуляя подъ вечеръ по саду Гіеріи, Глѣбъ встрѣтилъ Склирену, онъ съ перваго взгляда понялъ, что она намѣрена говорить съ нимъ. Дѣйствительно, сдѣлавъ слѣдовавшимъ за нею слу-

жанкамъ знакъ остановиться, она одна подошла къ спаѳарію. На ея блѣдномъ лицѣ горѣли черные глаза, и глубокую рѣшимость выражали ея черты.

— Знаешь, — сказала она, — нашъ царствующій домъ скоро породнится съ вашими князьями. Императоръ хлопочетъ о сватовствѣ царевны (своей дочери отъ перваго брака) съ русскимъ княземъ Всеволодомъ Ярославичемъ. Скоро въ Кіевъ отправляется посольство, и я хочу чтобы ты ѣхалъ тоже. Это тебѣ случай вернуться на родину.

Склирена сказала все это ясно и отчетливо и даже имѣла силы улыбнуться, но глубоко страдальческое выраженіе промелькнуло въ этой улыбкѣ.

Глѣбъ стоялъ, пораженный, какъ громомъ, и съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на нее. Онъ боялся повѣрить неожиданному счастію; ему казалось, что онъ во снѣ слышитъ эти слова.

— Ты отпускаешь меня домой?—робко спросилъ онъ наконецъ, и все лицо его вспыхнуло.

— Да, я вижу, что ты грустишь по отчизнѣ, и хочу помочь тебѣ уѣхать, если ты пожелаешь...

Радость, безпредѣльная радость, охватила его.

— О, августѣйшая!..— могъ только выговорить онъ, падая передъ нею на колѣни и горячо цѣлуя край ея одежды.

А надъ нимъ склонялось ея блѣдное лицо съ горящими глазами, и невыразимая мука свѣтилась во взорѣ, словно его торжествующая радость была для нея новою, смертельною раной...

Она подозвала служанокъ и продолжала свой путь

ко дворцу, а онъ все еще стоялъ, счастливый и взволнованный, на томъ же мѣстѣ.

Глѣбъ былъ глубоко счастливъ. Онъ забрелъ въ самый глухой уголъ сада Гіеріи, усѣлся среди кустовъ на берегу моря и долго сидѣлъ въ безмолвномъ созерцаніи, въ какомъ-то счастливомъ забытьѣ. Душа его, полная восторгомъ, упивалась ширью и безконечнымъ просторомъ моря. Все казалось ему радостнымъ, сіяющимъ...

Знакомый голосъ Евфиміи вывелъ его изъ задумчивости. Не видя Глѣба, скрытаго густою зеленью, она, остановясь на дорогѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, разговаривала съ другою служанкой.

Глѣбъ невольно прислушался.

— Я теряю голову, я не знаю, что мнѣ дѣлать...— говорила Евфимія.

— Увѣряю тебя, Евфимія,—сказала другая служанка,—все, что ты мнѣ довѣришь, умретъ со мною... Но только скажи мнѣ: правда ли, что причиной всего этого спаѳарій Глѣбъ, какъ это говорятъ во дворцѣ?

— Кто говоритъ?—строго спросила Евфимія.

— Всѣ... всѣ видѣли, какъ Севаста то краснѣетъ, то блѣднѣетъ при встрѣчахъ съ нимъ... А онъ, этотъ безсердечный варваръ, который всѣмъ ей обязанъ, такъ холодно, такъ небрежно отвѣчаетъ на ея милостивыя слова.

— Удивляетъ меня,—съ раздраженіемъ проговорила Евфимія,— что всѣхъ во дворнѣ такъ интере-

суютъ чужія дѣла... Какое намъ дѣло — даже намъ, ея ближайшимъ служанкамъ—тотъ ли это, или другой... Мы видимъ и знаемъ одно—что наша госпожа несчастна. Посуди сама, развѣ это похоже на ея прежнія прихоти и увлеченія? Она не спитъ ночей, она измучилась. У меня болитъ душа, когда я думаю о ней. Вотъ и теперь, я ушла на короткій срокъ, а меня безпокоитъ, не случилось бы съ ней чего...

— Что же можетъ случиться?

— Мало ли что... Опять обморокъ, или, сохрани Боже, даже сказать страшно, рукъ бы на себя не наложила. Если бы ты видѣла, какіе порывы отчаянія на нее находятъ... Выпьетъ яду или бросится въ море...

— О, Панагія!.. Избави ее Богъ, — воскликнула служанка, и искреннее сочувствіе прозвучало въ ея голосѣ,—спаси Богъ нашу хорошую, добрую госпожу...

— Я вижу, что ты любишь Севасту, — продолжала Евфимія,—да и можетъ ли быть иначе: она ко всѣмъ намъ такъ добра и милостива... Пускай другіе упрекаютъ ее въ гордости, въ роскоши и расточительности, — мы съ тобой знаемъ, что она не забываетъ бѣдныхъ; знаемъ, сколькимъ она помогла, сколь многіе благословляютъ ея имя... Ну, да все равно... Вотъ что я хотѣла тебѣ сказать: мы должны помочь дѣлу. Я вчера уже ходила къ тому извѣстному старику, который, знаешь, живетъ близъ Никомидійской дороги. Онъ понимаетъ сердечныя дѣла, и я хотѣла посовѣтоваться съ нимъ, просить его снять эти чары, отогнать навожденіе. Но, представь, старикъ куда-то скрылся, лачуга его покинута... Тогда я рѣшила по-

говорить съ тобой откровенно и просить тебя съѣздить къ колдуньѣ, что живетъ на Ксеролофѣ. Не называй ей никого, скажи просто, что госпожа твоя безотвѣтно любитъ кого-то и умираетъ отъ этой любви; скажи ей, что мы боимся, какъ бы она рукъ на себя не наложила... спроси совѣта, возьми у нея нашептанной воды... только, чтобы никто не зналъ, чтобы это не дошло до Севасты...

Разговаривавшія, видимо, пошли по дорогѣ; голоса удалялись, и далѣе слова уже трудно было разслышать.

Какъ громомъ пораженный, сидѣлъ Глѣбъ. Онъ слышалъ все, до послѣдняго слова, и едва вѣрилъ своимъ ушамъ. Сразу померкло его радужное настроеніе, словно повязка упала съ его глазъ. Онъ только теперь понялъ, что чувство къ нему не было минутною прихотью; онъ понялъ, что причинялъ глубокое страданіе своей благодѣтельницѣ... Волна смутныхъ, неясныхъ ему самому чувствъ поднялась въ его душѣ. Сжавъ себѣ голову обѣими руками, онъ легъ на траву и долго, долго оставался неподвижнымъ...

Черезъ нѣсколько дней обитатели Гіеріи возвратились въ городъ, въ священный дворецъ, и Мономахъ зашелъ однажды въ Жемчужину. Склирена въ глубокой задумчивости сидѣла у окна своей опочивальни.

— О чемъ грустишь ты?—заботливо спросилъ ее императоръ, вглядываясь въ ея безучастное лицо,—здорова ли ты?

— Я здорова,—проговорила она, но звукъ ея голоса и погасшій взоръ не соотвѣтствовали словамъ.

Константинъ сѣлъ около нея и взялъ ее за руку.

— Отчего же у тебя такой задумчивый видъ? Зачѣмъ блѣдно твое лицо? О чемъ ты думаешь постоянно?

— Я смотрѣла на море, на Принцевы острова... и жалѣла, что весной не осталась тамъ навсегда. Мнѣ невыносимо жить. Меня преслѣдуютъ грезы: меня душатъ всѣ воспоминанія прошлаго и всѣ несбывшіяся мечты о земномъ счастіи. Я не могу спать... мой умъ мутится...

Она остановилась.

«Зачѣмъ говорить!?»—подумалось ей.

— Это навожденіе, — серьезно сказалъ царь, — призови ворожею, спроси астрологовъ о расположеніи звѣздъ. Ты не должна оставаться одна. Отчего, напримѣръ, въ Жемчужинѣ такъ давно не было пировъ?

— Меня утомляютъ пиры,—быстро отвѣтила она, и яркая краска залила ея лицо.

— Я сегодня ѣду на охоту въ лѣса надъ водопроводами,—продолжалъ императоръ,—хочешь ѣхать со мною? Тамъ разобьютъ палатки; пока я стану охотиться, ты будешь въ лѣсу, на чистомъ воздухѣ. Проведемъ ночь въ палаткахъ и завтра къ вечеру возвратимся.

— Хорошо,—равнодушно отвѣтила она,—я поѣду.

Весь слѣдующій день Склирена провела въ лѣсу. На полянѣ, среди деревьевъ разбиты были палатки. День стоялъ знойный; пчелы жужжали надъ цвѣтами;

чириканіе птицъ, трескъ кузнечиковъ — немолчнымъ гамомъ неслись изъ лѣсу.

Безучастно сидѣла Склирена въ тѣни большаго дерева; потухшій взоръ ея былъ устремленъ вдаль, безчисленные лѣсные голоса лишь тупою болью отдавались въ ея сердцѣ; въ немъ было холодно и темно... Но порой вдругъ просыпались отрывки какихъ-то мыслей и грезъ, лихорадочнымъ блескомъ загорались глаза, блѣдное лицо вспыхивало. Въ жару откидывала она на подушки пылающую голову и уносилась туда, гдѣ бредъ мѣшается съ дѣйствительностью...

Царь и его свита возвратились съ охоты послѣ заката. Ужинъ приготовленъ былъ подъ открытымъ небомъ, пламя костровъ трепетно освѣщало ужинающихъ. Склиренѣ нездоровилось, и ранѣе окончанія ужина она удалилась въ свою палатку. Увѣшанная коврами, освѣщенная таинственнымъ свѣтильникомъ, палатка ея стояла ближе другихъ къ опушкѣ лѣса.

Евфимія помогла ей раздѣться, потушила огонь и сама легла на коврѣ близъ входа.

Среди мрака Склирена прислушивалась къ голосамъ кончавшихъ ужинъ охотниковъ. Гдѣ-то невдалекѣ назойливо трещалъ кузнечикъ. Ей не спалось; въ душной палаткѣ, на жаркомъ коврѣ, ворочаясь съ боку на бокъ, она слышала, какъ разошлись охотники, какъ мало по малу замолкли голоса. Время отъ времени раздавался лишь окликъ стражей, да безсонный кузнечикъ продолжалъ свою однообразную пѣсню. Мысли Склирены безпокойно блуждали, бросаясь отъ одного предмета къ другому. Она старалась забыть

все, чѣмъ болѣло ея сердце, и въ то же время чувствовала, что роковыя мысли подходятъ все ближе, неизбѣжныя—какъ судьба...

Лицо ея пылало, сердце билось сильно и неровно; она задыхалась въ духотѣ палатки, низкій потолокъ давилъ ее. Слышалось мѣрное дыханіе уснувшей Евфиміи.

«Онъ скоро уѣдетъ!..» пронеслось вдругъ въ головѣ Склирены, и вихремъ закружились ея мысли. Недѣля—другая этой пытки, этихъ холодныхъ, мимолетныхъ встрѣчъ,—а потомъ разлука... Ледянымъ холодомъ охватывало ее это послѣднее слово: разлука... конецъ, конецъ всему... Стоило ли жить, стоило ли думать, чувствовать, когда такъ близокъ роковой конецъ? Неужели же только обманомъ былъ призракъ счастія, который яркою звѣздой горѣлъ всегда впереди? Грядущее безпросвѣтно темно,—ни жизни, ни надеждъ... О, если бы оно сулило хотя бы одно мгновеніе истиннаго счастія, яркаго и знойнаго, какъ южное солнце... Все, все стóитъ отдать за одинъ такой мигъ...

Неожиданная рѣшимость овладѣла ею. Съ лихорадочною дрожью сѣла она на своемъ ложѣ, невѣрною рукой ища въ темнотѣ свой гиматій. Она ничего не видѣла, ничего не слышала... она чувствовала лишь, что задыхается, что ее неудержимо влечетъ выйти изъ шатра подъ звѣздное небо...

Завернувшись въ гиматій, она неслышно скользнула мимо спящей Евфиміи и раздвинула занавѣсы палатки.

Полный мѣсяцъ стоялъ надъ лѣсомъ, и рѣзкія причудливыя тѣни бросали деревья. Невдалекѣ вспыхивали и замирали, трепеща голубымъ пламенемъ, погасающіе костры. Склирена прямо пошла къ лѣсу. Часовой окликнулъ ее.

— Кто идетъ?

Она остановилась.

— Развѣ ты не знаешь меня?—спросила она.

Онъ подошелъ ближе.

— Прости меня, августѣйшая, я не подумалъ, что это ты.

Она вошла въ лѣсъ. Чѣмъ-то сказочнымъ казался онъ—безмолвный и таинственный—въ яркомъ мѣсячномъ сіяніи, въ безконечныхъ переливахъ свѣта и тѣни. Роса, какъ алмазы, дрожала на травѣ: сыростью ночи вѣяло подъ пологомъ листвы; золотыя мушки-свѣтляки, какъ яркія звѣздочки, порхали въ темнотѣ.

Быстро, не оглядываясь, шла впередъ Склирена. Голова ея горѣла, вся она дрожала мелкою, лихорадочною дрожью. Она шла по тропинкѣ; безконечною чередой, одно за другимъ тянулись великаны-деревья; сучья трещали подъ ея ногами. Она сама не знала, куда она направляется и далеко ли отошла отъ палатокъ.

Вотъ передъ нею открылась лѣсная поляна, и путница невольно остановилась посреди нея. Взоръ ея поднялся кверху. Въ рамѣ изъ темныхъ узорчатыхъ вѣтвей деревьевъ, надъ головой ея, какъ огромный шатеръ, синѣло усыпанное ярко горящими звѣздами ночное небо. Оно искрилось, оно трепетало, оно жило...

Склирена вдругъ почувствовала, что странная связь родилась между нею и этимъ живымъ куполомъ: она вспомнила, зачѣмъ она шла сюда...

— Я рѣшилась, — смѣло сказала она, поднимая обѣ руки къ вѣчнымъ звѣздамъ,—я не боюсь смерти. Я хочу, чтобы душа моя перешла въ лютню...

Голова ея закружилась, и яркія звѣзды запрыгали передъ глазами. Ей показалось, что призракъ сѣдаго старца выросъ предъ нею въ лунномъ сіяніи. Словно зазвенѣли какія-то таинственныя струны, раздалось вдали дивное пѣніе... все дальше и дальше навстрѣчу этимъ звукамъ летѣла душа Склирены въ лучезарную, невѣдомую даль...

Проснувшись ночью, Евфимія увидѣла, что занавѣсъ палатки откинутъ, и лунный свѣтъ озаряетъ опустѣвшее ложе Склирены. Испуганная служанка разбудила людей, и всѣ бросились искать пропавшую.

Лишь на зарѣ нашли ее далеко въ лѣсу; она лежала на травѣ, посреди лѣсной поляны, въ лихорадочномъ бреду, въ безсознательномъ состояніи...

X.

Что въ ней, въ этой пѣсни?... что зоветъ, и рыдаетъ, и хватаетъ за сердце?..

Н. В. Гоголь («Мертвыя души». Гл. XI).

Послѣ нѣсколькихъ дней болѣзни, едва начавъ поправляться, Склирена велѣла принести себѣ лютню. Бережно взяла она инструментъ въ руки и сдѣлала служанкамъ знакъ, чтобы онѣ вышли вонъ.

Оставшись одна, она со страхомъ глядѣла на лютню, которая, повидимому, ничуть не измѣнилась. Склирена робко прижалась къ ней ухомъ и невольно вздрогнула; струны дрожали и тихо звенѣли... Она взяла нѣсколько аккордовъ, и кровь ея оледенѣла отъ ужаса: въ ея рукахъ, вмѣсто бездушнаго инструмента, было что-то живое, что-то трепещущее... Невыразимымъ страданіемъ и болью звенѣли струны.

Евфимія вошла въ комнату.

— Госпожа,—умоляющимъ голосомъ сказала она,—оставь лютню; эти стоны рвутъ душу.

Но Склирена и не хотѣла играть. Она послушно

отдала лютню служанкѣ, и улыбка торжества мелькнула на ея лицѣ: она знала теперь свою силу...

Однажды послѣ полудня Глѣба позвали въ Жемчужину. Склирена чувствовала себя лучше, но лицо ея было еще блѣдно.

Она подняла отъ своей работы взглядъ на вошедшаго, слегка кивнула головой въ отвѣтъ на его низкій поклонъ и снова углубилась въ свое занятіе. Глѣбъ прошелъ въ уголъ комнаты и заговорилъ тамъ съ Херимономъ.

Стоялъ знойный лѣтній день, но въ раскрытыя окна Жемчужины вѣяло прохладой съ моря. Съ различными работами въ рукахъ сидѣли придворныя дамы; рабы и евнухи, скрестивъ на груди руки, неподвижно стояли, прислонясь къ колоннамъ. Склирена была на другомъ концѣ комнаты; она вышивала золотомъ по шелку. Нѣсколько рабынь сидѣло на полу вокругъ кресла, стараясь предупредить всякое ея желаніе, поймать каждое движеніе. Одна, сидящая у самыхъ ногъ своей госпожи, подавала ей золотыя нити; другая — черная какъ ночь, арапка, со сверкающими бѣлками глазъ — обмахивала ее опахаломъ изъ павлиньихъ перьевъ, прикрѣпленнымъ на длинной ручкѣ.

Придворныя дамы вполголоса бесѣдовали между собой, и только ихъ разговоръ да несущаяся въ окна изъ сада безконечная трескотня цикадъ нарушали тишину.

— Дай мнѣ лютню, — вдругъ сказала Склирена, откладывая работу въ сторону.

*

Рабыня поспѣшила исполнить ея приказаніе. Она сдѣлала движеніе рукой, служанки поднялись съ мѣстъ и отошли на другой конецъ комнаты.

Она заиграла грустную, заунывную мелодію и запѣла вполголоса. Словъ не было въ ея пѣсни, и странною непонятною силой звучалъ ея голосъ. Глѣбъ поднялъ голову, прислушался и, вставъ, подошелъ ближе. Она взглянула на него; до сихъ поръ онъ никогда не слушалъ ея пѣсенъ.

— Играй, продолжай,—промолвилъ онъ въ отвѣтъ на ея вопрошающій взоръ,—ты такъ хорошо начала... Я не мѣшаю тебѣ?

— Нисколько, — отвѣчала она, — если тебѣ нравится, то подойди ближе и слушай.

Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и остановился около нея, прислонясь къ колоннѣ.

Ободренная столь неожиданно, она громче ударила по струнамъ и запѣла.

Глѣбъ слушалъ, и лицо его оживлялось, огнемъ блеснули очи. Это былъ привольный и заунывный напѣвъ его родины: онъ дышалъ просторомъ степей, безбрежными разливами рѣкъ, онъ шумѣлъ таинственнымъ шумомъ дремучихъ лѣсовъ. Безъисходною тоской, неодолимою грустью звенѣлъ знакомый напѣвъ и дрожалъ, замирая, и хваталъ за сердце... Глѣбу вдругъ стало ясно, что нѣтъ болѣе той бездны, которую онъ всегда чувствовалъ между нею и собою Это была близкая, родная душа; эта прекрасная женщина поняла его горе, она жила съ нимъ одною жизнью... Пораженный этимъ открытіемъ, онъ жадно

слушалъ ее и не могъ наслушаться. Передъ нимъ вставали картины прошлаго: домъ отца, ласки матери, потомъ жизнь среди княжеской дружины, междуусобныя брани князей, ихъ удалые набѣги...

Вдругъ одна изъ струнъ дрогнула... Склирена остановилась и, поблѣднѣвъ, опустила лютню на колѣна.

— Какъ я испугалась,—вымолвила она,—мнѣ показалось,—струна лопнула...

— Нѣтъ, струны цѣлы, — проговорилъ Глѣбъ, — продолжай же... пой еще...

Живая мольба слышалась въ его словахъ.

— Нѣтъ, я не могу... это еще слишкомъ утомляетъ меня,—сказала она и, отдавъ лютню подошедшей рабынѣ, снова принялась за работу.

— «Завтра игры въ ипподромѣ...»—радостная вѣсть эта, какъ волна, разносится по Константинополю, переходя изъ устъ въ уста, и встрѣчается всеобщимъ ликованіемъ.

Цѣлая толпа собралась на ипподромѣ; криками восторга привѣтствуетъ она вѣстника, явившагося съ приказаніемъ натянуть шелковый навѣсъ надъ царскою трибуной. Изъ конюшенъ выводятъ лошадей, чистятъ сбрую, осматриваютъ колесницы. Кому изъ любимцевъ народа, которому изъ «безсмертныхъ» возницъ завтра достанется побѣда?

До вечера необыкновенное оживленіе царитъ на улицахъ; густая толпа собирается ко времени заката на галереяхъ ипподрома. Слышится громкій говоръ,

горячіе споры; у подножія статуй знаменитѣйшихъ возницъ (эніоховъ) бьются объ закладъ. Многіе рѣшаются ночевать подъ открытымъ небомъ, чтобъ успѣть занять лучшія мѣста.

На утро что-то необычное сразу кидается въ глаза. Лавки заперты; принарядившаяся, какъ въ большой праздникъ, толпа валитъ по улицамъ, ведущимъ къ ипподрому. Съ самаго ранняго утра его мраморные уступы покрыты народомъ; странные типы и наряды виднѣются среди пестраго, разноплеменнаго сборища: россъ, козаръ, армянинъ, арабъ, франкъ, турокъ — сошлись сюда съ разныхъ концовъ свѣта. Шумъ и говоръ стоятъ въ воздухѣ.

Среди всего этого оживленія пустынно выдѣляется арена, съ узорно насыпанномъ на ней разноцвѣтнымъ пескомъ, съ невысокою террасой, разсѣкающею ее вдоль и уставленною обелисками и колоннами. Только въ обоихъ концахъ этой оси ипподрома виднѣются кучки людей близъ органовъ, звуки которыхъ заглушаются гуломъ толпы, да нѣсколько служителей разбрасываютъ цвѣты по песку арены.

Нижніе уступы стали наполняться представителями партій: справа партіи зеленыхъ, слѣва—голубыхъ. Всѣ они были въ одинаковыхъ бѣлыхъ туникахъ съ широкою пурпурною полосой, съ зелеными или голубыми перевязями черезъ плечо, съ жезлами, украшенными полумѣсяцемъ. Иностранные послы со своими свитами появились на назначенныхъ имъ мѣстахъ. Солнце яркимъ свѣтомъ заливало всю эту пеструю картину; безоблачное небо сіяло надъ нею.

Вдругъ все стихло. Шепотъ пробѣжалъ по толпѣ. Стражи и тѣлохранители, блистая золотыми латами и шлемами, съ развѣвающимися знаменами и хоругвями, спустились на выступъ, покоемъ опоясывающій трибуну императора. Блестящая толпа придворныхъ, сенаторовъ и патриціевъ наполнила балконы каѳизмы, выступающіе надъ ареной.

— «Императоръ идетъ!» — пронеслось въ толпѣ; мгновенно все замерло, мертвая тишина установилась. Предшествуемый всѣмъ синклитомъ, окруженный тѣлохранителями, Константинъ IX, Мономахъ, съ короной на головѣ и со скипетромъ въ рукахъ, показался на ступеняхъ престола, возвышавшагося посреди трибуны. Обратясь лицомъ къ толпѣ, онъ поднялъ уголъ своей порфиры и, благословляя, осѣнилъ имъ народъ. Вся масса поднялась на мѣстахъ, и привѣтственный крикъ стотысячной толпы потрясъ воздухъ.

Императоръ сѣлъ на тронѣ. Свита и оруженосцы въ установленномъ порядкѣ размѣстились на ступеняхъ его. За бронзовыми рѣшетками галлерей церкви Св. Стефана видно движеніе: тамъ размѣщаются августѣйшія со своими придворными дамами. Снова зашумѣла и загудѣла толпа, вновь заиграли органы; раздались привѣтственныя пѣсни димовъ (партій цирка). Наконецъ очередной препозитъ далъ знакъ начать.

Съ шумомъ отворилось четверо воротъ подъ царскою трибуной, и четыре колесницы, по четыре коня каждая, устремились на арену. Отклонясь назадъ, стояли на нихъ эніохи (возницы), одѣтые въ яркіе кафтаны—

голубой, бѣлый и красный. Все это вихремъ понеслось впередъ, обгоняя другъ друга и взрывая песокъ арены. Всѣ взоры обратились на нихъ; притаивъ дыханіе, слѣдила за ними вся масса народа. Напряженное молчаніе прерывалось лишь возгласами одобренія и горячими мольбами о побѣдѣ.

Огибая ипподромъ, въ облакахъ взрываемаго ими песку, неслись четыре четверни. Голубой былъ впереди, и крикъ торжества раздался въ лѣвыхъ отъ каѳизмы рядахъ. Громче вырывались поощренія, волненіе росло каждый мигъ и все полнѣе захватывало огромную толпу. Казалось, это было что-то одно—громадное, живое, дышащее однимъ вздохомъ, съ замираніемъ сердца устремившее тысячи глазъ на одну точку...

Какъ море забушевала толпа, едва побѣдитель остановилъ покрытыхъ пѣной коней передъ царскою трибуной. Вслѣдъ за нимъ подкатили и остановились рядомъ колесницы его соперниковъ. Окружившіе ихъ конюхи крѣпко схватили коней подъ уздцы, но тѣ сердито дергали головами, и пѣна бѣлыми хлопьями падала на песокъ.

Поздравленія, восторженные стихи въ честь побѣдителя пронеслись по уступамъ, когда препозитъ съ высоты императорской трибуны провозгласилъ имя побѣдившаго въ первомъ бѣгу.

Четверо воротъ снова захлопнулись за въѣхавшими въ нихъ колесницами. Служители вышли ровнять изрытую копытами почву и приготовить ее ко второму бѣгу.

Толпа задвигалась, зашумѣла, заволновалась; наступилъ перерывъ.

Императрица Зоя была больна и не присутствовала на играхъ. На галлереѣ церкви Св. Стефана одна Склирена сидѣла на высокомъ тронѣ посреди пестрой толпы придворныхъ дамъ. Изъ-за рѣзныхъ бронзовыхъ рѣшетокъ, между колоннами, августѣйшая и ея дворъ не были видны въ толпѣ, но передъ ними во всей красѣ развертывался, какъ муравьями, кишащій народомъ, огромный амфитеатръ ипподрома съ его стройною колоннадой, рѣзко бѣлѣвшею на темно-голубомъ небѣ.

Прохладный вѣтерокъ колебалъ шелковый навѣсъ, натянутый передъ императорскою трибуной; темнымъ пятномъ ложилась его тѣнь на стѣны каѳизмы. Императора въ ложѣ не было; онъ удалился на время перерыва, но нѣсколько придворныхъ, въ блистающихъ золотомъ и каменьями одеждахъ, да спаѳаріи въ золотыхъ шлемахъ и латахъ стояли тамъ, бесѣдуя между собой.

Облокотясь на ручку трона, Склирена разсѣянно смотрѣла на толпу, которая пестрѣла на бѣлыхъ мраморныхъ уступахъ и шевелилась, тѣснясь къ широкимъ лѣстницамъ, отъ арены поднимавшимся къ верхней колоннадѣ. Говоръ и смѣшанный гулъ раздавались тамъ, взоръ терялся въ морѣ головъ и разнообразныхъ уборовъ. Но вотъ въ одномъ изъ среднихъ ярусовъ съ противоположной стороны ярко блеснула на солнцѣ золотая каска спаѳарія. Лица его, за дальнимъ разстояніемъ, нельзя было разглядѣть, но Скли-

рена узнала его; онъ шелъ медленно, пробираясь между сидящими.

Сердце ея радостно дрогнуло; она невольно слѣдила глазами за яркой точкой на его каскѣ, и во всей толпѣ она видѣла теперь лишь одного его—стройнаго и ловкаго спаѳарія.

Онъ уже подошелъ къ лѣстницѣ, ведущей наверхъ. Вдругъ среди спускающейся по ней толпы возникло смятеніе, словно кто-то боролся; отчаянный, ужасный крикъ своимъ леденящимъ звукомъ покрылъ на мгновеніе шумъ толпы. Всѣ поднялись со своихъ мѣстъ, всѣ взоры устремились въ ту сторону. На ступеняхъ лѣстницы народъ тѣснился вокругъ чего-то лежащаго на землѣ; съ лѣстницы сбѣгалъ человѣкъ въ свѣтлой одеждѣ, обагренной кровью.

— Убійца, убійца!..—пронеслось въ толпѣ.

Вся блѣдная, какъ полотно, поднялась на своемъ тронѣ Склирена; полными невыразимаго ужаса глазами глядѣла она на убійцу, который вырывался изъ рукъ задержавшихъ его людей, на народъ, который тѣснился вокругъ лежавшаго на ступеняхъ. Въ этой толпѣ она не видѣла болѣе блестящей каски спаѳарія...

Съ подавленнымъ стономъ опустилась она на сидѣніе трона, и голова ея безсильно свѣсилась на бокъ; странный звонъ, словно отъ лопнувшей струны, задрожалъ въ воздухѣ.

— Августѣйшей дурно!..—пронеслось между придворными дамами, столпившимися у трона.

Евнухи побѣжали за водой, за врачемъ; ей терли помертвѣвшія руки. Склонивъ украшенную импера-

торскою повязкой голову на бокъ, вся въ блескѣ золота и драгоцѣнныхъ камней, красавица была неподвижна, и только чувство глубокаго страданія и сердечной боли замерло въ прекрасныхъ, побѣлѣвшихъ какъ мраморъ, чертахъ ея...

Стонъ, вырвавшійся изъ груди Склирены, не смотря на разстояніе, ясно слышалъ еще одинъ человѣкъ. Этотъ человѣкъ былъ Глѣбъ.

Когда рядомъ съ нимъ произошла ссора и одинъ изъ ссорившихся ударилъ другаго кинжаломъ, онъ съ участіемъ наклонился къ раненному. Въ это время далекій, слабый стонъ женщины громче и больнѣе раздался въ его ушахъ, чѣмъ только что имъ слышанный вопль смерти, и въ то же мгновенье словно оборвалось что-то и жгучею болью затрепетало въ сердцѣ. Онъ невольно выпрямился и, блѣднѣя, взглянулъ на галлереи Св. Стефана. Ему показалось, что онъ видитъ смятеніе за ея бронзовыми рѣшетками... Невыразимая тревога охватила его душу, и вдругъ, какъ молнія, блеснулъ передъ нимъ яркій, очаровательный образъ красавицы, и онъ понялъ мгновенно, что онъ любитъ ее—ее одну, безумно и навсегда...

Вечеромъ, ложась спать, Склирена, цѣлый день не выходившая изъ Жемчужины, распрашивала служанокъ, чѣмъ окончились игры и кто остался побѣдителемъ. Про Глѣба она не спрашивала; вопросъ—

кого убили во время перерыва, былъ первый, вырвавшійся у нея, когда она пришла въ себя. Она вздохнула съ облегченіемъ, услыхавъ, что всѣ подробности этого случая разсказывалъ спаѳарій Глѣбъ, приходившій узнать объ ея здоровьѣ и случайно очутившійся на лѣстницѣ рядомъ съ убитымъ.

Служанки на перерывъ спѣшили ей сообщить о разныхъ происшествіяхъ дня.

— Севаста,— сказала одна изъ нихъ,— на твоей лютнѣ сегодня утромъ лопнула струна...

— Я это знала... чуть слышно выговорила Склирена.

XI.

Amor ch'a null' amato amar perdona...

Dante („Inferno". Canto V. 103).

Благодарность за неожиданное согласіе отпустить его на родину, случайно подслушанный имъ разговоръ служанокъ, любимые напѣвы отчизны, слышанные имъ изъ устъ Склирены, а въ особенности то участливое, покорное выраженіе, которое свѣтилось съ нѣкоторыхъ поръ во взорѣ ея—все это окончательно измѣнило настроеніе Глѣба. Изъ чужой и далекой она вдругъ стала близкою ему, и среди радости предстоящаго возвращенія домой мысль о разлукѣ съ нею вставала темною тучей. Въ роковую минуту на ипподромѣ онъ внезапно созналъ свое новое чувство, словно въ стонѣ молодой женщины онъ прочелъ всю ея грустную повѣсть. Жизнь его перевернулась съ этого мгновенія; все, чѣмъ кипѣла молодая кровь, все, что грезилось въ смутныхъ снахъ,—какъ яркій цвѣтокъ распустилось подъ лучами солнца.

Два дня послѣ обморока, Склирена не выходила изъ

Жемчужины, и Глѣбъ напрасно цѣлыми часами бродилъ по дворцу въ чаяніи встрѣтить ее.

Наконецъ, утромъ на третій день онъ увидѣлъ ее издали на галлереѣ Сорока мучениковъ; въ сопровожденіи своей свиты она шла въ садъ, чтобы, по совѣту врача, подышать чистымъ воздухомъ. Глѣбъ отступилъ въ сторону, давая ей дорогу. Легкою стопой приближалась она, словно, не касаясь земли, летѣла впереди своихъ спутницъ. Приблизясь, она ласково кивнула головой, въ отвѣтъ на его низкій поклонъ.

— Приходи въ садъ черезъ полчаса,—сказала она вполголоса,—мнѣ надо видѣть тебя.

Какъ легкій призракъ, пронеслась она мимо, и, слѣдомъ за нею, мелькнули молодыя лица ея служанокъ. Неподвижно стоялъ Спаѳарій, глядя имъ вслѣдъ, пока онѣ не скрылись за поворотомъ, пока не затихъ шумъ ихъ шаговъ.

Медленно ползли для него эти полчаса; онъ нѣсколько разъ заходилъ на Орологій, гдѣ стояли большіе водяные часы,—но тамъ время ползло, казалось, еще медленнѣе.

Наконецъ, указанный срокъ прошелъ, и Глѣбъ спустился въ садъ.

Полуденное солнце обливало палящими лучами дворцовый садъ, но въ тѣни колоннады, у тихо журчащаго фонтана было прохладно. Плющи и виноградъ, со своею узорчатою зеленью, глицины съ длинными лиловыми сережками ароматныхъ цвѣтовъ всползли по мрамору колоннъ и, переплетаясь и перекидываясь съ одной на другую, образовали непроницаемый навѣсъ зелени. Гу-

стые лавровые и олеандровые кусты тѣснились кругомъ; темные кипарисы стрѣлами вознеслись надъ ними, а въ вышинѣ, рисуясь на темно-голубомъ небѣ, чуть слышно шумѣли раскидистыя приморскія сосны.

Между двухъ колоннъ, на каменной скамьѣ, покрытой ковромъ, сидѣла Склирена. Толпа ея придворныхъ помѣщалась въ отдаленіи. Она была одна; она только что окончила бесѣду съ братомъ, и слѣпой протостраторъ со своимъ вожатымъ поднимался ко дворцу по мощенной мраморомъ аллеѣ.

Увидя Глѣба, она подозвала его и указала ему на табуретъ почти у ея ногъ, гдѣ только что сидѣлъ Склиръ...

— Я хочу сообщить тебѣ радостную для тебя новость,—сказала ему она,—посольство въ Кіевъ выѣзжаетъ черезъ недѣлю или быть можетъ даже еще скорѣе. Ты поѣдешь вмѣстѣ со сватами и, если пожелаешь, можешь тамъ остаться...

Глѣбъ сидѣлъ безмолвно, и лицо его выражало скорѣе удивленіе, чѣмъ радость. Она, кажется, замѣтила это и продолжала смѣлѣе:

— Все это устраивается гораздо скорѣе, чѣмъ думали... Вы повезете жениху дары и икону Богородицы Одигитріи. Я рада, что мнѣ удалось пристроить тебя...

Она улыбалась спокойно и радостно, она не думала о себѣ.

Нѣсколько дней тому назадъ онъ бросился бы къ ея ногамъ и не зналъ бы, какъ выразить свою благодарность, но теперь онъ продолжалъ сидѣть неподвижно, и совсѣмъ иныя чувства будили въ немъ ея слова.

— Развѣ ты не радъ?—спросила она.

Онъ отвѣтилъ не сразу.

— Это еще не такъ скоро...—сказалъ онъ наконецъ,—оставимъ теперь этотъ разговоръ. Успѣемъ...

Сердце Глѣба стучало. Ему хотѣлось выразить ей, какъ страшитъ его теперь разлука съ нею, высказать мучительно сладкое волненіе, которое какъ огонь разливалось по его жиламъ; но онъ молчалъ, съ благоговѣніемъ глядя на ея сверкающую, дивную красоту.

— Что съ тобой?—спросила она, замѣтя необычное выраженіе его лица.

Онъ махнулъ рукой и прошепталъ:

— Погоди... я потомъ скажу тебѣ... все...

Нѣсколько мгновеній длилось молчаніе. Склирена наклонилась, взяла лютню, лежавшую у ея ногъ, и провела рукой по струнамъ. Въ это время Пселлъ появился въ кружкѣ сидѣвшихъ въ отдаленіи придворныхъ.

— А, философъ!—воскликнула Склирена.

Ученый подошелъ къ ней съ низкимъ поклономъ.

— Скажи мнѣ, Пселлъ,—продолжала она,—вѣдь смерть не страшна?

— О, августѣйшая, свѣтъ моего сердца, наслажденіе души моей,—съ напускнымъ паѳосомъ и глубокомысліемъ отвѣчалъ Пселлъ, поднося къ устамъ край ея одежды.—Ты мыслишь, какъ отцы церкви и какъ великіе древніе философы. Конечно,—апостолы и святые подвигами подвижничества пріучали себя не боятся смерти... Сократъ хладнокровно выпилъ чашу яда. Все должно напоминать намъ о смертномъ часѣ. И, погляди,

божественная, не дивно ли созданъ міръ: отсюда, изъ этого города, гдѣ жизнь идетъ широкою волной, гдѣ людямъ нѣтъ времени думать о спасеніи души,—взоры наши могутъ обратиться къ далекому горизонту, къ рисующимся тамъ высотамъ, гдѣ отшельники молятся за насъ...

И Пселлъ указалъ вдаль на туманныя очертанія малоазіатскаго Олимпа, покрытыя снѣгомъ вершины котораго только привычному взгляду не казались облаками.

— Туда несусь я мысленно,—добавилъ ораторъ,—тамъ мечтаю я успокоиться когда-либо отъ волненій жизни...

Глядя на молодое лицо ученаго, трудно было однако повѣрить искренности его желанія уйти изъ блестящаго придворнаго круга къ суровымъ подвижникамъ Олимпа.

Взглядъ Склирены отъ вершинъ далекихъ горъ обратился на болѣе близкія возвышенности Принцевыхъ острововъ, но мысль ея, занятая чѣмъ-то другимъ, не могла долго остановиться на суровости монашеской жизни. Со свойственною ему чуткостью, Пселлъ тотчасъ угадалъ это.

— Зачѣмъ заговорила ты о смерти, Севаста? — совсѣмъ другимъ голосомъ сказалъ онъ,—ты, стоящая выше всѣхъ смертныхъ и по красотѣ души и по красотѣ тѣла? Какъ бронзовый орелъ Аполлонія Тіанскаго на ипподромѣ душитъ своими мѣдными когтями змѣю, такъ и твой свѣтлый духъ долженъ подавлять всякую грусть, всякую черную мысль. Жизнь

для тебя подобна лугу, покрытому цвѣтами, все шлетъ улыбку твоей красотѣ, все ницъ склоняется передъ тобою... Ты должна любить жизнь, любить природу, а кто любитъ — тому не до смерти...

— А развѣ любовь и смерть — враги?—задумчиво спросила Склирена.

— Любовь — это жизнь... — промолвилъ философъ.

— О нѣтъ, нѣтъ,—горячо возразила она,—я думаю: любовь — это безсмертіе; для нея нѣтъ ни жизни, ни смерти...

Пселлъ засмѣялся.

— Ты ловишь меня на словахъ,—молвилъ онъ,— что это тебѣ вздумалось говорить о смерти?

— Не знаю,—задумчиво сказала она и снова провела рукой по струнамъ.

Она начала пѣть вполголоса, но мало по малу звуки ея пѣсни стали расти и крѣпнуть; въ нихъ слышалась сначала тихая жалоба, стонъ наболѣвшей, измученной души... потомъ въ извивахъ мелодіи послышалась чарующая надежда; задушевные звуки словно отгоняли горе, словно успокаивали печаль... Громче и громче разливались они,—и вотъ, въ могучемъ созвучіи, какъ первый лучъ свѣта во мракѣ, повѣяла близость утѣшенія, дохнуло лаской, тепломъ и свѣтомъ. Все задрожало радостью, и уже не было мѣста горю: съ несказанною нѣжностью трепетала и замирала пѣсня,— ласковая, какъ ропотъ волнъ Пропонтиды, нѣжная, какъ первое сіяніе зари...

Глѣбъ весь превратился въ слухъ. Каждый звукъ глубоко раздавался въ его сердцѣ; онъ снова пере-

живалъ все то, что прошло въ его душѣ съ памятнаго мгновенія во время игръ; онъ былъ въ какомъ-то бреду, въ невѣдомомъ лучезарномъ мірѣ... Глаза его горѣли, дрожащія губы беззвучно лепетали признаніе.

Вдругъ взоры ихъ встрѣтились; она прочитала въ его глазахъ то, что шептали его уста, и отвѣтнымъ пламенемъ, какъ зарницей, вспыхнуло ея лицо, — и пѣсня оборвалась звонкимъ, восторженнымъ крикомъ счастія...

Поблѣднѣвъ, Склирена вдругъ выпрямилась, дрогнула и, какъ мертвая, упала бы на землю, если бы Пселлъ и Глѣбъ не поддержали ее. Лютня съ лопнувшею струной выкатилась изъ рукъ ея. Съ помощью подбѣжавшихъ людей, посадили они безчувственную на скамью. Блѣдная, какъ мертвецъ, съ безсильно поникшею головой, она была бездыханна. Напрасно ей терли руки, брызгали въ нее водой; казалось, душа не хотѣла вернуться въ это мраморное тѣло.

Наконецъ, она слабо вздохнула, открыла глаза и поглядѣла вокругъ. Сначала она, видимо, не могла вспомнить, гдѣ она находится, что случилось; но мало по малу сознаніе возвратилось, и она знакомъ выразила желаніе вернуться домой.

Бережно, какъ ребенка, взялъ ее на руки Хермонъ и осторожными шагами направился ко дворцу. Безмолвно шли кругомъ евнухи и служанки.

Глѣбъ проводилъ печальное шествіе до дверей Жемчужины и остался въ галлереѣ Сорока мучени-

ковъ съ нѣсколькими придворными, ожидая вѣсти о здоровьѣ Склирены.

Черезъ четверть часа вышелъ изъ Жемчужины Пселлъ, и всѣ окружили его съ разспросами.

— Она очнулась, — отвѣчалъ философъ, — врачъ посовѣтовалъ ей, однако, лечь. Онъ не понимаетъ причины ея странныхъ обмороковъ. Августѣйшая очень слаба. Какъ она пѣла, — прибавилъ онъ, и глаза его вспыхнули при этомъ воспоминаніи;—я никогда не слыхалъ и, вѣроятно, уже болѣе не услышу такого пѣнія. Что значитъ — вдохновеніе...—все болѣе увлекаясь, продолжалъ Пселлъ.—Когда слушаешь ее, передъ тобой открывается новый міръ, тебѣ понятною кажется вѣчная загадка жизни... Этотъ порывъ вдохновенія былъ минутой безсмертія: пускай пѣснь ея смолкла — она не умретъ никогда...

Цѣлый день Глѣбъ не могъ найти себѣ мѣста. Какъ тѣнь, бродилъ онъ повсюду. Забрелъ въ тѣлохранительскую — тамъ было пусто; два-три человѣка крѣпко спали на своихъ ложахъ, да въ сѣняхъ два спаѳарія играли въ кости. Онъ вышелъ въ таинственный фіалъ Сигмы и приблизился къ фонтану.

«Здѣсь она тогда ждала меня», — подумалось ему, и онъ старался поймать серебристыя брызги струй, со звономъ бѣжавшихъ изъ золотой раковины. — «Сколько воды убѣжало съ тѣхъ поръ»...

Онъ побрелъ, куда глаза глядятъ,— и вскорѣ снова очутился на галлереѣ Сорока мучениковъ, гдѣ и оста-

новился, прислонясь къ колоннѣ. Только здѣсь смолкла мучительная тревога его; ее заглушало усиленное біеніе сердца при каждомъ звукѣ голоса, шумѣ шаговъ у дверей Жемчужины.

Вотъ одна служанка, проходя, сказала другой:

— Ты слышала, августѣйшая Склирена сильно заболѣла?

Горькое, томительное недоумѣніе просыпалось въ его груди.

«Неужели она умретъ!?» — въ отчаяніи подумалъ онъ. — Не можетъ быть!.. какъ же умереть теперь, когда счастіе, когда настоящая жизнь только что начинается?..»

Часы проходили, а онъ все стоялъ на томъ же мѣстѣ. Наконецъ, онъ увидѣлъ Евфимію и чуть не бѣгомъ кинулся ей на встрѣчу.

— Ну, что она?—задыхаясь спрашивалъ онъ.

— Теперь она уснула,—отвѣтила Евфимія, и слезы сверкнули на заплаканныхъ глазахъ преданной служанки.—О, если бы ты видѣлъ, какъ Севаста слаба, какой странный у нея взглядъ!..—Она остановилась, стараясь овладѣть собой.—Я именно тебя искала,—продолжала она черезъ мгновеніе.—Августѣйшая поручила мнѣ передать тебѣ, что ей, во что бы то ни стало, надо съ тобою увидаться. Приходи завтра на закатѣ въ садъ, въ бесѣдку Орла — знаешь? Севаста сказала, что будетъ тамъ, какъ бы себя ни чувствовала...

XII.

Я понялъ тѣ слезы, я понялъ тѣ муки,
Гдѣ слово нѣмѣетъ, гдѣ царствуютъ звуки,
Гдѣ слышишь не пѣсню, а душу пѣвца,
Гдѣ духъ покидаетъ ненужное тѣло,
Гдѣ внемлешь, что радость не знаетъ предѣла,
Гдѣ вѣришь, что счастью не будетъ конца.

А. А. Фетъ.

А море Черное шумитъ не умолкая...

М. Ю. Лермонтовъ. («На смерть Кн. А. И. Одоевскаго»).

Узнавъ о новомъ обморокѣ Склирены, императоръ пришелъ ее навѣстить и довольно долго пробылъ у нея. Возвращаясь въ свои покои, онъ приказалъ позвать къ себѣ Константина Лихуда, Пселла и Склира.

Черезъ нѣсколько минутъ всѣ три сановника уже сошлись у дверей царскихъ покоевъ.

— Его величество очень разстроенъ... Кромѣ васъ, онъ приказалъ никого не принимать,— сказалъ дежурный кувикуларій и бросился отворять имъ двери.

Мономахъ сидѣлъ въ обитомъ пурпуромъ креслѣ и, низко склонивъ свою сѣдую голову и закрывъ лицо руками, горько плакалъ, какъ плачутъ маленькія дѣти.

Придворные остановились у входа и робкимъ покашливаніемъ дали знать о своемъ присутствіи. Константинъ взглянулъ на нихъ; они всѣ трое упали на землю и, приблизясь къ царю по данному имъ знаку, склонились, цѣлуя край его одежды.

— Она умираетъ!..—всхлипывая, проговорилъ старикъ, и новыя слезы закапали сквозь пальцы его рукъ.

Слѣпой протостраторъ опустился на колѣни и, поймавъ руку царя, началъ цѣловать ее.

— Солнце мое, не огорчай себя,—говорилъ онъ,— не порти слезами ясныхъ очей своихъ: Богъ дастъ— Севаста поправится... все въ волѣ Божіей.

— Пселлъ, — подавляя рыданія, обратился Мономахъ къ ученому,—ты бесѣдовалъ съ нею за мгновеніе до обморока; не говорила ли она тебѣ чего особеннаго? не была ли чѣмъ либо разстроена?

— Севаста дѣйствительно почтила меня своею бесѣдой, божественный владыко; я даже удостоился слышать сладкозвучное пѣніе и плѣнительную игру ея. Но я ничего не замѣтилъ... Августѣйшая была весьма весела... Она говорила—какъ хорошо ей жить здѣсь, во дворцѣ,—сравнивала свою жизнь съ лугомъ, покрытымъ цвѣтами...—не краснѣя сочинялъ Пселлъ.

Царь слушалъ внимательно; онъ поднялъ голову и вытеръ слезы.

— Такъ она была весела...—пробормоталъ онъ,— а мнѣ говорили, что она все груститъ въ послѣднее время. Но ты — философъ, — ты глубже читаешь въ людскихъ сердцахъ, и я охотно вѣрю твоимъ наблю-

деніямъ. Однако, эти обмороки и слабость пугаютъ меня... Странная болѣзнь...

— Не наговоренное ли это? --шепнулъ Склиръ,— у Севасты, сестры моей, такъ много завистниковъ...

— Кто знаетъ,—сказалъ царь.—Василій, надо, чтобы патріархъ отслужилъ завтра молебенъ о здравіи твоей сестры. Потомъ сходи посовѣтоваться съ астрологами и звѣздочетами... что скажутъ гороскопы? Еще недавно было такое счастливое сочетаніе звѣздъ... Да—и главное: я не довѣряю ея врачу, я хочу, чтобы ее лѣчилъ мой врачъ. Слѣди также за тѣмъ, чтобы онъ непремѣнно выпивалъ всякаго зелья, которое онъ ей прописываетъ. Распорядись этимъ. Мнѣ сегодня съ утра все огорченія,—продолжалъ Мономахъ, обращаясь къ Пселлу и Лихуду.—Во время прогулки ко мнѣ подошелъ какой-то оборванецъ, бросился на землю, плакалъ. Онъ говорилъ, что пришелъ изъ далекой провинціи, что его раззорили мои чиновники. Я призвалъ тебя, Лихудъ, чтобы ты мнѣ сказалъ, что это неправда.

— Государь,—отвѣтилъ ему Лихудъ,—это дѣло слѣдуетъ разсмотрѣть. Быть можетъ, этотъ человѣкъ и правъ... Въ столь сложномъ домостроительствѣ, какъ твое государство, всегда можетъ что-либо испортиться.

— Разсмотри, Константинъ, это дѣло и покарай виновныхъ. А этого оборванца все-таки подержи въ тюрьмѣ: онъ слишкомъ громко кричалъ на улицѣ, что у насъ нѣтъ правосудія, что ихъ обижаютъ сборщики податей...

— Зачѣмъ ты слушалъ этого мерзавца?—вставилъ

свое слово Пселлъ.—Оставь его гнить въ тюрьмѣ за его безсовѣстную ложь. Ты—царь, заступникъ бѣдныхъ; ты поощряешь хорошихъ и караешь злыхъ; ты ввелъ въ государствѣ правосудіе и справедливость; ты не позволяешь сборщикамъ податей брать незаконные поборы или судьямъ судить не по закону. Будь живъ Гезіодъ, онъ вынужденъ былъ бы измѣнить свой порядокъ: онъ долженъ былъ бы сказать, что сперва былъ мѣдный вѣкъ, потомъ серебряный, а теперь наступилъ золотой...

Мономахъ самодовольно улыбнулся и одобрительно потрепалъ философа по плечу. Но онъ вспомнилъ про болѣзнь Склирены, и снова морщины легли на его чело.

— Василій,—сказалъ онъ протостратору,—пойдемъ со мной; я хочу тебѣ дать іерусалимской земли. Пускай августѣйшая велитъ зашить въ ладонку и носитъ на шеѣ.

Онъ рукой сдѣлалъ Пселлу и Лихуду знакъ, что они могутъ идти, и самъ отправился вмѣстѣ съ Василіемъ Склиромъ за іерусалимскою землей.

Проходя по пустымъ заламъ дворца, министръ и ученый сперва молчали.

— У меня есть предчувствіе,—заговорилъ наконецъ Лихудъ,—что этотъ проситель сказалъ царю правду. Мнѣ подали за послѣднее время множество жалобъ на сборщиковъ податей въ двухъ провинціяхъ. Все это сильно меня тревожитъ.

— Не мнѣ учить тебя,—сказалъ Пселлъ,—но мнѣ кажется, ты долженъ принять мѣры, чтобы слухъ объ этомъ не дошелъ до царя. Гораздо лучше, когда выс-

шіе не вѣдаютъ всѣхъ нашихъ мелочныхъ заботъ и пребываютъ въ увѣренности, что все идетъ прекраснѣе, чѣмъ когда-либо... А между тѣмъ ты найдешь способъ помочь бѣдѣ.

Лихудъ поморщился и, кажется, хотѣлъ возразить. Досадливо махнувъ рукой, онъ отвѣчалъ, однако, лишь на послѣднія слова Пселла.

— Не знаю, найду ли... Я думаю, легче будетъ совсѣмъ сбросить съ себя эту обузу — попроситься въ отставку.

— Что ты?—съ ужасомъ воскликнулъ философъ,— какъ можно. На тебя вся надежда, ты—великая польза ромэевъ, ты—наше утѣшеніе...

— Что жедѣлать?!.—продолжалъминистръ.—Имперія расшатана; набѣги варваровъ, войны и внутреннія смуты ее изнурили. Эдикты и новеллы напрасно силятся поддержать правосудіе — оно падаетъ. Мы горды, мы презираемъ варваровъ, а готовы съ униженіемъ купить у нихъ миръ или союзъ. А внутри— лихоимство, незаконные поборы... государственныя должности продаются, какъ овощи на рынкѣ.

Лихудъ махнулъ рукой.

— Да и можетъ ли это быть иначе,—понизя голосъ прибавилъ онъ,—когда у царя на умѣ однѣ забавы: любовныя утѣхи, шуты да пиры, да сказочныя постройки, вродѣ Манганскаго монастыря св. Георгія. Казна пуста. А какія рѣки золота протекли черезъ руки Севасты Склирены!

— Да,—почти шепотомъ подтвердилъ Пселлъ,— я плакалъ, видя, что такъ растрачиваются казенныя

деньги, и такъ какъ я люблю отечество, я стыжусь своего царя.

И долго еще продолжался разговоръ въ этомъ духѣ.

Вечеромъ Мономахъ отправился къ императрицѣ.

Въ ея опочивальнѣ царилъ полумракъ; она сидѣла въ креслѣ и внимательно слушала монахиню, которая въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, стоя у аналоя, читала изъ житія святыхъ. Два-три свѣтильника и восковая свѣча у аналоя тускло освѣщали большую комнату.

— Мы послѣ дочитаемъ,—сказала Зоя монахинѣ, когда ей доложили, что императоръ идетъ.—Подожди въ Гармоніи. Я позову тебя.

Она встала, привѣтствуя вошедшаго царя. Константинъ, видимо, былъ не въ духѣ; онъ коротко отвѣчалъ на привѣтствіе жены и, сурово сдвинувъ сѣдыя брови, сѣлъ около нея.

— Ты застаешь меня за обычнымъ субботнимъ занятіемъ,—сказала Зоя: я недавно вернулась изъ церкви и слушала чтеніе.

Онъ безучастно поглядѣлъ на нее и ничего не отвѣтилъ.

— Ты не забылъ, конечно,—снова начала царица, помолчавъ нѣсколько мгновеній,—завтра назначенъ большой выходъ въ Великую церковь. Послѣ обѣдни будетъ молебенъ предъ иконой Богоматери Одигитріи, которую ты отправляешь въ даръ жениху твоей до-

чери. Царевна уже предупреждена, что ей слѣдуетъ участвовать въ выходѣ.

— Послы уѣзжаютъ послѣ завтра, — промолвилъ царь.

— Я буду весьма рада, когда этотъ бракъ наконецъ состоится,—замѣтила Зоя.

Мономахъ съ раздраженіемъ махнулъ рукой.

— Ахъ, всѣ хлопоты, заботы... все надоѣло мнѣ.

— Ваше величество невеселы сегодня, — съ ироніей молвила старуха.

— Ты знаешь сама, чѣмъ я разстроенъ,— сухо отвѣтилъ онъ.

— Конечно,—продолжала Зоя, — государственныя дѣла нелегки.

— Меня заботитъ здоровье Склирены,—перебилъ онъ съ нескрываемою досадой.

— А!..—съ притворнымъ удивленіемъ протянула царица.

Они замолкли.

— Развѣ ты не слыхала про ея болѣзнь?— спросилъ Мономахъ.

— Да, мнѣ сдается, что слышала...—прищуриваясь сказала старуха.— Но у меня нѣтъ времени заниматься всякими пустяками и сплетнями. Вѣдь, кажется, врачъ говорилъ, что нѣтъ ничего опаснаго.

Наплывъ негодованія душилъ Константина.

— Такъ ты думаешь, нѣтъ ничего опаснаго?— съ искривившеюся улыбкой проговорилъ онъ.

Она поглядѣла на мужа, какъ бы стараясь найти причину его волненія, и затѣмъ равнодушно отвернулась.

— Я ничего не знаю; это врачъ говорилъ, — холодно сказала она.

— Врачъ говорилъ!..—со злобой повторилъ царь, ужъ не приходилъ ли онъ къ тебѣ совѣщаться о лѣкарствахъ для больной?

Зоя разсмѣялась бездушнымъ смѣхомъ.

— Такъ вотъ что...—презрительно вымолвила она, —ты, кажется, думаешь, что я отравляю Севасту?

Царь съ негодованіемъ поднялъ голову.

— Я знаю тебя и считаю способною на все...

Она остановила его властнымъ движеніемъ руки.

— Успокойся,—съ пренебреженіемъ сказала она,—если бы мнѣ было надо, я бы это сдѣлала четыре года назадъ, когда выходила за тебя замужъ.

Ядовитая усмѣшка скользнула по ея лицу.

— А я думала напротивъ, — продолжала она,—что эта болѣзнь—дѣло твоихъ рукъ и удивлялась такому припадку запоздалой ревности.

Царь глядѣлъ на нее, недоумѣвая.

— Запоздалой—потому что герой уѣзжаетъ послѣ завтра,—пояснила Зоя.

— Какой герой?—съ возрастающимъ недоумѣніемъ спросилъ Константинъ.

— Ты, кажется, хочешь меня увѣрить, что тебѣ ничего неизвѣстно про басню всего города — про любовь твоей Севасты къ спаѳарію Глѣбу?

Нѣсколько мгновеній императоръ сидѣлъ неподвижно и потомъ вдругъ, какъ ужаленный, вскочилъ съ мѣста.

— Замолчи, змѣя! — внѣ себя закричалъ онъ,—

тебѣ завидно, что Склирена моложе и лучше тебя. Ни годы, ни близость смерти не умертвятъ твоего яда, не исправятъ тебя отъ пороковъ... Ты стараешься поселить вражду между мною и женщиной, которая отдала мнѣ молодость, которая одна въ цѣломъ мірѣ любила меня...

Онъ замолкъ и въ отчаяніи закрылъ лицо руками. Зоя встала и кликнула очереднаго евнуха.

— Императоръ сейчасъ уходитъ къ себѣ,—рѣзко сказала она ему,—позови монахиню продолжать чтеніе.

Евнухъ вышелъ; Константинъ поднялся съ мѣста.

— И къ тому же,—рѣшительно молвилъ онъ Зоѣ,—помни, что Склирена свободна и можетъ дѣлать, что хочетъ. Не мнѣ стѣснять ея свободу. Она не то что другія...

Царица презрительно улыбнулась и отвернулась, будто не желая слушать. Мономахъ не прощаясь вышелъ изъ комнаты.

Послѣ безсонной ночи, императоръ приказалъ позвать къ себѣ Константина Лихуда.

— Отдай приказъ немедленно посадить спаѳарія Глѣба въ Анемадскую тюрьму,—сурово сказалъ онъ ему.

Лихудъ поклонился.

— И чтобы никто объ этомъ не зналъ,—добавилъ Мономахъ.—Что это у тебя за грамота?

— Я принесъ тебѣ подписать указъ о повсемѣстномъ освобожденіи плѣнныхъ россовъ по случаю обрученія царевны съ княземъ Всеволодомъ.

— Хорошо. Оставь.

Но Лихудъ не уходилъ.

— Государь,—началъ онъ послѣ короткаго молчанія, — какъ же прикажешь распорядиться относительно уѣзжающаго завтра посольства?

— Пускай ѣдутъ,—отвѣтилъ царь,—и пускай увозятъ и икону, и дары.

— Но кого же назначить вмѣсто спаѳарія Глѣба? Кто имъ будетъ за языка? Притомъ я узналъ, что родня Глѣба—сильные при княжескомъ дворѣ люди, и боюсь, не повредило бы дѣлу твое приказаніе посадить его въ темницу.

Мономахъ нахмурился.

— У меня есть причины... — началъ было онъ и остановился.

— Я не сомнѣваюсь, государь, — почтительно и спокойно продолжалъ Лихудъ.—Я рѣшаюсь возражать лишь потому, что знаю твою доброту и довѣрчивость. Безпристрастны ли лица, желающія погубить спаѳарія? Можемъ ли мы изъ-за этого рисковать разстройствомъ сватовства?

Императоръ задумался.

— Ахъ, дѣлай, какъ знаешь,—воскликнулъ онъ, —только, чтобы онъ не встрѣчался со мной, чтобы не жилъ въ нашемъ городѣ.

Лихудъ поклонился.

— Глѣбъ завтра уѣзжаетъ. Ему можно дать разрѣшеніе остаться на родинѣ.

Въ дворцовомъ саду, на самомъ высокомъ мѣстѣ, пріютилась подъ защитой столѣтнихъ сосенъ красивая бесѣдка. Мозаики по золотому полю покрываютъ ея своды, покоющіеся на колоннахъ розоваго мрамора. Чудный видъ открывается изъ ея оконъ: отсюда виденъ почти весь семихолмный городъ и даже отдаленные, внѣ городскихъ стѣнъ лежащіе монастыри— Св. Мамонта, Козмидіонъ и Петріонъ; видны и зеленые берега Босфора, и величественная Св. Софія, и Пропонтида, окаймленная далекими горами; а внизу, среди зелени, горятъ золотые купола Манганскаго монастыря Св. Георгія. Трудно было выбрать болѣе красивое мѣсто для бесѣдки; какъ орелъ, высоко поднялась она надъ садомъ, и, вѣроятно, оттого ее и назвали «орломъ».

Склирена была одна. Среди разостланнаго на полу пушистаго восточнаго ковра, она полулежала на парчевыхъ подушкахъ. Вся въ бѣломъ, она казалась блѣднѣе вчерашняго; ея густые черные волоса подняты были кверху и перехвачены гладкимъ золотымъ обручемъ. Глубокіе глаза ея были широко раскрыты. Лютня лежала у ногъ ея, а кругомъ — на коврѣ, на ея колѣняхъ, на пестромъ мраморномъ полу разбросаны были цѣлыя горы всевозможныхъ цвѣтовъ. Склирена собирала ихъ въ букеты, но не ими были заняты ея мысли... Она напряженно прислушивалась къ каждому звуку, къ каждому шороху... Она ждала, и сердце ея замирало отъ страха, что онъ не придетъ... Не было ли пустымъ обманомъ воображенія то, что она вчера прочла въ его взглядѣ? Есть ли основаніе у мечты,

всю ночь золотымъ сномъ порхавшей надъ ея изголовьемъ? Придетъ ли онъ?

Она прислушалась... слышны были шаги... кто-то взбѣгалъ по ступенямъ. Трепетно, какъ крылья подстрѣленной птицы, забилось ея сердце. Она подняла гляза на входившаго, выронила цвѣты, протянула ему обѣ руки, и вся засвѣтилась счастливою улыбкой.

Глѣбъ бросился на коверъ къ ея ногамъ и жадными поцѣлуями покрывалъ ея бѣлыя, словно выточенныя, руки.

— Тебѣ лучше,—шепталъ онъ;—я глазъ не сомкнулъ во всю ночь... я такъ испугался вчера... Тебѣ лучше, не правда ли?

Она съ тихою улыбкой проводила рукой по склоненной передъ нею, курчавой головѣ его.

— Не спрашивай меня о моемъ здоровьѣ. Мнѣ такъ хорошо теперь; каждое мгновеніе—наше, а что дальше—не все ли равно?

Она подняла нѣсколько цвѣтовъ и долго въ задумчивости вдыхала ихъ ароматъ. Они молчали. Вечерняя тишина стояла вокругъ, и жаль было нарушать эту тишину. Да и къ чему говорить, когда въ безмолвіи слышнѣе согласное біеніе двухъ сердецъ...

Онъ первый прервалъ молчаніе.

— Знаешь,—молвилъ онъ,—меня призывалъ сегодня Лихудъ и приказалъ мнѣ болѣе не возвращаться сюда. Но я рѣшилъ, что безъ тебя я не уѣду, ты должна ѣхать со мной!.. Мы не можемъ разстаться— не правда ли?.. Я всю жизнь хочу быть вмѣстѣ съ тобой...

— Всю жизнь...—повторила она, задумчиво глядя вдаль и улыбаясь ясною улыбкой,—да, всю жизнь вмѣстѣ... и когда я умру, душа моя всюду будетъ вмѣстѣ съ тобой...

Она взяла лютню и стала перебирать струны, а онъ продолжалъ говорить, и никогда еще такъ горячо, такъ широко и свободно, не лились слова изъ его устъ; подъ тихій звонъ струнъ, казалось, на огненныхъ крыльяхъ летѣла рѣчь его.

— Зачѣмъ говоришь ты о смерти? Намъ теперь надо жить... Я понялъ, какъ хороша жизнь, какое безконечное счастіе любить тебя, дышать съ тобою однимъ воздухомъ... Смотри—голова моя въ огнѣ, руки холодны, сердце бьется и трепещетъ одною тобой... Я цѣлый день ждалъ свиданія. Безъ тебя я не живу—ты мой свѣтъ, моя родина, мое счастіе... Быть твоимъ рабомъ, жить и умереть за тебя—другаго блаженства нѣтъ!

Горячія слезы падали изъ его глазъ. Ароматъ цвѣтовъ поднимался благоуханною волной; вечерній вѣтерокъ вѣялъ въ окна. Вечеръ опускался на землю, розовымъ румянцемъ охвативъ горизонтъ,—и тихъ, и прекрасенъ былъ этотъ лѣтній вечеръ, трепещущій золотомъ и багрянцемъ.

Она съ упоеніемъ слушала его рѣчи. Это не сонъ... лютня побѣдила... съ каждымъ звукомъ ея пѣсни пламя будетъ разгораться сильнѣе... Тонкіе пальцы невольно нажимали струны, и аккорды раздавались громче и могучѣе... И ни малѣйшаго страха не было въ душѣ ея,—она, казалось, забыла, что уже два раза

мѣняли тонкую струну. Только безконечное счастіе и упоеніе ощущала она, чуденъ казался ей Божій міръ, дивно хороша жизнь... Зачарованная лютня влекла ее къ себѣ; Склирена не могла не исчерпать всей таинственной силы ея, всего жгучаго и страстнаго наслажденія...

Глѣбъ былъ весь—увлеченіе.

— Пой... пой еще,—твердилъ онъ въ какомъ-то забытьи.—Когда ты обрываешь звуки своей лютни, тяжелыя, мучительныя воспоминанія, невольныя сомнѣнія возникаютъ въ душѣ моей. Играй и пой, прошу тебя, съ каждою твоею пѣснью я все горячее, все безпредѣльнѣе люблю тебя. Играй и пой, умоляю...

Онъ поддерживалъ лютню; страстною мольбой дышали слова его.

Могучая волна вдохновенія захватывала Склирену. Пускай во прахъ упадутъ всѣ послѣднія колебанія и сомнѣнія, пускай среди бури и огня они хоть на мигъ будутъ лишь вдвоемъ. Развѣ мигъ не вѣчность?

Она выпрямилась, ударила по струнамъ и запѣла. Глѣбъ жадно глядѣлъ на нее: охваченная розовымъ отблескомъ заката, въ сіяніи вдохновенной, безсмертной красоты, сидѣла она передъ нимъ. Дыханіемъ жизни, пламенемъ страсти и счастья вѣяло отъ каждаго ея движенія, отъ каждой складки ея одеждъ. Громко неслась ея пѣснь среди вечерней тишины. Въ ея чарующей мелодіи всѣ чувства, всѣ мысли, вся душа переродилась въ звуки... Сердце рвалось и замирало, словно все вихремъ летѣло куда-то, словно все захлестывала властная волна жгучихъ восторговъ.

*

Пѣснь затопляла все бурнымъ, могучимъ потокомъ; она трепетала страстью, пылала побѣднымъ пламенемъ и торжествующимъ счастьемъ...

Склирена отбросила лютню, склонилась въ объятія Глѣба и замерла въ упоительномъ лобзаніи... На мигъ все помутилось кругомъ въ вихрѣ безумнаго счастья... Развѣ мигъ — не вѣчность?..

. . . .

Вдругъ на лютнѣ съ жалобнымъ стономъ оборвалась струна, и такой же стонъ вырвался изъ груди Склирены. Вся затрепетавъ, она выскользнула изъ объятій Глѣба и упала не коверъ. Обезумѣвъ отъ ужаса, склонился онъ надъ нею; дрогнувшею рукой онъ силился приподнять ее, онъ звалъ ее по имени...

Ни звука не раздавалось въ отвѣтъ... Вѣчнымъ покоемъ вѣяло отъ мраморнаго чела, отъ дивныхъ чертъ ея, улыбка счастья и упоенія замерла на устахъ... сердце не билось.

Умирающія розы кадили благоуханіемъ надъ усопшею красавицей... Умирающій день обнималъ ее послѣдними лучами...

Небольшое парусное судно выходило изъ Босфора въ Черное море. Уже назади остались опасные гребни Кіанейскихъ скалъ; впереди непривѣтливо-темнѣлъ морской просторъ, шумѣли свинцовыя волны съ бѣлыми гребнями,

На палубѣ, облокотясь на бортъ, сидѣлъ Глѣбъ. Съ мрачнымъ отчаяніемъ глядѣлъ онъ назадъ, на при-

брежные холмы Босфора, которые съ каждымъ мгновеніемъ становились туманнѣе, отодвигались далѣе.

Тамъ, назади — вся жизнь его, все счастье... Онъ забылъ тяжелые годы неволи, его не радуетъ свобода. Одинъ любимый, сверкающій красотой образъ носится передъ нимъ въ лучахъ тепла и свѣта. Среди снѣговъ отчизны, подъ блѣднымъ небомъ сѣвера, мыслимо ли забыть синеву полуденнаго неба, ласкающій шумъ волнъ голубой Пропонтиды, прекрасную, какъ сказка, теперь родную его сердцу — Византію?..

Глаза его невольно поднялись кверху, къ вѣчной лазури; надъ самыми мачтами летѣло легкое, пронизанное лучами солнца облако... Не душа ли византійской красавицы неслась на немъ вслѣдъ за безвѣстнымъ русскимъ воиномъ?..

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Надъ Днѣпромъ, гдѣ среди зеленыхъ холмовъ бѣлѣютъ стѣны Кіево-Печерской лавры и блистаютъ на солнцѣ золотые купола ея церквей, на старомъ кладбищѣ есть одна могила. Густо разрослись надъ ней дубы и березы, и время давно сгладило намогильный холмъ. Широко открывается отсюда даль: далеко стелются поля и синѣютъ лѣса, а внизу серебряною лентой вьется Днѣпръ. Есть преданіе, что самъ великій князь Владиміръ Всеволодовичъ, прозванный въ честь дѣда Мономахомъ, нерѣдко пріѣзжалъ молиться на этой могилѣ.

Съ особымъ почтеніемъ подходили къ ней, бывало, кіевляне; старый и сѣдой, какъ лунь, кладбищенскій сторожъ разсказывалъ имъ, что тутъ погребенъ сановникъ Византійскаго царя, привезшій чтимую въ княжеской семьѣ икону (перешедшую впослѣдствіи къ Смоленскимъ князьямъ и до нынѣ извѣстную подъ именемъ чудотворной Смоленской иконы), что много походовъ совершилъ онъ съ князьями и до глубокой

старости считался лучшимъ и ближайшимъ совѣтникомъ Владиміра.

Сторожъ ничего не могъ, конечно, разсказать о томъ вліяніи, которое человѣкъ этотъ имѣлъ на Владиміра Мономаха, на его нравъ и воззрѣнія; онъ не могъ объяснить, почему великій князь такъ искренне и горячо молился на забытой нынѣ могилѣ...

Могъ бы, вѣроятно, повѣдать объ этомъ старый Днѣпръ, но кто съумѣетъ понять, что̀ нашептываютъ струи его, когда въ ясный лѣтній день широко катитъ онъ свои синія воды, кто разберетъ, на что ропщутъ его волны, когда разгуляется онъ въ часы непогоды?...

Алексѣй Смирновъ.

ПРИМѢЧАНІЯ И ОБЪЯСНЕНІЯ.

ГЛАВА I.

Императрица Зоя и Склирена.

Зоя (1028—1051) и ея сестра Өеодора († 1056) были послѣднія представительницы Македонской династіи. У отца ихъ Константина VIII не было сыновей; желая передать престолъ въ мужскія руки, онъ рѣшилъ выдать замужъ младшую изъ своихъ перезрѣлыхъ дочерей—Өеодору, и выборъ его палъ на Константина Деласина, человѣка съ большою энергіей и съ выдающимися способностями. Но именно эти его достоинства были не по вкусу приближеннымъ императора, которые и успѣли возстановить его противъ Деласина и обратить вниманіе царя на патриція Романа Аргира. Престарѣлый патрицій имѣлъ жену и дѣтей; тѣмъ не менѣе ему предложена была императорская корона вмѣстѣ съ рукой царевны; въ случаѣ же отказа ему угрожали выколоть глаза. Не желая разставаться съ любимою супругой, Романъ былъ готовъ потерять зрѣніе, но жена его умолила не сопротивляться царской волѣ и, удалясь въ монастырь, приняла постриженіе. Өеодора, которой было болѣе сорока лѣтъ, не согласилась однако вѣнчаться съ мужемъ живой жены. Сорокавосьмилѣтняя Зоя оказалась менѣе разборчи-

вою: она вышла за Романа Аргира, который по смерти тестя сдѣлался императоромъ (1028).

Вскорѣ послѣ вступленія Романа III на престолъ, Ѳеодора приняла монашество и поселилась въ монастырѣ; это не мѣшало ей однако носить титулъ императрицы и даже единолично царствовать по кончинѣ сестры.

Императрица Зоя не отличалась супружескою вѣрностью и, несмотря на ея пятидесятилѣтній возрастъ, при дворѣ смѣняется цѣлый рядъ фаворитовъ, между которыми извѣстны Константинъ Артоклинъ и Константинъ Мономахъ. Наконецъ она плѣнилась Михаиломъ Пафлагономъ, молодымъ красавцемъ весьма низкаго происхожденія, братомъ одного изъ любимыхъ служителей Аргира—Іоанна евнуха. Подъ вліяніемъ послѣдняго, Зоя рѣшилась отравить своего супруга; отъ яда онъ долго хворалъ, лишился зубовъ и волосъ, но крѣпкій организмъ устоялъ, и онъ остался живъ. Наконецъ однажды преданные Зоѣ евнухи погрузили голову старика въ воду, когда онъ принималъ ванну. Послѣ этого захлебнувшійся императоръ уже не приходилъ въ себя и черезъ нѣсколько часовъ скончался. Зоя громко рыдала надъ умирающимъ мужемъ, но едва онъ закрылъ глаза, призвала патріарха и немедленно приказала ему обвѣнчать себя съ Михаиломъ Пафлагономъ. Это произошло въ ночь на великій четвертокъ, и патріархъ не соглашался совершать обрядъ вѣнчанія на страстной недѣлѣ, но наконецъ уступилъ угрозамъ, обѣщаніямъ и даже подкупу. Бракосочетаніе состоялось, и Михаилъ IV въ ту же ночь провозглашенъ былъ императоромъ (1034). Въ дѣйствительности власть перешла въ руки брата императора, монаха-евнуха, Іоанна Орфанотрофа.

Для Зои настали тяжелые дни: всесильный Іоаннъ держалъ ее какъ въ заключеніи. Онъ заставилъ ее усыновить и назначить наслѣдникомъ престола сына его сестры—носившаго также имя Михаила. Когда Михаилъ IV, окончательно измученный падучею болѣзнью, которою онъ страдалъ съ дѣтства, умеръ въ 1041 г., этотъ усыновленный племянникъ

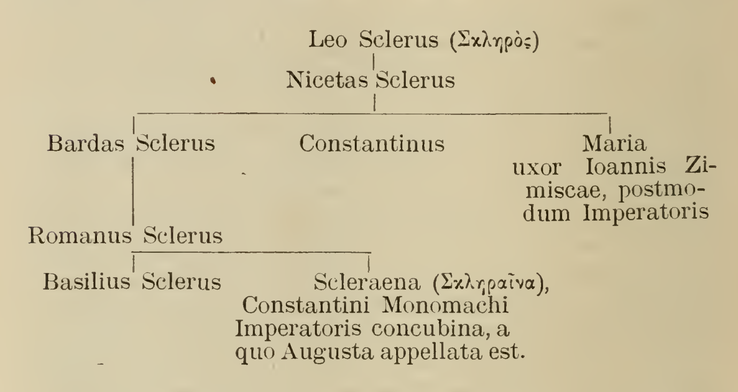
сдѣлался императоромъ подъ именемъ Михаила V, прозваннаго Калафатомъ (его отецъ былъ калафатъ—канапатчикъ судовъ). Молодой императоръ первымъ дѣломъ постарался отдѣлаться отъ опеки дяди и пріемной матери. Іоанна онъ отправилъ въ изгнаніе, а Зою велѣлъ постричь въ монастырѣ на о-вѣ Принкипо. Короткое царствованіе Михаила было несчастливо: голодъ, пожары, землетрясеніе разразились надъ Византіей. Наконецъ народъ возсталъ, свергъ Калафата и снова провозгласилъ Зою и Ѳеодору. По приказанію послѣдней, Михаилу V выкололи глаза и заключили его въ монастырь.

Двѣ престарѣлыя сестры недолго царствовали вдвоемъ: Зоя, не смотря на свой шестидесятилѣтній возрастъ, захотѣла въ третій разъ выйти замужъ. Она добилась отъ сената разрѣшенія, въ видахъ государственной необходимости нарушить законъ, строго запрещавшій третій бракъ. Вспомнился ей тотъ, на комъ остановилось когда-то вниманіе ея отца — а именно Константинъ Деласинъ. Со времени владычества Іоанна онъ сидѣлъ въ темницѣ. Зоя велѣла привести его и долго съ нимъ бесѣдовала, но его суровый и рѣшительный характеръ испугалъ и ее: она побоялась вторично попасть подъ опеку и потому приказала отвести Деласина обратно въ тюрьму. Затѣмъ она предложила своему бывшему фавориту Константину Артоклину развестись съ женой и обвѣнчаться съ нею; но супруга Артоклина, менѣе уступчивая, чѣмъ жена Романа Аргира, отравила своего мужа и себя.

Тогда императрица рѣшила отдать свою руку и царскій вѣнецъ другому своему бывшему фавориту, вдовцу послѣ второго брака, Константину Мономаху. Вскорѣ послѣ воцаренія Михаила IV, онъ, какъ и всѣ, кто когда-то былъ близокъ къ Зоѣ, былъ отправленъ въ изгнаніе всесильнымъ Іоанномъ Орфанотрофомъ. Мономахъ отправленъ былъ на островъ Митилену (древній Лесбосъ). Онъ принялъ предложеніе Зои, женился на ней и былъ коронованъ подъ именемъ Константина IX, Мономаха (12 іюня 1042).

*

Одновременно съ нимъ появляется въ Константинополѣ и раздѣлявшая добровольно его ссылку, возлюбленная его—Склирена, о которой говорятъ всѣ хроники того времени,—главнымъ образомъ Зонара, Пселлъ и Кедринъ. Она происходила изъ знатнаго рода Склировъ. Дюканжъ, перебибирая знаменитѣйшіе роды Византіи, въ своей Historia Byzantina (duplici commentario illustrata. Auctore Carolo Du Fresne, domino Du Cange. Venetüs. MDCCXXIX) приводитъ въ числѣ другихъ, не лишенную интереса родословную таблицу Склировъ. Вотъ она

Изъ рода Склировъ наиболѣе прославился дѣдъ Склирены—Варда Склиръ. Знаменитый полководецъ, одержавшій много блестящихъ побѣдъ, онъ былъ недоволенъ правленіемъ Василія II, Болгаробойцы. Въ 976 г. онъ поднялъ противъ него возстаніе, былъ войсками провозглашенъ императоромъ и примирился съ Василіемъ II лишь въ 989 г. Внукъ его—Василій Склиръ, братъ Склирены (Кедринъ называетъ его Романомъ), женатый на племянницѣ Романа III, занялъ при вступленіи Аргира на престолъ придворную должность протостратора (Cedrenus. II. 547. Patrololgiae cursus completus. I. P. Migne. Paris. 1864). При Константинѣ VIII Василій Склиръ дрался на поединкѣ съ Прусіаномъ Бол-

гариномъ (первый поединокъ въ исторіи Византіи) и посаженъ былъ за это на одинъ изъ мелкихъ островов Пропонтиды, а его соперникъ на другой островокъ (о-ва Плати и Оксія, принадлежащіе къ группѣ Принцевыхъ). Они могли постоянно видѣть другъ друга въ своемъ заключеніи. Константинъ VIII приказалъ выколоть Склиру глаза за попытку убѣжать съ этого острова.

Склирена была молода, прекрасна и знатна. (Ἡ δε καὶ νέας ἦν ἡλικίας, και κάλλους εἶχε τοῦ σώματος, περιτῶς, καὶ γένους ἐπιφανῶς. Ioannis Zonarae. Annalium. lib. XVII page 248. Migne. tome 136. p. 208). Очень рано потерявъ супруга, она сошлась съ Константиномъ Мономахомъ, который былъ много старше ея. Вдовецъ послѣ второго брака, Мономахъ не могъ жениться на Склиренѣ, такъ какъ третій бракъ въ то время строго осуждался закономъ. Тѣмъ не менѣе, когда во время владычества Іоанна-евнуха Мономаха постигла немилость и ссылка, Склирена послѣдовала за нимъ на Митилену, оставя въ Византіи все, что ей было дорого, и, будучи очень богата, не жалѣла денегъ, чтобы смягчить для него суровость изгнанія (Διὸ καὶ ὑπερορίαν, ὡς εἴρηται, καταδικασθέντι τόυτῳ τῷ βασιλεῖ, κἀκείνη τῶν ἁπάντων ὑπερώριζεν, ἵν' ὁρῴη τὸν ἐρῶντα τε καὶ ἐρώμενον καὶ μή εἴη αὐτοῦ ὑπερορίας, καὶ συναπήει τἀνδρὶ, πάντα γινομένη αὐτῷ καί την συμφοράν, ὥς οἷοντε συνεπικουφίσουσα, καὶ τῶν οἰκέμων ἐπιχορήγρωα τούτῳ, ἵνα μή πρός τὸις ἀλλήλοις καὶ ἐνδέια πιέροντο. Zonarae. 248.

Она же уговорила его принять руку Зои и императорскій вѣнецъ. Вернувшись вслѣдъ за Мономахомъ въ Византію, Склирена черезъ нѣкоторое время съ согласія императрицы, по особому указу сената, переселилась во дворецъ (Скабалановичъ. Византійское государство и церковь въ XI вѣкѣ. Спб. 1884 стр. 140). Она пользовалась положеніемъ особы, принадлежащей къ императорской семьѣ; участвовала въ процессіяхъ, сидѣла на престолѣ по лѣвую руку царя (по правую сидѣла Зоя), имѣла свой дворъ, тѣлохранителей и наконецъ торжественно была вѣнчана титуломъ Августѣйшей и Севасты (Augusta ар-

pellata est. Du Cange. — Τετίμητο δὲ ἡ γυνὴ σεβαστή. Zonarae. p. 249).

Умерла Склирена рано, «похищенная внезапною болѣзнью и оставя императора въ неутѣшномъ горѣ». (...ἄθροον ἀναρπάζεται νόσῳ καὶ θνήσκει, μέγα πένθος καταλιποῦσα τῷ βασιλεῖ. Ibidem).

Къ стр. 1, строка послѣдняя... «Зоя обмѣнялась даже, по требованію мужа, клятвами дружбы со Склиреной...»

«Даже говорятъ, что эти двѣ женщины, по желанію императора, обмѣнялись клятвами дружбы...» (Μᾶλλον μέντοι καὶ φιλίας ὅρκια λέγεται παρὰ τοῖν γυναίκοιν ἀμφοῖν τελεσθήσεσται, τοῦτο τοῦ αὐτοκράτορος ἀξιώσαντος. Zonarae. p. 249).

Къ стр. 2, строка 12... «получила названіе Гармоніи»...

Гармонія—Μουσικός. Подробное описаніе этой комнаты находится у Лабарта (Jules Labarte. Le Palais Impérial de Constantinople et ses abords, Sainte Sophie, le forum Augusteon et l'Hippodrome, tels qu'ils existaient au X siècle. Paris. 1861. page 73, 153 etc.). Вся Гармонія украшена была мозаикой изъ пестраго мрамора; особенно красивъ былъ полъ, напоминавшій лугъ, усѣянный цвѣтами.

Къ стр. 2, строка 4-ая съ конца... «царевна Евпрепія хлопочетъ объ этомъ назначеніи для Льва Торника».

Левъ Торникъ, племянникъ Мономаха, особенно покровительствуемый сестрой императора, царевной Евпрепіей, былъ посланъ управлять Иверіей на мѣсто Михаила Ясита (Скабалановичъ, стр. 62 и 202). Впослѣдствіи Торникъ возсталъ противъ своего дяди и едва не завладѣлъ Константинополемъ, но былъ взятъ въ плѣнъ. Царь приказалъ его ослѣпить, и приговоръ былъ исполненъ во время навечерія наканунѣ праздника Рождества Христова (Lebeau. Histoire du Bas-Empire. Paris 1883. tome XIV— Скабалановичъ, стр. 62 и слѣд.).

Къ стр. 3, строка 20... «полные червонцевъ кувшины».

Расточительность Мономаха не знала предѣловъ; онъ осыпалъ Склирену подарками. Увидя однажды во дворцѣ изящный мѣдный кувшинъ съ рѣзьбой и рисунками, онъ приказалъ наполнить его червонцами и отправилъ къ Склиренѣ. Такія подношенія дѣлались безпрерывно. (Скабалановичъ, стр. 298).

Къ стр. 4, строка 14... «ключи хранятся у папіи».

Папія (παπίας или παππίας) — первоначально этимъ именемъ назывался ключарь или привратникъ, хранившій ключи отъ входныхъ дверей дворца, но впослѣдствіи такъ назывался одинъ изъ высшихъ придворныхъ сановниковъ, у котораго продолжали однако храниться ключи отъ входа во дворецъ, всегда запиравшійся на ночь. Папія вмѣстѣ съ этеріархомъ, начальникомъ дружины (этеріи), самолично запираетъ по вечерамъ всѣ выходы изъ дворца и по утрамъ также самолично ихъ отпираетъ (Д. Ѳ. Бѣляевъ. Byzantina. Кн. I. Спб. 1891. Приложеніе, стр. 145 и слѣд.).

Къ стр. 6, строка 21, — ...«Въ это время умеръ Михаилъ IV...»

Передъ кончиной Михаилъ IV принялъ постриженіе въ монастырѣ безсребренниковъ Косьмы и Даміана или Козмидіонѣ, лежавшемъ въ вершинѣ Золотаго рога, гдѣ нынѣ находится Эюбъ. Узнавъ о близости его кончины, императрица Зоя съ плачемъ и рыданіями пѣшкомъ прошла весь городъ и явилась въ монастырь, но умирающій императоръ отказался ее видѣть. (Lebeau. tome XIV, p 305).

Къ стр. 6, строка 21... «пронеслось бурное и короткое царствованіе Михаила V, Калафата».

Михаилъ V, Калафатъ — племянникъ Михаила IV и Іоанна Орфанотрофа, по настоянію послѣдняго усынов-

ленный Зоей. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ несчастливаго царствованія, сверженъ возставшимъ населеніемъ столицы. Зоя и Өеодора вновь провозглашены императрицами. Калафатъ искалъ убѣжища въ Студійскомъ монастырѣ, но былъ схваченъ и, по приказанію Өеодоры, ослѣпленъ. Около мѣсяца сестры царствовали вдвоемъ; отдавъ свою руку Мономаху, Зоя успѣла постепенно совсѣмъ устранить Өеодору отъ дѣлъ.

Къ стр. 6, строка 5 съ конца... «Ее поселили сперва въ роскошномъ домѣ въ Манганахъ».

Не рѣшаясь сразу помѣстить свою подругу въ императорскій дворецъ, ожидая согласія Зои и указа сената, Мономахъ выстроилъ Склиренѣ домъ въ Манганахъ (около нынѣшняго мыса Стараго Сераля) близъ сооружаемаго имъ роскошнаго монастыря Св. Георгія, въ которомъ онъ и былъ впослѣдствіи похороненъ. (Н. Кондаковъ. Византійскія церкви и памятники Константинополя. Одесса. 1886, стр. 71).

Къ стр. 7, строка 10. — «Это случилось... 9-го Марта 1044 г.».

Бунтъ противъ Склирены подробно описанъ у Кедрина. Народъ кричалъ: «Ἡμεῖς τὴν Σκληραῖναν βασιλεῖαν οὐ θέλομεν οὐδέ δι'αὐτήν αἱ μάνναι ἡμῶν αἱ πορφιρογέννηται Ζωή τε καὶ Θεοδώρα θανῦνται!» (Georgii Cedreni. Historiacum compendium, p. 566. Migne. p. 288).

Возмущеніе улеглось лишь благодаря вмѣшательству Зои, обратившейся къ толпѣ съ успокоительною рѣчью изъ окна священнаго дворца. (Скабалановичъ. стр. 57).

Къ стр. 7, строка 19. — «Она знаетъ, что суровый Михаилъ Керулларій далеко не другъ ея...».

Михаилъ Керулларій, замѣстившій умершаго въ 1043 г. патріарха Алексѣя, былъ постриженъ въ монашество при Михаилѣ IV, когда Іоаннъ обвинилъ его въ заго-

ворѣ и сослалъ въ заточеніе. Керулларій отличался образованіемъ, строгостью жизни и разсудительностью. При этомъ патріархѣ произошелъ разрывъ западной и восточной церквей. (Скабалановичъ, стр. 377 и слѣд.).

Къ стр. 8, строка послѣдняя. — «Вспоминаются ей пиры и оргіи въ Жемчужинѣ...».

Жемчужина—la perle—Μαργαρίτης—дворецъ, примыкавшій къ большому дворцу и сооруженный императоромъ Ѳеофиломъ. Триклинъ (залъ, пріемная) былъ украшенъ по стѣнамъ мозаикой изъ мраморовъ, полъ былъ изъ проконезскаго мрамора. Сводчатый потолокъ опочивальни покоился на мраморныхъ колоннахъ и былъ покрытъ золотою мозаикой. Чудный видъ открывался съ террасъ Жемчужины. (Labarte. p. 71 et suiv. — Н. Кондаковъ. Визант. церкви, стр. 54).

ГЛАВА II.

Къ стр. 10, строка 13... «ярко загорѣлись золотые купола новой церкви Василія Македонскаго».

Храмъ, извѣстный подъ именемъ «новой базилики», построенъ былъ Василіемъ Македонскимъ. Украшенный внутри мраморами, мозаиками, золотомъ, жемчугомъ и дорогими каменьями, онъ блисталъ поразительнымъ великолѣпіемъ. Пять куполовъ его были позолочены, окруженный колоннадой, внутренній дворъ вмѣщалъ два фонтана (Кондаковъ. Виз. церкви, стр. 59). Конечно, теперь отъ этой церкви, также какъ и отъ всего священнаго дворца, не осталось и слѣда. Лабартъ помѣщаетъ «новую базилику» на склонѣ холма къ Мраморному морю (Labarte. p. 81 et suiv).

Къ стр. 12. строки послѣднія. «Архипелагъ небольшихъ острововъ, издавна получившихъ названіе «Принцевыхъ».

Архипелагъ острововъ Пропонтиды или Принцевыхъ состоитъ изъ: Принкипо — самого большаго острова, Халки—древняя Халцида, Проти, Антигони—древній Панормъ, и трехъ маленькихъ: Андеровиѳа, Пита и Ніандро; къ этой же группѣ причисляются дальше въ морѣ лежащіе— Плати и Оксія—на коихъ заключены были послѣ поединка Василій Склиръ и Прусіанъ Болгаринъ. На Плати нынѣ находятся развалины виллы бывшаго англійскаго посла въ Константинополѣ, лорда Бульвера, проданной имъ одному изъ египетскихъ принцевъ. Подробное описаніе Принцевыхъ острововъ, въ связи съ историческою ихъ ролью находится въ книгѣ «Les îles des Princes, par Gustave Schlumberger. Paris. 1884».

Отъ женскаго монастыря, лежавшаго на юго-восточномъ берегу, противъ о-ва Андеровиса, теперь почти не осталось слѣдовъ; можно замѣтить лишь остатки большой цистерны, немного пониже дороги, опоясывающей островъ. Монастырь этотъ былъ разрушенъ турками. Мужской монастырь Св. Георгія на самой высокой вершинѣ острова, носящей то же имя, существуетъ и понынѣ. На другой вершинѣ, среди сосноваго лѣса пріютился монастырь Христо.

Въ средніе вѣка Принцевы о-ва, такъ же какъ и малоазіатскій или Виѳинскій (Брусскій) Олимпъ, вершины котораго въ ясную погоду отчетливо видны изъ Константинополя,—покрыты были монастырями.

Къ стр. 14, строка 23. — «Драгоцѣнная, украшенная миніатюрами рукопись, въ переплетѣ изъ барельефовъ по слоновой кости...»

Византія славилась барельефами по слоновой кости не менѣе, чѣмъ эмалями, мозаиками и шелковыми тканями. Въ XI в. существовалъ уже обычай переплетать въ такіе барельефы дорогія рукописи и священныя книги, которыя въ громадномъ количествѣ экземпляровъ переписывались въ монастыряхъ (Ch. Bayet. L'art Byzantin. Paris. A. Quantin edit. p. 196).

Миніатюры и орнаменты рукописей XI в. относятся къ хорошей эпохѣ византійскаго искусства; XI в. и половину XII Кондаковъ называетъ эпохой вторичнаго процвѣтанія миніатюры. (Н. П. Кондаковъ. Исторія византійскаго искусства и иконографіи по миніатюрамъ греческихъ рукописей. Одесса. 1876. стр. 133—4).

Къ стр. 15, строка 15—«у Мономаха опять тяжелый припадокъ подагры».

Константинъ IX сильно страдалъ подагрой («Tourmenté des douleurs de la goute, il passa dans son lit une grande partie de son règne»... Lebeau. XIV p. 322).

Въ послѣднее время своего царствованія онъ совсѣмъ не могъ ходить и стоять; говорить ему было трудно, повернуть голову больно. Его усаживали въ носилки даже для того, чтобы изъ одной комнаты перенести въ другую. Въ молодости Мономахъ славился красотой, силой мышцъ и ловкостью въ состязаніяхъ. (Скабалановичъ, стр. 56). Самое прозваніе Мономахъ—значитъ единоборецъ.

Къ стр. 16, строка 5.—«Пожалѣй своихъ племянниковъ; судьба лишила ихъ матери...»

Пульхерія, жена Склира и сестра императора Романа III Аргира (по другимъ источникамъ—его племянница) умерла въ изгнаніи, которому она съ мужемъ подверглась за то, что пыталась открыть Аргиру глаза на поведеніе Зои и на ея отношенія къ Михаилу Пафлагону. (Скабалановичъ, стр. 25—6).

Къ стр. 17, строка 16.—«Она вспомнила о смѣломъ набѣгѣ россовъ...»

Въ 1043 г. у русскихъ купцовъ, жившихъ въ Царьградѣ вышли несогласія съ мѣстными жителями. Послѣ серьезнаго столкновенія, во время котораго было убито нѣсколько человѣкъ, русскіе удалились на родину. Ярославъ Мудрый, княжившій тогда въ Кіевѣ, собралъ войско, посадилъ его на суда и отправилъ на Царьградъ подъ начальствомъ

*

сына своего Владиміра Ярославича и воеводы Вышаты. Русскія суда остановились на якоряхъ при входѣ въ Босфоръ. Узнавъ о томъ, Мономахъ послалъ сказать князю Владиміру, что частный споръ не долженъ вызывать столкновенія двухъ народовъ, давно уже живущихъ въ мірѣ, но что во всякомъ случаѣ онъ согласенъ дать удовлетвореніе по справедливости. Послы, передавшіе эти слова императора, были оскорблены русскими. Тогда Константинъ IX велѣлъ посадить въ тюрьму всѣхъ русскихъ въ Константинополѣ и въ другихъ городахъ и, снарядивъ нѣсколько триремъ, выѣхалъ на встрѣчу врагамъ. Тутъ онъ еще разъ пытался окончить дѣло миромъ, но на всѣ его предложенія Владиміръ гордо отвѣчалъ, что прежде чѣмъ говорить о мирѣ, надо заплатить по три золотыхъ каждому изъ его воиновъ. Видя, что попытки избѣжать кровопролитія не удаются, Мономахъ далъ Василію Ѳеодорокану приказаніе напасть на незванныхъ пришельцевъ. Немедленно были подожжены семь русскихъ судовъ, пять потоплены; пораженные ужасомъ русскіе обратились въ бѣгство; суда ихъ разбивались о скалы, много народу потонуло, а спасавшихся или забирали въ плѣнъ, или же ихъ безжалостно рѣзала стоявшая на берегу Босфора греческая конница. До 15 тысячъ труповъ найдено было на берегу по окончаніи сраженія. Русскіе удалились въ одинъ изъ ближайшихъ портовъ Чернаго моря; тамъ собрались всѣ уцѣлѣвшія ихъ суда, которымъ и удалось одержать побѣду надъ греческими судами, преслѣдовавшими ихъ по пятамъ; четыре корабля были захвачены русскими, нѣсколько погибло. Довольствуясь этою побѣдой, Владиміръ Ярославичъ и Вышата поплыли обратно въ Кіевъ, но значительная часть русскихъ силъ, не имѣя судовъ, сожженныхъ и потопленныхъ во множествѣ, вынуждена была возвращаться сухимъ путемъ. Около Варны ихъ нагналъ полководецъ Каталонъ, напалъ на нихъ врасплохъ, перерѣзалъ много народу и прислалъ въ Царьградъ болѣе восьмисотъ плѣнныхъ (Cedreni. p. 551. etc. Migne. t. 122. p. 284).

ГЛАВА III.

Къ стр. 21, стр. 15—«... рѣзко раздался ударъ въ било...»

Употребленіе колоколовъ не было распространено въ Византіи; сзывали въ церковь ударомъ въ било—металлическую, а иногда даже деревянную доску. На Аѳонѣ и во многихъ греческихъ монастыряхъ и церквахъ этотъ обычай держится и доселѣ.

Къ стр. 21, строка предпослѣдняя—«... Она встала въ свою стасидію...»

Въ греческихъ цервахъ, во всѣхъ храмахъ Св. Аѳонской горы, да и у насъ въ Россіи въ нѣкоторыхъ старинныхъ монастыряхъ до сихъ поръ уцѣлѣли стасидіи или формы. Такъ называется мѣсто для сидѣнія, съ высокими ручками и спинкой; если откинуть прикрѣпленную на петляхъ доску для сидѣнія, въ стасидіи очень удобно стоять, облокотясь на ея ручки. Стасидіи тянутся обыкновенно рядами вдоль стѣнъ храма. На Аѳонѣ, гдѣ всенощное бдѣніе продолжается всю ночь, а въ общей сложности служба длится иногда долѣе двѣнадцати часовъ кряду, безъ стасидій почти невозможно было бы выстоять.

Къ стр. 22, строка 19—«Торжествеоный возгласъ: «Слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ» и пѣніе: «Слава въ вышнихъ Богу!» — радостно встрѣчаетъ рождающуюся зарю.» Въ монастыряхъ, гдѣ всенощное бдѣніе и заутреня продолжаются всю ночь, возгласъ этотъ дѣйствительно встрѣчаетъ зарю.

ГЛАВА IV.

Къ стр. 26, строка 13—«... опоясанныя дамы хоромъ осуждаютъ тебя...»

«Опоясанныя дамы»—ἡ ζωστή—былъ придворный чинъ для женщинъ. Высшимъ отличіемъ для женщины считалось

званіе Севасты, принадлежавшее Склиренѣ, а впослѣдствіи Маріи Аланкѣ. Съ нимъ соединялся титулъ «августѣйшей» и всѣ отличія лицъ, принадлежавшихъ къ царскому дому. Сама императрица титуловалась обыкновенно «августа-Севаста» (Скабалановичъ, стр. 162).

Къ стр. 27, строка 21—«... первый министръ, всесильный Константинъ Лихудъ...»

Лихудъ принадлежалъ къ одному изъ лучшихъ родовъ Византіи. Прекрасно образованный, надѣленный отъ природы даромъ слова и привлекательною наружностью, онъ, будучи какъ первый министръ всемогущимъ, особенно при слабохарактерномъ Константинѣ IX, вполнѣ сохранилъ свою честность и неподкупность. Въ концѣ своего царствованія Мономахъ, внявъ голосу дворцовыхъ происковъ, удалилъ Лихуда отъ должности, но продолжалъ поддерживать съ нимъ дружескія сношенія и отдалъ ему въ пронію (родъ аренды) Манганы—цѣлый кварталъ Константинополя. При Исаакѣ Комнинѣ Лихудъ снова былъ сдѣланъ первымъ министромъ, а въ 1059 г., по настоянію императора, постригся и былъ немедленно возведенъ на патріаршій престолъ, по кончинѣ Михаила Керулларія. (Подробности см. у Скабалановича, стр. 390).

Къ стр. 27, строка 23—«...начальникъ тѣлохранителей этеріархъ Романъ Боила...»

Романъ Боила, этеріархъ, т. е. начальникъ этеріи—дружины—былъ возвышенъ Мономахомъ, любившимъ посмѣяться надъ его разсказами, надъ его косноязычіемъ и малымъ ростомъ. Впослѣдствіи Боила запятналъ себя черною неблагодарностью; онъ покушался убить своего благодѣтеля Константина IX, съ цѣлью завладѣть престоломъ. Безхарактерный Мономахъ не рѣшился даже подвергнуть Боилу заслуженному имъ серьезному наказанію (Скабалановичъ, стр. 66).

Къ стр. 27, строка 25—«...философъ, поэтъ и историкъ Пселлъ.»

Пселлъ («Psellus — l'homme le plus instruit de son siècle»... Lebeau. XIV p. 237) былъ сдѣланъ протоасикритомъ (министромъ юстиціи) въ царствованіе Мономаха. Знаменитый въ свое время какъ ученый, философъ и поэтъ, онъ оставилъ много трактатовъ, историческихъ замѣтокъ, хроникъ и стихотвореній. Вращаясь при дворѣ, пользуясь довѣріемъ царей и дружбой такихъ лицъ, какъ Лихудъ, Пселлъ былъ посвященъ въ самую интимную жизнь дворца, и потому его записки представляютъ особый интересъ. Написанная имъ хроника обнимаетъ историческія событія середины и второй половины XI вѣка. Пселлъ, съ учителемъ своимъ Іоанномъ Мавроподомъ и ученикомъ Италомъ являются самыми видными поборниками возстановленія въ XI в. ученія Платона. (Ѳ. И. Успенскій. Очерки византійской образованности. Спб. 1892, гл. III, стр. 149 и слѣд.). Подробная біографія Пселла издана вмѣстѣ съ его сочиненіями въ Patrologia graeca accurante J. P. Migne. Paris. 1864. tome. 122. Интересна книга П. В. Безобразова (Византійскій писатель и государственный дѣятель Михаилъ Пселлъ. Москва, 1890, ч. I. Біографія Пселла), характеризующая льстиваго и низкопоклоннаго философа-царедворца.

Къ стр. 28, строка 14... «какія строфы написалъ въ честь твоего возвращенія мой другъ Пселлъ.»

Въ сочиненіяхъ Пселла находится стихотворное изложеніе халдейскихъ предсказаній, compendium legum versibus iambis et politicis, стихотвореніе о сродствѣ движеній небесныхъ тѣлъ съ движеніями души. Въ этомъ послѣднемъ стихотвореніи поэтъ говоритъ:

Ὁ νοῦς γὰρ ἡμῶν, οἷα λαμπρὸς φοσφόρος
Τόν ἥλιον πως εἰκονίζει πανσόφως
Τῆς δ᾽αὖ σελήνης ἐστὶν ἡ ψυχή τύπος...

(Τοῦ Ψέλλου Μιχαηλ. Migne. t. 122. p. 1075).

Къ стр. 28, стр. 19... «Какой земной богъ можетъ сравняться съ тобой, моимъ царемъ и богомъ?»

Эта фраза представляетъ подлинныя слова Пселла,— такъ обращается онъ къ Мономаху въ одномъ изъ своихъ писемъ къ нему. (Безобразовъ. М. Пселлъ. стр. 146.)

Къ стр. 31, строка 16... «Священный, Богомъ хранимый дворецъ» и т. д.

Подробное описаніе дворца Августеона и другихъ памятниковъ находится у Лабарта (Jules Labarte. Palais Impérial de Consple et ses abords. p. 31. et seqq). Дворцы Халки, Даѳни, Каѳизма и собственно священный дворецъ (τό ἱερὸν παλάτιον) находились около Св. Софіи, примыкая къ ипподрому и занимая площадь, на коей возвышается нынѣ мечеть Султана Ахмеда и цѣлый рядъ турецкихъ домовъ между этою мечетью и Св. Софіей. Кафизма (κάθισμα), небольшой дворецъ, вмѣщавшій императорскую трибуну или ложу царя надъ ипподромомъ съ относящимися къ ней покоями—выдвигалась на ипподромъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь разбитъ небольшой садикъ съ кофейней, замыкающій собою площадь Ат-мейдана. На лѣво отъ каѳизмы была церковь св. Стефана. Нынѣшнее зданіе тиджарета (гражданскаго суда) занимаетъ мѣсто триклина Магнауры и Сената, а широкая, прямая, обсаженная деревьями улица, упирающаяся въ тиджаретъ—вмѣстѣ съ частью двора Св. Софіи, застроенною теперь султанскими тюрбе (надгробными часовнями)—составляютъ мѣсто, гдѣ былъ расположенъ знаменитый форумъ Августеона. Двойной рядъ колоннъ окружалъ эту площадь; посреди нея возвышался Миллій (τό Μίλλιον), украшенная статуями тріумфальная арка въ три пролета, отъ которой считались всѣ разстоянія имперіи. Бронзовая конная статуя Юстиніана красовалась передъ Милліемъ, на Августеонѣ же находились: крестъ Константина Великаго, фонтанъ пророка Даніила, порфировая колонна со статуей Фэба-Аполлона, нѣсколько богатыхъ часовенъ и знаменитыхъ античныхъ статуй. Авгу-

стеонъ представлялъ изъ себя настоящій музей рѣдкостей и памятниковъ искусства, при чемъ христіанскія святыни стояли рядомъ съ изображеніями боговъ древней Греціи.

По одну сторону Августеона высились купола Св. Софіи (купола эти были позолоченные, а самъ храмъ былъ снаружи бѣлымъ), по другую — бронзовая дверь вела въ Халки — дворецъ, получившій отъ этой двери свое названіе (Χαλκὸς—значитъ мѣдь). Въ немъ тянулся длинный рядъ залъ, часовенъ, внутреннихъ цвѣтниковъ. Къ Халки съ сѣверо-запада примыкала большая церковь св. Стефана и Каѳизма-дворецъ царской трибуны. Позади Халки тянулся Дафнейскій дворецъ или Дафни, знаменитый своими колоннадами. Съ юго-востока къ этимъ великолѣпнымъ зданіямъ примыкалъ собственно священный дворецъ, отдѣленный отъ Халки и Дафни широкимъ атріумомъ (внутреннимъ дворомъ), называвшимся Таинственнымъ фіаломъ Сигмы. На него величественно выступала Сигма, порталъ священнаго дворца; шестнадцать колоннъ фригійскаго мрамора были расположены въ формѣ буквы Σ (сигма). По стѣнамъ на мраморныхъ доскахъ выгравированы были стихи; два бронзовые льва, помѣщавшіеся въ нишахъ, выбрасывали изъ своихъ пастей фонтаны воды. Спереди, между двухъ широкихъ лѣстницъ, сбѣгавшихъ въ атріумъ, на выдающейся площадкѣ красовался балдахинъ на четырехъ колоннахъ зеленаго ѳессалійскаго камня. Здѣсь въ торжественные дни, когда толпа допускалась въ атріумъ, ставился царскій тронъ. Фонтанъ посреди двора билъ изъ золотыхъ раковинъ и падалъ въ огромную серебряную чашу бассейна. Во время торжествъ воду останавливали, и въ фонтанъ накладывали сластей для народа. Фіалъ — собственно значитъ фонтанъ, но это названіе получали и дворы (атріумы), украшенные фонтанами. Фіалъ Сигмы получилъ названіе «Таинственнаго» отъ сосѣдства съ Тайной — (τὸ Μυστήριον) — залой, гдѣ, по странной тайнѣ акустики, шепотъ съ одного конца можно было явственно разслышать на другомъ.

Священный дворецъ представлялъ опять множество галлерей, часовень, церквей, покоевъ и залъ-триклиновъ. Τὸ τρικλίνιον—собственно значитъ комната съ тремя ложами—столовая, но въ Византіи слово это видоизмѣнило значеніе; триклинами назывались большія залы съ прилежащими къ нимъ покоями, или даже цѣлыя отдѣльныя зданія, включавшія отдѣльное, полное помѣщеніе. Въ священномъ дворцѣ извѣстны триклины Триконха, Эрота, Хризотриклинъ (золотая палата), Жемчужина, Кенургъ и др.

Въ дворцовыхъ садахъ, по террасамъ, спускавшимся къ морю, были разбросаны многія храмы и дворцы: храмъ св. Ирины, вышеупомянутая «новая базилика», церковь Богородицы «Орла» и кіоскъ того же имени, укрѣпленный замокъ Буколеонъ близъ самаго моря, Порфирный кіоскъ, куда обыкновенно переселялись царицы въ ожиданіи увеличенія семьи (отсюда, быть можетъ, титулъ «порфирородный»). Дворцовые зданія и сады были окружены неприступными стѣнами.

Къ стр. 32, строка 2... «къ длинной галлереѣ Сорока мучениковъ примыкала Жемчужина, — помѣщеніе Склирены, и Кенургъ, внутренніе покои царя...»

Галлерея Сорока мучениковъ соединяла триклинъ Эрота, построенный императоромъ Θеофиломъ, съ иліакомъ Фараманка (τὸ ἡλιακὸν—площадка, окруженная колоннадой подъ открытымъ небомъ, служившая преддверіемъ храма или залы. Иліакъ Фара предшествовалъ храму Богородицы Фара и башнѣ дворцоваго маяка). Къ галлереѣ Сорока мучениковъ прилегали триклины: Триконхъ, Жемчужина, Хризотриклинъ и галлерея Орологія, которая вела въ Кенургъ (Labarte).

Кенургъ, выстроенный Василіемъ Македонскимъ, включалъ внутренніе покои царя. Онъ славился своими мозаиками по золотому полю (Н. Кондаковъ. Визант. церкви, стр. 58).

Золотая палата (Χρυσοτρικλίνιον),—въ коей угощали рус-

скую княгиню Ольгу, когда она пріѣзжала въ Царьградъ принять св. крещеніе,—представляла изъ себя восьмигранную залу съ большимъ куполомъ; каждая сторона восьмиугольника была прорѣзана аркадами и за ними помѣщалось восемь полукруглыхъ боковыхъ залъ, которыя, такимъ образомъ, лучами располагались вокругъ средней залы. Каждая изъ нихъ имѣла свое назначеніе: въ одной царь облачался въ вѣнецъ и порфиру, въ другой ожидалъ патріархъ аудіенціи у императора, въ третьей помѣщался хоръ пѣвчихъ во время пировъ, въ четвертой была часовня св. Ѳеодора, гдѣ хранились царскія регаліи и т. д. Въ восточной нишѣ помѣщался императорскій престолъ; надъ нимъ, въ полукуполѣ потолка, виднѣлся мозаичный образъ Спасителя; согласно обычаю, императоръ, выходя изъ Кенурга, всегда останавливался на молитву передъ этимъ образомъ. Мозаичный полъ былъ изъ драгоцѣнныхъ мраморовъ, серебра и порфира, а двери изъ массивнаго серебра съ барельефами; все это было выполнено по рисункамъ императора Константина VII, Багрянороднаго. Пурпурныя занавѣсы задергивались между колоннъ, огромная люстра—πολυκάνδελον—свѣшивалась съ середины купола (Labarte. p. 75 etc.—Д. Бѣляевъ. Byzantina. кн. I, гл. I, стр. 10—45).

ГЛАВА V.

Къ стр. 34... «по случаю Троицына дня въ одеждахъ преобладалъ бѣлый цвѣтъ».

Царь надѣвалъ въ Троицу бѣлыя одежды, въ нарядахъ толпы также преобладалъ бѣлый цвѣтъ и серебро. Парадныя царскія облаченія, вышитыя камнями, отличались непомѣрною тяжестью, такъ что во время длинныхъ церемоній цари вынуждены были иногда удаляться, чтобы хоть на нѣсколько минутъ отдохнуть отъ тяжелыхъ одеждъ и украшеній.

Всѣ подробности царскаго выхода заимствованы изъ

интереснѣйшаго труда проф. Дм. Ѳ. Бѣляева (Byzantina. кн. II. Спб. 1893), гдѣ со всѣми подробностями изложенъ порядокъ царскихъ выходовъ и пріемовъ.

Къ стр. 35, строка 2... «Мономахъ перешелъ къ стоявшему на возвышеніи трону, опустился въ золоченое кресло направо и велѣлъ позвать логоѳета».

Все это подробно изложено у Бѣляева (Byzantina. кн. II, стр. 16).

Къ стр. 35, строка 14... «Во имя Господа, жалуетъ мое отъ Бога царское величество» и т. д...

Такова подлинная форма царскаго посвященія въ чинъ (Бѣляевъ, кн. II, стр. 18). Спаѳарій — придворный чинъ — меченосецъ (σπάθη — мечъ). Чинъ соотвѣтствовалъ по значенію болѣе или менѣе нашему чину маіора. Выше шли чины спаѳаро-кандидата и протоспаѳарія. — Собственно непосредственно царемъ жаловался только чинъ протоспаѳарія, и церемоніалъ производства въ этотъ чинъ подробно описывается у Константина Порфиророднаго (Constantini Porphyrogeneri, De ceremoniis aulae Byzantinae. — Patrologiæ cursus completus. Patrologiæ graecæ tomus CXII. J. P. Migne. Paris. 1864. p. 5, nota 42. p. 109,—p. 15, nota 4, p. 187— et p. 160. caput LIX, p. 541).

Къ стр. 36, строка 4... «привѣтственныя пѣснопѣнія димовъ—партій цирка. Два димарха» и т. д.

«Партіи цирка и димы въ Константинополѣ», статья проф. Ѳ. И. Успенскаго (въ «Византійскомъ Временникѣ», издаваемомъ при Императорской академіи наукъ. Спб. 1894, т. I, вып. I) разсматриваетъ значеніе партій димовъ и партій цирка въ Византіи. Повидимому, въ ихъ положеніи и въ представляемыхъ ими царю «ливеларіяхъ» существовало прежде совсѣмъ иное значеніе, чѣмъ это было въ послѣдніе вѣка существованія Византіи. Представляя ливеларіи, димархи обертываютъ руку краемъ хламиды, такъ

какъ подавать что-либо царю не обернутою рукой—считалось неприличнымъ.

Къ стр. 38, строка 10... «Это была обыкновенная византійская толпа...»

Характеристику столичнаго населенія Византіи въ XII вѣкѣ находимъ у проф. Ѳ. Ив. Успенскаго. «Византійскій писатель Никита Акоминатъ изъ Хонъ. Спб. 1874, стр. 92—103».

Къ стр. 40, строка 19... «она заставляла Пселла разсказывать древнегреческіе миѳы...»

Пселлъ дѣйствительно разсказывалъ Склиренѣ древнегреческіе миѳы. (Безобразовъ, Мих. Пселлъ, стр. 19).

ГЛАВА VI.

Къ стр. 43, строка 1..... «бунтъ Эротика...»

Возстаніе Эротика, намѣстника на о-вѣ Кипрѣ, вспыхнувшее въ 1048 г., было вскорѣ подавлено. Ѳеофилъ Эротикъ попался въ плѣнъ и долго томился въ тюрьмѣ; его одѣвали въ женское платье и выводили на смѣхъ народу во время игръ на ипподромѣ, когда кончался бѣгъ колесницъ. (Lebeau XIV page 321). Возстаніе Маніака въ томъ же году въ Италіи было нѣсколько упорнѣе, но и его удалось подавить. Голова мятежника была положена къ ногамъ Константина IX, который сдѣлалъ торжественный пріемъ побѣдителямъ, сидя на престолѣ между Зоей и Склиреной (Lebeau. XIV page 326 etc).

Къ стр. 43, строка 2... «вѣроятность войны съ турками...»

Война съ турками начата была Мономахомъ въ 1048 г.

Къ стр. 43, строка 16. «За исключеніемъ оффиціальныхъ случаевъ, эти двѣ женщины избѣгали встрѣчи».

...«И никогда царица не входила къ императору, не убѣ-

дясь, что онъ одинъ, безъ своей возлюбленной...» (Καὶ οὔποτε ἡ Αὔγουστα προσῄει τῷ βασιλεῖ, εἰ μὴ τῆς ἐρωμένης μεμονῶσθαι τοῦτον ἀπεκριβώσατο...» Zonarae, lib. XVII p. 249. Migne, t. 135, p. 209).

Къ стр. 45, строка 10. «Они поскакали, съ Боилой во главѣ, по большому тріумфальному пути къ золотымъ воротамъ...»

Тріумфальный путь проходилъ приблизительно тамъ же, гдѣ теперь идетъ большая улица отъ Св. Софіи, мимо площади Сераскерата къ Ак-сараю и далѣе, мимо Студійскаго монастыря (нынѣ мечеть Эмиръ-Ахора), къ Семибашенному замку, гдѣ, по всей вѣроятности, и были Золотые ворота. Пять форумовъ лежало на этомъ пути; начинаясь у Миллія, на форумѣ Августіонѣ, улица, украшенная двойными портиками съ обѣихъ сторонъ, вела къ форуму Константина, гдѣ и понынѣ печально высится его полуразрушенная колонна — colonne brulée; потомъ путь шелъ къ большому форуму Ѳеодосія, занимавшему всю площадь передъ нынѣшнею мечетью Султана Баязида; собственно та часть, гдѣ проходилъ тріумфальный путь, называлась Artopolion. Затѣмъ шелъ форумъ Bovis, и наконецъ форумъ Аркадія на теперешнемъ Авретъ-базарѣ, гдѣ еще сохранились печальные остатки основанія колонны императора Аркадія. За форумомъ Аркадія находились старые Золотые ворота и разрушенныя стѣны Константина, которыя были оставлены послѣ сооруженія Ѳеодосіемъ новыхъ стѣнъ. Далѣе до Ептапирга или Семибашеннаго замка тянулся болѣе пустынный кварталъ Ксеролофа съ огородами, фруктовыми садами, пустырями, кладбищами, лагерными стоянками и мѣстами казни.

Византія славилась роскошью фонтановъ на перекресткахъ, красотой и изяществомъ портиковъ на главныхъ улицахъ, множествомъ памятниковъ, колоннъ и статуй. Всѣ лучшія произведенія древней Греціи были перевезены императорами въ свою столицу... Многія изъ этихъ замѣчательностей погибли задолго до взятія Константинополя тур-

ками, а именно во время варварскихъ грабежей крестоносцевъ; нѣкоторыя были увезены ими на западъ, какъ, напр., вывезенные изъ Греціи бронзовые кони работы Лизиппа, украшавшіе боковыя лѣстницы ипподрома, а нынѣ поставленные на фронтонѣ собора Св. Марка въ Венеціи, или запрестольный образъ и священные сосуды изъ Св. Софіи, находящіеся въ томъ же соборѣ. Никита Хоніатъ описываетъ нѣкоторые памятники и статуи, уничтоженные латинянами (Никита Хоніатъ, изд. Петербургской Дух. Академіи, 1860, II. Описаніе статуй).

Не смотря на многочисленныя археологическія изслѣдованія Византіи, трудно составить себѣ понятіе о быломъ великолѣпіи этой столицы міра. Интересныя свѣдѣнія даетъ одинъ изъ первыхъ изслѣдователей Жилль, посѣтившій Константинополь почти два съ половиной вѣка тому назадъ. (P. Gylli,—De Constantinopoleos topographia. Ludguni Batavorum. Exofficiana Elzeviriana, anno 1632). Затѣмъ извѣстны труды: Дюканжа, Бандури, Зальценберга, Лабарта, Мордтмана (Esquisse topographique de Cons-ple. Lille, 1892), Детье (Etudes archéologiques par le d-r Ph A. Dethier. Con-sple, 1881), Паспàти (A. Γ. Πασπάτη. Βυζαντίναι Μελέται. 'Σν Κονσταντινοπόλει, 1877, и особенно Τὰ Βυζαντινα 'Ανάκτορα. 'Σν 'Αθήναις, 1885) проф. Г. С. Дестунисъ (Топографія средневѣковаго Константинополя. «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1882 и 1883 гг.), проф. Дм. Ѳ. Бѣляевъ (Byzantina, книга I) и проф. Н. П. Кондаковъ (Визант. церкви Константинополя. Одесса, 1886 г.) и живо и популярно изложенныя статьи его «Древности Константинополя». «Новь», 1885 г. №№ 16 и 17).

Къ стр. 47, строка 10. «...бронзовая дверь тихо отворилась...»

Даже объ этой двери упоминается у Лабарта; это была одностворчатая дверь изъ полированнаго металла (Labarte, p. 70).

Триклинъ Триконха (κογχή — ниша), построенный императоромъ Ѳеофиломъ, служилъ входнымъ заломъ священ-

наго дворца; три двери вели въ него съ Сигмы. Своды его потолка были украшены мозаикой по золотому полю. Въ задней стѣнѣ находились три ниши, давшія залѣ названіе (Бѣляевъ, Byzantina, кн. I гл. II).

Къ стр. 50, строка 3 съ конца... «Въ великомъ триклинѣ Магнауры происходилъ пріемъ франкскихъ пословъ».

Чудеса великаго триклина Магнауры подробно описаны у многихъ писателей. Триклинъ построенъ былъ Константиномъ; портикъ украшалъ его входъ. Въ глубинѣ залы, на возвышеніи, куда вели три ступени изъ зеленаго мрамора, стояли престолы. Для каждой особы царской семьи были отдѣльныя кресла, литыя изъ чистаго золота, но особенно роскошенъ былъ тронъ самого императора, называвшійся трономъ Соломона и украшенный драгоцѣнными каменьями; сдѣланныя на немъ золотыя птицы шевелились, расправляя крылья, и пѣли, благодаря особому механизму. Рядомъ съ трономъ стоялъ огромный крестъ изъ золота, усыпанный яхонтами; невдалекѣ помѣщались золотыя деревья, и сидѣвшія на вѣтвяхъ ихъ птицы также могли пѣть и шевелиться. У подножія трона стояли два золотые льва; когда ихъ заводили, они поднимались на заднія лапы, открывали пасти и страшно рычали; тутъ же находился золотой органъ, украшенный эмалью. Большинство этихъ диковинъ было сдѣлано при императорѣ Ѳеофилѣ, который, какъ говоритъ Кондаковъ (стр. 53): «поощрялъ и самъ разрабатывалъ технику металлическаго производства и другихъ ремеслъ. Извѣстно, что онъ усовершенствовалъ музыкальные органы и умножилъ своимъ примѣромъ вкусъ къ автоматамъ и прочимъ хитростямъ Царяграда». (Labarte, p. 84, 85, Zonara 129, Const. Porphyr. De cerem. aul. Byz. p. 74, nota 75. Migne, t. 112, 356).

Къ стр. 51, строка 9... «Святъ, Святъ, Святъ!» — подхватывала вся толпа. «Многія вамъ времена, владыки, съ царицами и багрянородными».

Многолѣтія, пѣніе «Святъ, Святъ, Святъ!» и осѣненіе царя крестнымъ знаменіемъ. См. у Бѣляева. Byzantina, кн. II, стр. 82.

Къ стр. 51, строка 14... возгласилъ: «Повелите!»

Этотъ возгласъ «κελεύσατε!»—и понынѣ употребляющійся у насъ при архіерейскомъ служеніи—постоянно встрѣчается въ Византійскихъ дворцовыхъ церемоніяхъ. (Бѣляевъ. Byzantina, кн. II, стр. 25, 39, 31, 59, 65, 67 и др.).

Къ стр. 51, строка 15,—«Заиграли серебряные многотрубчатые духовые органы».

Органы играли большую роль какъ при дворцовыхъ пріемахъ, такъ и во время игръ на ипподромѣ. (Никита Хоніатъ, изд. Петерб. Дух. Ак., 1860, стр. 225).

Къ стр. 51, строка 18... «раздались слова логоѳета...»

Послѣ этого обыкновенно предлагались подарки посламъ. (Const. Porphyr. De cerem. aulae Byz. lib. II, cap. XV, p. 327. Migne 112, p. 1047).

ГЛАВА VII.

Къ стр. 53, строка 3... «дворецъ Гіерія».

Гіерія находилась на полуостровѣ, выступающемъ въ Мраморное море налѣво при выходѣ изъ Босфора, гдѣ теперь возвышается маякъ. Это мѣсто называется теперь Фенеръ-Бахче. Въ Гіеріи Юстиніанъ выстроилъ церковь Богоматери, «неописуемую словами», а Ирина—роскошныя термы. (Кондаковъ. Визант. церкви, стр. 42).

Къ стр. 54, строка 5... «Я былъ въ Студійскомъ монастырѣ, слышалъ тамъ проповѣди Никиты Стифата противъ Склирены».

Ранѣе чѣмъ разразился бунтъ противъ Склирены 9 марта

1044 г., протестъ духовенства противъ ея неслыханнаго положенія при дворѣ высказался въ горячихъ проповѣдяхъ монаха Студійскаго монастыря Никиты Стифата. (Скабалановичъ, стр. 57).

ГЛАВА IX.

Къ стр. 65, строка 7... «Императоръ хлопочетъ о сватовствѣ царевны (своей дочери отъ перваго брака) съ русскимъ княземъ Всеволодомъ Ярославичемъ».

Бракъ этотъ состоялся: византійская царевна, дочь Константина IX вышла за князя Всеволода Ярославича и сдѣлалась матерью Владиміра, въ честь дѣда прозваннаго Мономахомъ. Карамзинъ, впрочемъ, не знаетъ ея имени.

ГЛАВА X.

Къ стр. 71, строка 2... «Кому изъ любимцевъ народа, кому изъ «безсмертныхъ» возницъ завтра достанется побѣда»?

Возницы-эніохи пользовались особымъ, исключительнымъ положеніемъ. Они были освобождены отъ податей и отъ тѣлеснаго наказанія; въ званіе эніоха они возводились особыми граматами императоровъ. Знаменитѣйшимъ изъ нихъ воздвигались статуи и стихи писались на пьедесталахъ; кодексъ Ѳеодосія запрещаетъ только ставить статуи эніоховъ совсѣмъ рядомъ со статуями императоровъ.

«Наши знаменитѣйшія пѣвицы, извѣстнѣйшія актрисы никогда не были до такой степени избалованы публикой, какъ всѣ эти Калліопы, Икаріи, Анатолеоны...», говоритъ Рамбо, приводя образцы восторженныхъ стиховъ, посвященныхъ «безсмертнымъ» эніохамъ. (Le monde Byzantin. Le sport et l'hippodrome à Constantinople par Alfred Rambaud, «Revue des deux Mondes» 15 Août 1871, p. 771).

Рамбо въ этой статьѣ описываетъ ипподромъ. Теперещ-

няя площадь Ат-мейдана не даетъ понятія даже о размѣрахъ этого памятника; о нихъ только до нѣкоторой степени можно судить, если, спускаясь къ Кючукъ Ая-Софія (Храмъ Свв. Сергія и Вакха), взглянуть на огромный полукругъ «холодной цистерны», служившей ипподрому основаніемъ и продолженіемъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ начинается склонъ къ Мраморному морю. Цистерна эта выстроена Септиміемъ Северомъ и до сего времени служитъ водохранилищемъ. Амфитеатръ составлялъ тридцать ярусовъ уступовъ изъ бѣлаго мрамора; четыре лѣстницы поднимались снизу къ мраморной колоннадѣ, украшенной множествомъ статуй и проходившей по верхней линіи ипподрома, какъ бы вѣнчая его. Съ этой возвышенной колоннады, любимаго мѣста прогулки византійцевъ, открывался дивный видъ.

Низкая платформа, разсѣкающая продольно подковообразную арену (spina) была уставлена колоннами, обелисками и другими памятниками. Изъ нихъ числа теперь только три печально стоятъ на пустынной площади Ат-Мейдана: 1) полуразрушенный обелискъ, возобновленный Константиномъ Багрянороднымъ (онъ былъ когда-то обшитъ бронзовыми барельефами, ободранными крестоносцами, предполагавшими, что это золото. Онъ давно уже угрожалъ паденіемъ, особенно же послѣ сильнаго землетрясенія 28 іюня 1894 г., послѣ коего приступлено къ его реставраціи), 2) египетскій обелискъ, привезенный Ѳеодосіемъ Великимъ, съ византійскими барельефами на пьедесталѣ и 3) знаменитая бронзовая «змѣиная колонна», поднесенная 36-ю греческими городами, съ Павзаніемъ во главѣ, храму Аполлона въ Дельфахъ, въ память Платейской битвы съ Ксерксомъ. Головы змѣй давно отбиты; ихъ отбилъ, по преданію, одинъ изъ патріарховъ при Ѳеофилѣ, явившись ночью съ людьми на ипподромъ и желая уничтожить предметъ суевѣрія и страха толпы. Одна изъ этихъ головъ находится въ Британскомъ музеѣ, а вторая въ музеѣ Константинопольскомъ. (Rambaud. Le sport et l'hippodrome à Cons-ple, p. 777, № 8).

*

Къ стр. 71, строка 23... «Стражи и тѣлохранители... спустились на выступъ, покоемъ опоясывавшій трибуну императора».

Этотъ выступъ такъ и назывался «пи» (π) или стамой. Царская трибуна значительно выступала изъ стѣнъ дворца Каѳизмы и покоилась на колоннахъ. (Rambaud. p. 774. Labarte p. 44—54).

Къ стр. 71, строка 26... «Константинъ IX... показался на ступеняхъ престола...».

Передъ играми царь въ Кенургѣ облачается въ шитый золотомъ саккосъ и, помолясь иконѣ Спасителя въ Хризотриклинѣ, выходитъ, предшествуемый, кромѣ другихъ чиновъ, препозитомъ съ горящею восковою свѣчей (препозитъ — придворный чинъ). Царь заходитъ во всѣ храмы и часовни, примыкавшіе къ галлереямъ на пути въ Каѳизму, и зажигаетъ свѣчи у мѣстныхъ иконъ. Хламиду онъ надѣваетъ уже въ Каѳизмѣ. Когда, взойдя на ступени трона, онъ благословляетъ народъ, дежурный евнухъ поднимаетъ уголъ хламиды и вкладываетъ его въ руку царя. (Const. Porphyr. De cer. aul. Byz., p. 177, et syg. cap. LXVIII. Migne 112, tome I, p. 579).

Къ стр. 72, строка 2... «За бронзовыми рѣшетками галлерей церкви св. Стефана видно движеніе; тамъ размѣщаются Августѣйшія со своими придворными дамами».

Въ первые вѣка Византіи царицы вѣроятно присутствовали на играхъ, сидя рядомъ съ царемъ. Этому находятъ подтвержденіе на барельефахъ у подножія египетскаго обелиска Ѳеодосія, хотя трудно рѣшить, царицу ли представляетъ изображенная тамъ полустертая фигура. Во всякомъ случаѣ въ X и XI в.в. идеи востока все болѣе входили въ жизнь Византіи, и положеніе женщины, окруженной евнухами, напоминало гаремы мусульманъ. Съ религіей Русь наслѣдовала отъ Царяграда и терема. Всякія общественныя зрѣлища—театры, представленія акробатовъ, шутовъ

и мимовъ были доступны лишь мужчинамъ; впрочемъ, театръ въ эту пору такъ упалъ, что даже для мужчинъ посѣщеніе его не считалось вполнѣ приличнымъ. Понятно, что въ эту эпоху Августѣйшей не подобало присутствовать открыто на играхъ, и потому она помѣщалась за рѣшеткой галлереи, откуда ей было все видно, но сама она почти не видна была народу. (Rambaud. p. 575).

Къ стр. 72, строка 25... «Служители вышли ровнять почву и приготовить ее ко второму бѣгу».

Четыре раза бѣжали колесницы. Потомъ начинались представленія акробатовъ, шутовъ, выводились рѣдкія животныя. Иногда устраивались состязанія пѣшеходовъ. (Rambaud. p. 790).

ГЛАВА XI.

Къ стр. 75, строка 22... «онъ нѣсколько разъ заходилъ на Орологій...»

Трипетонъ или Орологій—галлерея, получившая названіе отъ водяныхъ часовъ, тамъ стоявшихъ—соединялъ галлерею Сорока мучениковъ съ Кенургомъ и Хризотриклиномъ.

Къ стр. 77, строка 14... «и Пселлъ указалъ вдаль на туманныя очертанія мало-азіатскаго Олимпа...»

Олимпъ—одна изъ самыхъ высокихъ горъ Виѳиніи; у подошвы его лежитъ нынѣшній городъ Брусса. На немъ такъ было много монастырей, что турки и теперь называютъ его горой монаховъ—Кешишъ-дагъ. Извѣстны многіе подвижники съ Олимпа. Самъ Пселлъ впослѣдствіи принялъ постриженіе и удалился на Олимпъ, но не долго выдержалъ суровость монашеской жизни и вернулся въ міръ.

Къ стр. 77, строка 25... «Какъ бронзовый орелъ Аполлонія Тіанскаго ..»

Орелъ, созданіе «волшебника» Аполлонія Тіанскаго, былъ однимъ изъ лучшихъ украшеній ипподрома. (Никита Хоніатъ. Описакіе статуй. II, стр. 435).

ГЛАВА XII.

Къ стр. 82, строка 11... «чтобы онъ непремѣнно выпивалъ каждаго зелья, которое онъ ей прописываетъ...»

У насъ, до царя Алексѣя Михайловича, врачей также заставляли самихъ глотать сперва всѣ лѣкарства, которыя они прописывали членамъ царской семьи.

Къ стр. 82, строка 24... «Ты, — царь, заступникъ бѣдныхъ» и т. д.

Вся эта рѣчь Пселла до конца представляетъ подлинный переводъ начала панегирика его Мономаху (Безобразовъ, М. Пселлъ, стр. 18).

Къ стр. 83, строка 18... «Ты — великая польза Ромэевъ...»

Такъ Пселлъ называетъ Лихуда въ одномъ изъ своихъ писемъ къ нему. (Безобразовъ, стр. 19).

Къ стр. 83, строка 22... «Государственныя должности продаются, какъ овощи на рынкѣ».

Продажность должностей въ XI в. достигла крайнихъ предѣловъ. Нѣкоторыхъ назначеній нельзя было получить не внесши извѣстную и часто весьма значительную сумму.

Къ стр. 83, строка 26... «сказочныя постройки — вродѣ Манганскаго монастыря св. Георгія.

Монастырь этотъ дѣйствительно представлялъ что-то сказочное по роскоши отдѣлки. Простудясь послѣ купанья въ одномъ изъ выкопанныхъ возлѣ монастыря прудовъ, Константинъ IX слегъ и скончался 11 янв. 1055 (Скабалановичъ, стр. 67).

Къ стр. 83, строка 28... «Я плакалъ, видя... я стыжусь своего царя...»

Все это подлинныя слова Пселла: онъ говоритъ такъ про Мономаха въ своихъ мемуарахъ. (Безобразовъ, стр. 17).

Къ стр. 84, строка 14... «молебенъ передъ иконой Богоматери Одигитріи, которую ты отправляешь въ даръ жениху твоей дочери...»

Есть предположеніе, что эта икона Одигитріи, писанная по преданію Евангелистомъ Лукой и прославленная чудесами, перешла впослѣдствіи къ Смоленскимъ князьямъ и извѣстна у насъ нынѣ подъ именемъ чудотворной Смоленской иконы Божіей Матери.

Къ стр. 86, стр. 6... «посадить спаѳарія Глѣба въ Анемадскую тюрьму...»

Анемадская башня (Ἄνεμας) одна изъ самыхъ большихъ башенъ на склонѣ стѣнъ въ Золотомъ Рогу. Донынѣ въ этой живописной развалинѣ сохранились страшныя темницы, колодцы, каменные мѣшки. Здѣсь была тюрьма государственныхъ преступниковъ. Вѣроятно, здѣсь же былъ заключенъ несчастный Константинъ Деласинъ, которому два раза въ жизни такъ близка была возможность надѣть царскій вѣнецъ.

Къ стр. 87, строка 6... «внѣ городскихъ стѣнъ лежащіе монастыри: Св. Мамонта, Козмидіонъ и Петріонъ...»

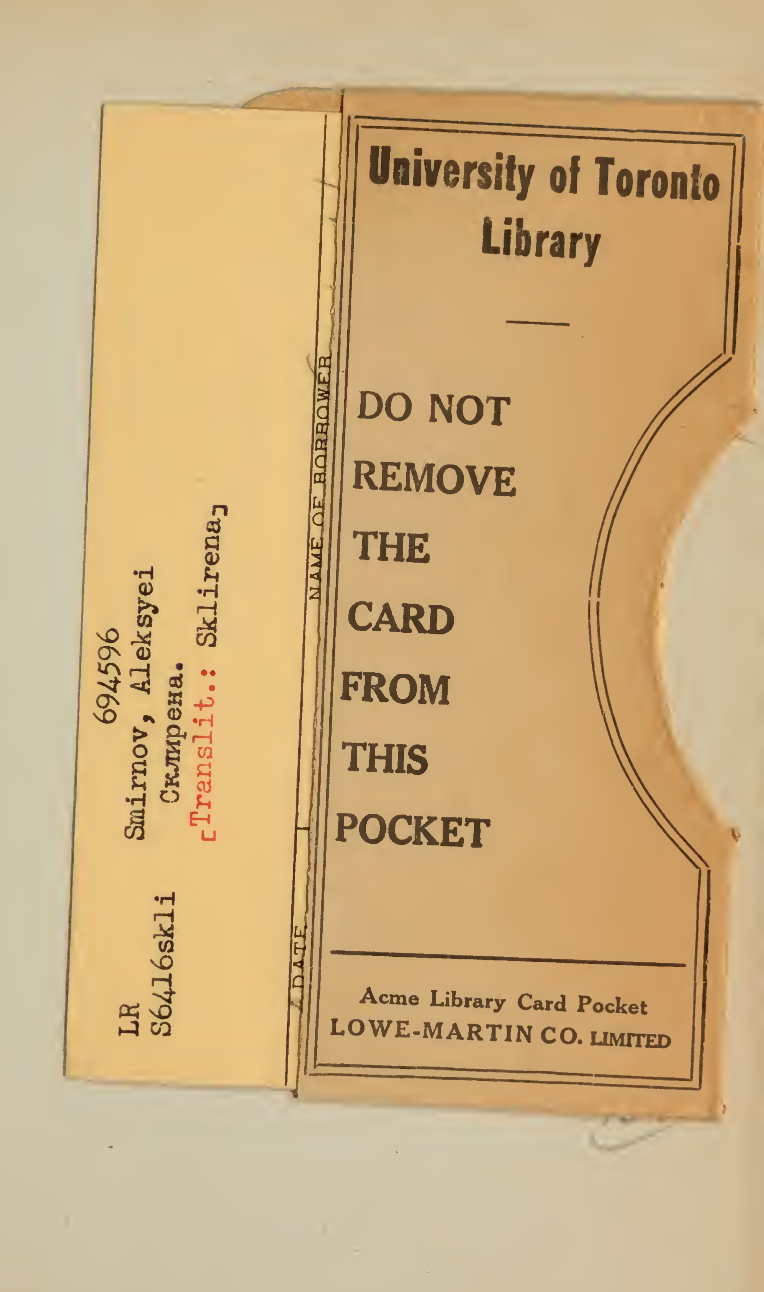
Городскія стѣны, построенныя Ѳеодосіемъ Великимъ, не захватывали Влахернскаго квартала, который былъ обнесенъ стѣнами лишь при Геракліи. Сюда въ концѣ XI вѣка перенесена была царская резиденція; Зоя и Ѳеодора были послѣднія, жившія въ священномъ дворцѣ. Комнины перенесли во Влахернскій дворецъ всѣ украшенія и драгоцѣнности; даже мраморъ и колонны для новой резиденціи брали изъ покинутаго дрорца. Ранѣе Влахерны считались загородною резиденціей.

Въ монастырѣ св. Мамонта, по договору Ольги съ греками, было разрѣшено, какъ извѣстно, жить русскимъ. «Приходящіе Русь да витають у св. Мамы»... — Козмидіонъ, гдѣ постригся и умеръ Михаилъ Пафлагонъ, лежалъ приблизительно на мѣстѣ нынѣшняго Эюба. — Въ монастырѣ Петріонѣ жила при Мономахѣ монашествующая императрица Ѳеодора, младшая сестра Зои.

Къ стр. 87, строка 10... «вѣроятно, оттого ее и назвали Орломъ»...

Орелъ (Ἀετός)—зданіе, выстроенное Василіемъ Македонскимъ на самой вершинѣ холма въ саду. Къ нему примыкала церковь Богородицы Орла (Ἀετοῦ). Labarte, p. 86. Н. Кондаковъ. Виз. церкви. стр. 59.

University of Toronto
Library
DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET
Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED
NAME OF BORROWER
DATE
LR
S6416skli
694596
Smirnov, Aleksyei
Склирена.
[Translit.: Sklirena]

